«ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!»

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

ГОД ИЗДАНИЯ 46-й

№ 19 (4461)

8 мая 1974 г. СРЕДА

9 МАЯ — ПРАЗДНИК ПОБЕДЫ

«Великая Отечественная война была для нас, советских людей, борьбой не только за свободу и независимость нашей Родины. Это была одновременно и битва за спасение мировой цивилизации, за грядущий справедливый мир».

Л. И. БРЕЖНЕВ

ТРИБУНА ПУБЛИЦИСТА

ВО ИМЯ РОДИНЫ

Олег СМИРНОВ

РОВНО через год мы будем отмечать 30-летие Победы. Как же далек — по времени — тот весенний день, безоблачный, солнечный, настоенный на запахах зацветших садов! И как он близок — по неувядаемости мыслей и чувств, испытанных нами, по неиссякаемости памяти обо всем, что пережито за кровопролитнейшую из войн! Мы шли к этому дню четыре нескончаемых года под низким, опаленным пожарами небом, по растоптанным танковыми гусеницами пшеничным полям, по сожженным дотла селам и взорванным городам, по истерзанным, израненным родным краям, освобождая их, неся освобождение Европе и в конечном счете спасая от фашистской чумы всю планету. А по обочинам страдного фронтового пути вставали фанерные обелиски с жестяными пятиконечными звездами на братских могилах, которым несть числа.

Ныне фанерные пирамидки заменены гранитом и мрамором, и в день 9 мая страна замирает в торжественной скорбной минуте молчания. В эту минуту мы еще и еще раз с пронзительной болью думаем о павших, достойных вечной человеческой благодарности. Ибо на их могилах покоится сегодняшний мир, и нет на свете более прочного основания.

Невиданно тяжело досталась нам наша мирная, наша прекрасная жизнь. Время идет в трудах и заботах, в борьбе и свершениях — год за годом, не успеваешь уследить. Время необратимо, череда уходящих лет неотменима, но и неотменима наша гордая и признательная память. Бессмертен подвиг советского народа и его армии, и слава о нем переживет века. Грядущие поколения будут преклоняться перед этим подвигом так же, как преклоняются нынешние. Да разве, в сущности, не ради будущих поколений сражались советские воины под Москвой, Ленинградом, Сталинградом, Курском, в Белоруссии и на Украине, в Прибалтике и Молдавии, в Польше и Болгарии, Венгрии и Чехословакии, Югославии и Румынии, в Австрии, Норвегии, Германии? Ведь определялись судьба страны, судьба человечества на долгие времена.

В войну советский народ показал, на что он способен во имя Родины. На полях сражений проявился массовый героизм, какого не ведала история. Но наступили мирные будни — народ, вдохновленный Коммунистической партией, опять явил стойкость, мужество, беспредельную готовность преодолеть любые испытания, чтобы победить. Из развалин, из пепла были возрождены города, заводы, шахты, заново отстроены деревни, вспаханы и засеяны одичавшие поля. Каких усилий это стоило после четырехлетней опустошительной войны, нелегко и представить тому, кто не жил в те годы. И потом с каждой новой весной все больше и больше набиралась Отчизна живительных соков, жизненной силы, крепло ее могущество, лучше становилось наше с вами житье-бытье. Не счесть трудовых подвигов, свершенных и старшими, и младшими поколениями. Эти подвиги, как и ратные, увековечены в истории государства.

Решающее значение для дальнейшего развития страны, социалистического содружества, всего человечества имел XXIV съезд КПСС. Принятые на нем решения в огромной степени способствуют выдающимся успехам коммунистического строительства, экономическому и оборонному упрочению Советского Союза, сохранению мира на земном шаре. Историческая Программа мира, выдвинутая XXIV съездом КПСС, стала для каждого честного человека на земле кровной программой борьбы против войны, за прочный и длительный мир.

Уж кто-кто, а бывшие фронтовики знают подлинную цену войны и мира. И потому мы говорим партии и правительству, Генеральному секретарю ЦК КПСС *Леониду* Ильичу Брежневу, прошедшему Великую Отечественную от начала до конца, душевное спасибо за неутомимую подвижническую деятельность ради укрепления мира, ради создания условий, необходимых для построения коммунизма. Сегодня, когда в стране начался новый этап избирательной кампании, когда окружные избирательные комиссии производят регистрацию кандидатов в депутаты Верховного Совета СССР, советские люди говорят спасибо родной Коммунистической партии за ее заботу о народном благе, о постоянном улучшении материальных и духовных слагаемых народной жизни.

Не забывая о прошлом, советский народ уверенно и спокойно смотрит вперед. Там, впереди, непочатый край работы. Что ж, под мирным небосводом хорошо работается. А коли так, то кто же сомневается: величественные директивы девятого пятилетнего плана будут выполнены и перевыполнены. Порукой тому — творческий, созидательный труд советских людей, людей высокой сознательности, умеющих и воевать, и работать с полной отдачей.

Вместе с народом — советские писатели. Мы честно выполняли, выполняем и будем выполнять свой патриотический и интернациональный долг. И добрые слова Леонида Ильича Брежнева о советской литературе, произнесенные недавно на XVII съезде Ленинского комсомола, побуждают нас трудиться еще ответственней, еще самоотверженней. И стар ты или молод, токарь ты или полевод, ученый или писатель, думай, как принести Родине больше пользы.

Да, прожитые годы мелькают, как вагоны воинских эшелонов, когда-то увозивших юношей на фронт. Не все, не все вернулись в этих эшелонах домой. А кто вернулся, тем уже пятьдесят, по крайней мере. И было бы бодрячеством утверждать, что мы не стареем. Настоящая же, не напускная бодрость заключается, вероятно, в понимании: в обусловленные сроки на смену нам придут другие поколения, в чьи надежные руки мы и передадим эстафету наших идей и достижений.

Дружба и братство связывают нас, советских граждан, и *друг с другом, и с передовыми* людьми за рубежом. Как выразился один мой зарубежный читатель, СССР — *оплот всей семьи земных народов.* Я согласен с ним. Большое, неизмеримое счастье — жить в такой стране, *как наша. Его надо было и* выстрадать, и отвоевать. И его надо беречь. А это значит — надо беречь свою Родину. Будь же навеки благословенна, Родина!

Достойные ратной славы отцов

Фото А. ХРУПОВА

В СЕКРЕТАРИАТЕ ПРАВЛЕНИЯ СП СССР

УМ, ЧЕСТЬ, СОВЕСТЬ НАШЕЙ ЭПОХИ

— ДЛЯ КАЖДОГО из нас понятия «партия», «коммунист» — святые, и разговор на эту тему всегда наполнен большим, воодушевляющим содержанием. 120 литераторов съехались в Тбилиси на творческое совещание писателей и критиков. Крылатая ленинская фраза «Партия — ум, честь и совесть нашей эпохи» стала девизом этого форума...

Этими словами начал свое выступление на очередном заседании секретариата правления Союза писателей СССР секретарь правления Виталий Озеров. В повестке дня секретариата два вопроса: об итогах совещания и о планах работы издательства «Советский писатель».

— В центре разговора, который шел на творческом совещании, — продолжал В. Озеров, — стояли вопросы, рожденные самим временем, шла речь об участии литераторов в решении задач девятой пятилетки; был проведен довольно *строгий смотр* того, что сделали писатели после XXIV съезда КПСС. Второй день совещания совпал с выступлением Леонида Ильича Брежнева на XVII съезде комсомола, где была дана высокая, вдохновляющая оценка советской литературе. Эта оценка во многом определила атмосферу совещания. Каждый участник относился к задачам литературы, к своей работе с двойной, тройной требовательностью...

Образ коммуниста, передового советского человека, ярко и впечатляюще созданный средствами искусства, имеет огромное значение в воспитании подрастающего поколения. Об этом вновь заявили участники совещания. Кстати, обстоятельный, подробный разговор, посвященный воплощению образа коммуниста в советской литературе, передового человека, героя девятой пятилетки, будет продолжен в Москве, Ленинграде, в столицах ряда союзных республик.

Совещание снова продемонстрировало безграничную преданность литераторов Страны Советов нашей ленинской Коммунистической партии.

— Участниками творческого совещания была поднята тема важная, острая, нужная, — *отметил первый секретарь* правления СП СССР Г. Марков. — Материалы совещания имеют большое значение для писательской общественности. Воплощение образа коммуниста в литературных произведениях — одна из самых *первостепенных* задач.

В обсуждении итогов совещания приняли участие критики Г. Бровман и Ф. Кузнецов.

По второму вопросу повестки сообщение сделал председатель правления издательства «Советский писатель» Н. Лесючевский.

План выпуска 1975 года включает в себя издание 388 наименований книг и 12 номеров журнала «Советиш Геймланд». Общий объем — 5900 издательских листов, тираж — 16,2 миллиона экземпляров. В плане выпуска — 285 новинок, что составляет 75 процентов общего числа книг. 137 книг (37 процентов) принадлежат перу писателей братских республик: переведены они с 32 языков народов СССР...

В обсуждении планов издательства «Советский писатель» приняли участие секретари правления СП СССР С. Сартаков и Н. Федоренко.

Секретариат правления СП СССР утвердил состав юбилейной комиссии в связи с исполняющимся в октябре 1974 года 150-летием со дня рождения выдающегося русского поэта И. С. Никитина. *Председатель* комиссии — поэт В. Федоров.

В работе секретариата участвовал заместитель заведующего *Отделом* культуры ЦК КПСС А. А. Беляев.

СЛОВО О БОЕВОМ ДРУГЕ

ВОСПОМИНАНИЯМИ ДЕЛЯТСЯ Анатолий АНАНЬЕВ, Виктор АСТАФЬЕВ, Григорий БАКЛАНОВ, Василь БЫКОВ, Платон ВОРОНЬКО, Эдуардас МЕЖЕЛАЙТИС.

стр. 3

Сергей НАРОВЧАТОВ:

ПОЭТ НА ФРОНТЕ

стр. 6

«ОДНО ЗАДАНИЕ»

ОТРЫВОК ИЗ НОВОГО РОМАНА ВЛАДИМИРА КАРПОВА

стр. 7

НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

НАЙДЕНЫ ДОКУМЕНТЫ ПОДПОЛЬНОГО КОЛХОЗА «ЛЕНИНСКАЯ ИСКРА»

стр. 10

Председатель правления подпольного колхоза Е. Д. Андрюшина.

КОММЕНТАРИЙ К СОБЫТИЮ

ГОРДИМСЯ ТОБОЙ, МАГНИТКА!

Владимир ПОПОВ

Магнитогорская руда

Фото В. АХЛОМОВА

МЫ УЖЕ привыкли к высоким темпам, и нас мало чем удивишь. И все же, вглядываясь в прошлое Магнитогорского металлургического комбината имени В. И. Ленина, невольно испытываешь чувство удивления и восхищения. Всего три года прошло от первого удара заступом, потревожившего первозданную ковыльную степь, до выпуска первого чугуна, окрасившего эту степь торжественным заревом победы. А ведь главными орудиями труда в ту пору были лопата и кайло, а основными рабочими — землекопы и грабари.

Это был великий подвиг народа, по велению партии создавшего мощную металлургическую базу на востоке страны, базу, сыгравшую решающую роль во время Великой Отечественной войны. Достаточно вспомнить, что каждый второй танк был одет магнитогорской броней, каждый третий снаряд изготовлен из магнитогорской стали. Непробиваемая броня и всепробивающий снаряд.

Люди строили Магнитку, оставались здесь, прикипали сердцем к своему детищу. Начав новую жизнь на этом заводе, они росли вместе с ним и постепенно становились горновыми, сталеварами, вальцовщиками, государственными и партийными деятелями.

«Мы с Магнитки» — звучит так же гордо, как «мы из Кронштадта», потому что героизм будней не менее славен, чем военные подвиги.

Мы привыкли к огромным масштабам наших заводов и строек, и все же у самого бывалого человека захватывает дух, когда он с горы Магнитной любуется необъятной панорамой комбината, бесчисленные трубы которого вздымаются к небу, панорамой современного города, раскинувшегося по обоим берегам реки Урала.

Мы привыкли к большим цифрам, и все же испытываешь волнение, когда узнаешь, что на Магнитке выплавлена 250-миллионная тонна стали. Знаменательно, что эта юбилейная плавка была проведена 22 апреля — в день рождения вождя революции, имя которого с гордостью носит комбинат. Знаменательно и то, что эти почетные тонны плавили на самой первой печи и на самой современной, двухванной, дающей более миллиона тонн стали в год.

В этом же, 1974 году предстоит взять еще два славных рубежа — будет выплавлена 200-миллионная тонна чугуна и выдана 200-миллионная тонна проката.

Советский народ гордится вами, магнитогорцы!

Юбилейная плавка закончена!

Фото ТАСС

Писатели — кандидаты в депутаты Верховного Совета СССР

За разбором депутатской почты. Фото В. ТЮРИКОВА

ПУТЬ К СЕРДЦУ

Биография Камиля Яшена — это биография нашего современника, человека, прошедшего долгий и славный путь вместе со всей страной. Люди такой судьбы призваны выразить волю народа в высшем органе Советской власти — Верховном Совете СССР.

Не случайно жители Маргиланского избирательного округа Ферганской области назвали его своим кандидатом в депутаты. В 1966 и в 1970 годах Камиль Яшен уже был выдвинут в Верховный Совет СССР от Амударьинского и Чимбайского избирательных округов Каракалпакской АССР. И он полностью оправдал доверие хлопкоробов и рисоводов — замечательных тружеников республики.

...Когда-то Каракалпакия была, что называется, богом забытым краем, зажатым между пустынями Каракумы, Кызылкумы и каменистым плато Устюрт. Вместо дорог — верблюжьи тропы, вместо домов — ветхие юрты, вместо белопенных хлопковых полей — голая, выжженная безжалостным солнцем и ветрами степь. В одной старинной песне поется: «Нас осталось так мало, что если подует ветер, то он унесет нас вместе с песком». Память об этих страшных временах еще жива в народе, жива эта память и у Камиля Яшена — ведь он родился за восемь лет до революции и детство его пришлось на нелегкое время.

Все творчество Камиля Яшена — стихи, проза, драматургия — пронизано пафосом коммунистических идеалов. Академик АН УзССР, заслуженный деятель искусств УзССР, народный писатель Узбекистана Камиль Яшен руководит писательской организацией республики, возглавляет Советский комитет по связям с писателями стран Азии и Африки и несет еще большое количество разнообразных обязанностей.

Ничто так не объединяет людей, как общая судьба, и Камиль Яшен находит путь к человеческому сердцу не только с помощью своих книг. Камиль Яшен всегда готов принять дружеское участие в судьбе человека, оказать братскую бескорыстную помощь, глубоко понять проблемы, с которыми сталкиваются люди в повседневной жизни. Вот почему, когда он приезжает в колхозы и совхозы, никто не остается равнодушным. Все идут поговорить со своим депутатом.

Среди массы важных государственных дел, которыми вот уже два срока занимался Камиль Яшен как депутат, он находит время для того, чтобы помочь своим избирателям и в решении чисто бытовых вопросов. Школа на 540 мест, восьмиквартирный жилой дом, широкоэкранный кинотеатр...

Но даже короткий газетный рассказ о депутатской деятельности Камиля Яшена не может обойтись без упоминания еще об одной стороне его работы. Много сил и внимания отдавал и отдает он развитию национальной каракалпакской литературы. Это при его непосредственном участии подготовлены и изданы на русском языке старинный народный дастан «Шарьяр», роман Т. Каипбергенова «Дочь каракалпака», книга стихов И. Юсупова «Глаза ящерицы». Для сборника стихов «Степные струны» Камиль Яшен написал обширное предисловие, в котором был дан всесторонний анализ классического наследия и современной каракалпакской поэзии.

А судьба молодого поэта Кенесбая Рахманова?.. Впервые Камиль Яшен прочел его стихи в местной газете и отметил их художественную ценность. Стихи Кенесбая Рахманова были включены в сборники наряду с произведениями маститых и широко известных литераторов. До сих пор Камиль Яшен читает вслух полюбившиеся ему строки, в которых, кажется, выражено и его отношение к людям, к родной стране:

Нальзя измерить
даже океаном
Любовь к стране,
что так мне дорога!
Хоть он разлит по всем
меридианам,
Вся ж у него есть дно
и берега —
Любовь нальзя
измерить океаном...

Недавно я побывал в рабочем кабинете Камиля Яшена, видел груду писем, которые присылают ему люди со всех концов республики, окунулся не несколько минут в кипучую атмосферу жизни большого писателя.

— Вы интересуетесь моей депутатской работой?—спросил Камиль Яшен. — Ну что ж, пусть вам об этом расскажут другие. А я расскажу о том, что дает мне как литератору, как человеку представительство в высшем органе власти, частые встречи с избирателями. Неизгладимое впечатление оставалось у меня от этих встреч. Я вникал во все проблемы, которыми живет народ этой прекрасной страны. Успехи, достигнутые Каракалпакской АССР за годы Советской власти, поистине грандиозны.

Как не запечатлеть этот многотрудный подвиг каракалпакского народа, который в содружестве с другими народами нашей страны покоряет сегодня бурную Амударью, открывает несметные сокровища Устюрта, строит в пустынях чудесные города, выращивает невиданные урожаи риса. Обязательно напишу — это велит мне сердце.

Мне хотелось бы обратить внимание на важное событие в жизни республики, которое происходит в преддверии выборов в Верховный Совет СССР. В Узбекистане начался большой праздник многонациональной социалистической культуры — Дни советской литературы, посвященные пятидесятилетию образования республики и ее компартии.

Недавно коллектив Маргиланского шелкового комбината, с которым меня связывает давняя дружба, выдвинул меня своим кандидатом в Совет Национальностей Верховного Совета СССР. Высокое доверие, оно ко многому обязывает!

В. ТЮРИКОВ,
собственный корреспондент «Литературной газеты»

ТАШКЕНТ

Камиль Яшен с читателями Фото В. КРОХИНА

ДЕЛА ЖУРНАЛЬНЫЕ

«ВОЛГА», номер сотый

На обложке апрельского номера журнала «Волга» стоит цифра 100. Сто журнальных книг — итог восьмилетней работы...

На страницах очередного номера напечатаны главы из новой документально-художественной «Повести о большевистском эмиссаре» И. Кремлева. Писатель рассказывает о событиях 1917 года, воссоздает образ великого вождя революции В. И. Ленина и близкого соратника Ильича В. Д. Бонч-Бруевича.

Заслуженный художник РСФСР Б. И. Лебедев в соавторстве с кандидатом исторических наук Ж. А. Трофимовым подготовил к печати книгу-альбом об отце В. И. Ленина — И. Н. Ульянове. Журнал предлагает читателям некоторые материалы из этого альбома, а также письма из семейного архива Ульяновых.

Под рубрикой «Год четвертый, определяющий» напечатан очерк В. Ильина «Корабельных дел мастера», рассказывающий о славных делах тружеников Навашинского завода, марка которого в последние годы приобретает все большую известность.

В разделе «Критика и библиография» напечатан обзор литературной жизни Поволжья.

Н. ЛАРИНА

ЗА МИНУВШУЮ НЕДЕЛЮ

...С АВТОГРАФАМИ КОСМОНАВТОВ

В один из дней в СП СССР состоялась встреча представителей ВВС с руководством Союза писателей СССР. В СП СССР прибыли член Военного совета — начальник Политуправления Военно-Воздушных Сил, Герой Советского Союза, генерал-подковник авиации И. М. Мороз, дважды Герой Советского Союза, летчик-космонавт СССР, генерал-майор авиации В. А. Шаталов и другие.

Гости ознакомились с деятельностью правления Союза писателей СССР. Потом состоялся подробный разговор о современной литературе, о проблемах, стоящих перед писателями.

В память о посещении гости преподнесли в дар памятные значка «От покорителей космоса» в красочные альбомы с автографами космонавтов.

Гости сделала своеобразный «социальный заказ» — просили помочь в создании новых произведений об авиаторах.

— На нас, летчиков, возложена задача важная и сложная, — сказал И. М. Мороз.— Советские ВВС должны быть достойными великой державы — СССР. ВВС — это самый динамичный, самый ударный род войск. На современном самолете стоит приборов в тридцать раз больше, чем на машинах, что были грозным оружием в последние годы войны. Изменился и летный состав — количественно и качественно. Молодые люди, которые сегодня приходят в Военно-Воздушные Силы, представляют интерес и для литератора, и для читателя. Это инженеры высшей квалификации, это герои, которые ежедневно совершают подвиги. Тут столько простора для писателя!..

ОТ СРЕДЫ ДО СРЕДЫ

ПРОШЛИ...

...в Москве и Туле Дни киргизской литературы, в которых приняла участие группа молодых поэтов.

Гости посетили квартиру В. И. Ленина в Кремле, провели читательскую конференцию на кондитерской фабрике «Ударница», побывали на Щекинском химкомбинате имени 50-летия СССР, в Тульском педагогическом институте, а издательстве «Молодая гвардия».

В ЦДЛ имени А. А. Фадеева прошел вечер киргизской поэзии.

СОСТОЯЛОСЬ...

...в Вильнюсе торжественное собрание, посвященное вручению правительственных наград и присвоению почетных званий группе работников литературы и искусства Советской Литвы в связи с успешным проведением Дней литовской культуры в Белорусской ССР.

Награды вручил председатель Верховного Совета республики А. Баркаускас.

От имени ЦК КП Литвы и правительства республики награжденных поздравил первый секретарь ЦК КП Литвы П. Гришкявичус. От имени награжденных выступил поэт А. Малдонис.

ВОЗВРАТИЛАСЬ...

...из поездки в Финляндию и Швецию делегация Всесоюзного агентства по авторским правам во главе с председателем правления В. Панкиным. Это был первый визит представителей ВААП в страны Северной Европы.

Большое значение для дальнейшего распространения произведений советских авторов в Финляндии и Швеции, а также работ финских и шведских писателей в СССР имели переговоры между делегацией ВААП и представителями издательских кругов этих стран. Итоги переговоров позволяют сделать вывод о том, что уже в ближайшее время возможно подписание типового соглашения на перевод и издание произведений советской литературы.

Делегация встречалась также с представителями театральной и литературной общественности. Так, в Финляндии прошли переговоры с руководством «Союза рабочих театров», а в Швеции — с руководством Союза писателей и ряда театральных агентств.

Сергей САРТАКОВ

МАЛЕНЬКИЙ ДИАЛОГ

МОЛОДОМУ РАБОЧЕМУ ПОСВЯЩАЕТСЯ...

Подведены итоги всесоюзного конкурса «Молодой рабочий». В связи с этим мы обратились и председателю жюри конкурса, секретарю правления Союза писателей СССР Сергею Сартакову с просьбой ответить на несколько вопросов.

— Каковы задачи этого конкурса и кем он был организован?

— Перед организаторами конкурса «Молодой рабочий» стояла задача отобрать и отметить премиями лучшие произведения, посвященные учебе, труду и быту учащихся профессионально - технических училищ. Организатор — Государственный комитет Совета Министров СССР по профессионально - техническому образованию.

— Сколько произведений поступило на конкурс?

— 152 литературных произведения — повести, пьесы, киносценарии, поэмы, рассказы, стихи, песенные тексты... Рабочая группа отобрала десять лучших и предложила их вниманию жюри...

—...для присуждения, естественно, премии?

— Да. Но тем не менее высшая премия, первая, присуждена не была: жюри пришло к единодушному мнению — первой премии не присуждать, поскольку представленные произведения в должной степени не отвечали главной задаче конкурса — интересно, увлекательно рассказать о жизни и труде воспитанников современных ПТУ. Именно современных «ремесленных училищ»!

— Кто получил премии вторые и третьи?

— Вторые — А. Ельянов — за повесть «Утро пятого дня» и А. Маркуша — за сборник очерков и рассказов «Работа у нас такая». Третье премия присуждена Г. Приеде — за пьесу «Я заставлю вас любить Райниса». Кроме того, поощрительных премий удостоены А. Лядов — за пьесу «Каждому по облаку», А. Михайлов — за повесть «Год на раздумье», К. Пинчуков — за киноповесть «Бухарские девчата».

— Будет ли конкурс продолжен в дальнейшем?

— На заседании жюри была отмечена важность проведенного конкурса. Тема трудового воспитания и морального становления молодого рабочего, к сожалению, часто остается вне поля зрения наших литераторов. Надо обратить их внимание на эту серьезную злободневную тему. Ведь трудовые резервы — это будущее современного рабочего класса, это будущее всей, без преувеличения, страны. Школьнику, стоящему на пороге выбора профессии, решающему, кем быть, очень важно знать не только скупые «анкетные» сведения о своей будущей работе, но и увидеть ее в ракурсе увлекательном и романтичном, посмотреть на нее глазами талантливого литератора... Госкомитет по профтехобразованию проявил добрую инициативу, став организатором столь нужного конкурса, который с нашей, писательской, точки зрения, надо сделать традиционным. Каким, к примеру, является большой конкурс, проводимый Союзом писателей СССР совместно с ВЦСПС...

Нурекская ГЭС. Южно-Таджикский производственный комплекс... Это не только уникальные гидротехнические сооружения. Это — памятники человеческому гению, сумевшему обуздать грандиозные силы природы. Это — свидетельство высокой производительности труда, оригинальных технико-экономических решений. Это — кузница гвардейских отрядов рабочего класса.

В Нуреке успешно действует пост журнала «Дружба народов». Плакаты с изображением дерева дружбы — символа журнала — не так давно украшали залы горкома партии и Дома культуры. Здесь проходили встречи авторского актива «Дружбы народов» с гидростроителями.

—Значение и необходимость таких контактов трудно переоценить, — сказал по телефону корреспонденту «ЛГ» первый секретарь Нурекского горкома КПСС Павел Иванович Горбачев. — Хотя у литературы и нет прямых коэффициентов измерения, но мы чувствуем, как улучшается духовный климат на стройках, как повышается производительность труда. А приподнятое настроение, вызванное хорошей книгой? Оно подчас важнее материальных поощрений.

Не так давно редколлегия «ДН» устроила заседание за «круглым столом», которое проводилось совместно с Госпланом СССР, Госснабом СССР, министерствами цветной металлургии и химической промышленности СССР. Советом по изучению производительных сил СССР. В разговоре приняли также участие директор Таджикского алюминиевого завода С. Махмабаев, директор Яванского электрохимического комбината А. Янкин, главный инженер треста «Таджикгидроэнергострой» В. Давыдов и я.

На этой встрече были затронуты социологические, экономические, строительные и ряд других важных вопросов. Цель разговора — попытаться совместными усилиями решить некоторые проблемы Нурека. Журнал опубликует в одном из ближайших номеров материалы «круглого стола».

Мы благодарим московских друзей, которые так душевно, быстро, заинтересованно откликнулись на нашу просьбу — пополнить городскую библиотеку — и прислали более трехсот книг советских писателей с дарственными надписями. Свои произведения подарили Нуреку Г. Марков, Н. Тихонов, В. Катаев, М. Алексеев, С. Михалков, С. Баруздин, А. Барто, Г. Гулиа, многие другие писатели. Уже через два-три года в Нуреке будет уникальная библиотека, насчитывающая тысячи томов с автографами.

Об одной из поездок бригады журнала «Дружба народов» и нурекчанам рассказывает сегодня секретарь правления СП Таджикистана Масуд Муллоджанов.

НА ПЕРЕДНЕМ КРАЕ ПЯТИЛЕТКИ

РЕКИ, КОТОРЫЕ НЕ ЗАМЕРЗАЮТ

Писатели уже не в первый раз встречаются с рабочими Нурека: проходчиками, монтажниками, водителями тяжелых «БелАЗов». Каждый приезд литераторов на стройку превращается в акт творческого содружества. Потому что шефы Нурека — Союз писателей Таджикистана и журнал «Дружба народов» — принимают как свое кровное все заботы строителей, а строители, в свою очередь, обсуждают дела литературные с горячей заинтересованностью.

Вот одна из таких встреч... Рассказывает о ней белорусский писатель В. Карамазов, побывавший на строительстве Нурекской ГЭС в составе бригады журнала «Дружба народов».

— Мы увидели в Нуреке поистине гигантский труд, преобразующий природу, героизм людей, то вдохновение рабочего человека, которое не может не пробудить вдохновения писателя. Было много интересных встреч, но мне особенно запомнилась одна — она произошла на базе тяжелых машин. За традиционным таджикским чаем собрались лучшие водители «БелАЗов». Разговор шел искренний, честный и долгий — говорили о моральных стимулах, что воспитывают человека, о силе коллектива, о рабочих тонностях, без которых немыслимо трудовое мастерство, о будущем Нурека.

Затронул разговор души, многие приняли в нем участие — и молодой шофер Валерий Малых, и опытный водитель Иван Васильевич Михеев, который строит в Средней Азии уже свою третью ГЭС, и Нурбек Ходжаалиев, и Файзали Шамсов, и Иван Шашин...

Радостно было о Нуреке познакомиться с людьми, которые широко и смело смотрят на жизнь, на свой труд.

«Крыльями Нурека» называют в Таджикистане Регарский алюминиевый завод. Именно он будет потреблять основную часть энергии ГЭС, превращая ее в крылатый металл современности. У строителей Регара свой шеф — тоже писатели — редакция республиканского журнала «Памир». Объединенная бригада «Дружбы народов» и «Памира» побывала в Регаре.

— В давние годы правители Востока строили крепости, замешивая раствор для камней на поте и слезах народа. Наши сегодняшние таджикские заводы, плотины, города возводятся из материала, созданного руками всех народов необъятной Страны Советов, и скреплены они другим «растворомя, скреплены дружбой, любовью и уважением, — сказал во время одной из встреч Герой Социалистического Труда бригадир бетонщиков Гулам Арзыкулов. — Сегодня и вы, писатели, уложили свой кирпич в фундамент завода.

Всегда трудно заранее предсказать результаты той или иной писательской поездки. Но первые результаты этой нашлю: в ближайших номерах «Дружбы народов» и «Памира» появятся публикации писательских материалов о людях Нурека и Регара.

М. МУЛЛОДЖАНОВ

ДУШАНБЕ

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ ГДР,
БЕРЛИН

Дорогие друзья!

Примите наши сердечные поздравления по случаю 29-й годовщины освобождения немецкого народа от гитлеровского фашизма.

Вместе с вами мы радуемся успехам современной литературы ГДР, созданным за эти годы многочисленным произведениям, правдиво и ярко отображающим жизнь Германской Демократической Республики и вносящим ценный вклад в формирование человека социалистического общества.

Наши писательские связи и сотрудничество непрестанно укрепляются. Встречи, конференции, дискуссии, посвященные актуальным проблемам развития литературы, в которых участвуют писатели ГДР и СССР, являются ярким свидетельством единства наших взглядов, стремления отдать все свои силы созданию произведений, служащих благородному делу построения социализма и коммунизма, укрепления мира во всем мире.

В этот знаменательный день желаем вам, дорогие коллеги, новых больших достижений в вашей творческой деятельности на благо дальнейшего процветания вашей родины, на благо народов наших стран.

ПРАВЛЕНИЕ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

СОЮЗ ЧЕШСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ, ПРАГА

СОЮЗ СЛОВАЦКИХ ПИСАТЕЛЕЙ, БРАТИСЛАВА

В день 29-й годовщины освобождения Чехословакии от фашистских захватчиков советские писатели сердечно поздравляют и приветствуют писателей ЧССР, наших дорогих братьев по оружию и товарищей по перу!

Ваши книги, утверждающие идеалы социализма, активно помогают Коммунистической партии ЧССР в ее плодотворной деятельности на благо народов вашей страны и укрепления чехословацко-советской дружбы.

Ваши произведения пользуются большой популярностью у советских читателей.

Растут и крепнут с каждым днем творческие контакты между нашими союзами писателей в интересах развития литератур наших стран.

В этот знаменательный день мы желаем вам, дорогие товарищи, новых творческих успехов, новых высоких достижений вашему народу, вашей прекрасной родине.

ПРАВЛЕНИЕ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

В РЕДАКЦИЮ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

Дорогим друзьям, соратникам по партии и комсомолу, старым и молодым мастерам литературы и искусства, взрослым и юным читателям — всем, приславшим мне поздравления в связи с моим семидесятилетием и награждением меня орденом Октябрьской Революции, приношу глубокую благодарность.

Александр ЖАРОВ

***

Выражаю свою глубокую благодарность всем коллективам и товарищам, поздравившим меня по случаю моего шестидесятилетия.

Л. ВЫШЕСЛАВСКИЙ

КИЕВ

«ЮНЫМ ЧИТАТЕЛЯМ О КОМСОМОЛЕ»

ИНТЕРВЬЮ «ЛГ»

Этой теме была посвящена состоявшаяся недавно пленум Совета по детской и юношеской литературе правления Союза писателей СССР. По просьбе корреспондента «ЛГ» председатель совета Герой Социалистического Труда С. Михалков рассказал:

— Обсуждения, посвященные вопросам политического воспитания юных граждан высокими средствами художественной литературы, стали для нашего совета в лучшем смысле слова традиционными. Назову, к примеру, проведенные в последнее время такие пленумы: «О жизни Лениниане», «Юным — о партии коммунистов», «Советская детская литература — друг пионерии»...

XVII съезд ВЛКСМ и глубокая речь, произнесенная на этом съезде Генеральным секретарем ЦК КПСС товарищем Л. И. Брежневым, поставили перед литературой, воспитывающей юное поколение, много серьезных задач. Творческому разговору об этих задачах и был посвящен последний пленум нашего совета. Активное участие в нем приняли делегаты XVII комсомольского съезда. Выступали секретарь ЦК ВЛКСМ З. Новожилова, заместитель председателя Госкомиздата РСФСР Т. Куценко, заместитель министра просвещения РСФСР Л. Беляская, главный редактор издательства «Детская литература» Г. Пешеходова, главный редактор журнала «Детская литература» С. Алексеев, заместитель главного редактора издательства «Молодая гвардия» И. Авраменко, заместитель главного редактора журнала «Юность» В. Воронов, прозаики, поэты и критики из союзных республик.

Вновь было подчеркнуто большое значение произведений, рассказывающих юным о жизни В. И. Ленина, об истории нашей партии (книги М. Прилежаевой, С. Алексеева, З. Воскресенской). Комсомол, как сказала З. Новожилова, «взял на вооружение» и такие яркие произведения, как любимые юными читателями повести о комсомоле А. Кузнецовой, повести и рассказы С. Баруздина, Ю. Яковлева о молодых героях минувшей войны, В. Титова о рабочей молодежи, трилогию А. Рыбакова о комсомольце Кроше и другие. Высоко был оценен и спектакль «Молодая гвардия», поставленный в дни XVII съезда комсомола на сцене Центрального детского театра (пьесу по роману А. Фадеева написал А. Алексин).

Участники пленума говорили о том, что детская и юношеская литература должна помочь нашим школьникам определить свое место в будущей жизни, вырасти трудолюбивыми, идейно убежденными людьми.

Рассказ о работе писателей над произведениями о комсомоле был проиллюстрирован замечательной книжной выставкой. Участники пленума встретились с юными читателями Москвы в школах, в республиканской юношеской библиотеке, во Дворце пионеров.

Волнующим был момент вручения членам совета горсти земли, привезенной с днепровского берега, с того места, на котором героически погиб в бою за Родину Аркадий Гайдар. Эта земля вместе с цветами будет возложена к памятнику Мальчишу-Кибальчишу, установленному на Ленинских горах, возле Дворца пионеров.

Редколлегия, партийная организация и коллектив редакции журнала «Знамя» с глубоким прискорбием извещают о скоропостижной смерти сотрудника отдела критики журнала «Знамя», члене КПСС

БОГДАНОВОЙ
Зинаиды Федоровны

и выражают сердечное соболезнование ее родным и друзьям.

Коллектив редакции «Литературной газеты» с глубокой скорбью извещает о скоропостижной смерти бывшего сотрудника газеты

Зинаиды Федоровны БОГДАНОВОЙ

и выражает искреннее соболезнование родным и близким покойной.

СЛОВО О БОЕВОМ ДРУГЕ

. Сколько поэм, стихов, песен было сложено в дни Великой Отечественной войны о бессмертном подвиге советского человека, о фронтовой дружбе, «об огнях - пожарищах, о друзьях-товарищах»!

Итак, слово о боевом друге. Кто он! Сохранилась ли у вас фотография военных лет, на которой вы сняты оба! Жив ли он, боевой друг! И если жив, поддерживаете ли вы старую фронтовую дружбу! Стал ли он прототипом нашего литературного героя!

Корреспондент «ЛГ» Ирина Ришина обратилась к Анатолию Ананьеву, Виктору Астафьеву, Григорию Бакланову, Василю Быкову, Платону Воронько, Эдуардасу Межелайтису с просьбой поделиться своими воспоминаниями о встречах на дорогах войны.

ОДИН ФРОНТОВОЙ ЭПИЗОД

Анатолий АНАНЬЕВ

ТРУЖЕНИК ВОЙНЫ

Эпизод, о котором я хотел рассказать, произошел глубокой осенью сорок третьего года, когда войска Белорусского фронта, которыми командовал один из прославленных наших полководцев Маршал Советского Союза, Рокоссовский, вышли на рубеж Днепра и Сожа. Немцы, используя эти естественные водные преграды, намеревались остановить стремительное продвижение наших пехотных и танковых соединений. 20-я Сталинградско-Речицкая истребительная противотанковая бригада, в которой я служил командиром огневого взвода третьей батареи, находилась на северном фланге наступающих армий. Нам предстояло преодолеть сначала Сож, а затем уже Днепр.

Возле города Ветки наши армейские соединения с ходу переправились на западный берег реки, захватили плацдарм на крутом, обрывистом берегу. Но к исходу дня были потеснены к самой воде. Удерживали только узкую, в несколько сот метров, полоску левее села Хальчичи. В ночь саперы начали наводить переправу. Немцы одну за другой бросали в небо осветительные ракеты, становилось светло, как днем, и по работавшим саперам беспрерывно били орудия и минометы западного берега. Снаряды и мины с треском взрывались в холодной воде, и некуда было спрятаться солдатам от осколков и пуль. В эти напряженные часы ночного боя нашей батарее была поставлена боевая задача: прикрыть огнем своих орудий саперов и подавить вражеские огневые точки.

Батарея срочно снялась с огневых позиций и выдвинулась к переднему краю, к самой кромке реки. Орудия установили за невысоким земляным валом, который когда-то предохранял город от весенних паводковых вод, и повели прицельный огонь по пулеметным гнездам противника. Но долго не удавалось нам засечь вражеские минометы. Они били откуда-то из-за деревни. И тогда командир батареи, старший лейтенант Аноприенко, впоследствии получивший звание Героя Советского Союза (в боях за Берлин), принял решение: направить наблюдателя на западный берег. На задание это вызвался идти сержант Ляпин с двумя связистами.

Задание было сложное. В занятой немцами деревне Хальчичи разведчики должны подняться на колокольню кирпичной церкви (только с колокольни можно было увидеть вражеские минометы) и оттуда корректировать огонь наших орудий.

По синей ледяной воде вплавь они перебрались на западный берег. Пока плыли, головы их темными пятнами маячили над водою. Когда же достигли обрывистого склона, уже нельзя было различить их: все слилось в осенней ночной дымке. Несмотря на то, что немцы беспрерывно освещали реку и берег, мы не видели, как Ляпин со связистами поднимался по склону. Долго тянулись минуты ожидания. От сержанта и связистов зависело много: зависел, по существу, исход всего предстоявшего назавтра боя. И разведчики нашей батареи не подвели. Они забрались на колокольню и подавали оттуда команды, корректируя огонь батареи. Через полчаса немецкие минометы уже не обстреливали наших саперов, наводивших переправу. Фашисты вынуждены были замолчать. А на рассвете по наведенному мосту прошли первые танки на западный берег Сожа.

Спустя неделю, уже в боях под Речицей, Ляпин погиб, выполняя очередное задание. Его достала пуля вражеского снайпера. Но в моей памяти он до сих пор, как живой, — двадцатилетний паренек в пилотке, плащ-палатке и с автоматом на груди, с веселыми озорными глазами и улыбающимся лицом. Он был невысок ростом, но крепок на ногах, сибирского склада человек, стойкого русского характера. Он был моим фронтовым другом в том смысле, что мы делили с ним хлеб и кашу, а был бойцом нашей третьей батареи, одним из тех рядовых тружеников войны, умением, силой и волею которых ковалась победа.

С «ЛЕЙКОЙ» И БЛОКНОТОМ...

Эдуардас МЕЖЕЛАЙТИС

ГРОЗНОЕ ЛЕТО...

Орловщина. Фронт. Русское село Никольское. Июль 1943 года. Возле этого села проходила линия обороны фашистской армии, которую непрерывно атаковала 16-я Литовская (позднее Краснознаменная Клайпедская) стрелковая дивизия. Третий день шли жесточайшие бои. Противник яростно сопротивлялся, ибо знал: уступив село, армия не выдержит — откатится на сотни километров назад, к западу.

На рассвете меня разбудил голос лейтенанта Ионаса Марцинкявичюса:

— Вставай, фашисты отходят. Наши вступают в село. Пошевеливайся!

Вместе с автоматчиками мы ворвались в село.

Оказавшийся поблизости военный фотокорреспондент нашей дивизии Х. Левинас и запечатлел нас с Ионасом Марцинкявичюсом тогда на фоне разбитой деревенской церквушки, которая выдержала особенно ярый натиск врага.

Тридцать лет этот снимок хранился в архиве фотокорреспондента. И совсем недавно он показал его мне. Снимок напомнил грозное лето 1943 года, сжесточенные бои на Курской дуге. Напомнил и о моем фронтовом друге, которому я посвятил когда-то очерк в «Солдатской летописи».

Мы проводили с лейтенантом Ионасом Марцинкявичюсом нашу дивизию до русского села с милым сердцу названием — Литва. Туда нас вел долг военных корреспондентов, мы писали боевую летопись нашей дивизии. Ну, если говорить правду, то создавал ее Ионас Марцинкявичюс, широко известный литовский писатель и опытный газетчик. А я ходил у него в учениках. Познакомились мы перед войной, на фронте судьба нас свела вновь. Он уже носил лейтенантские погоны, я же был рядовым. Мы крепко подружились, и он меня научил мужеству.

— Сейчас, когда солдаты ежедневно поднимаются в атаку, когда не смолкают бои, мы должны быть военными корреспондентами, — говорил он, — заниматься черной работой репортера. Ибо самое важное сегодня — факты, фамилии, события. И подвиги, конечно.

Он знал, что говорил. Мы шли по горячим следам войны, записывая фамилии, факты, подвиги. А дикторы из Москвы передавали написанное нами в захваченную гитлеровцами Литву, где на борьбу с оккупантами поднимались лучшие сыны и дочери литовского народа. И мы понимали, что каждая новая весточка с фронта вселяла там в людей надежду, веру, приближала их к победе.

Писал Ионас в одиночестве, притаившись где-то под деревом или кустом. А вот материал добывал на передовой, рядом со своими героями. Во время атак он не раз становился с солдатами в одну шеренгу и с автоматом в руках пробивался вперед. А выбив врага, он принимался за репортаж, еще не остыв от стремительного штурма. Через некоторое время бойцы читали об этой атаке в фронтовой газете, узнавали себя...

Смотрю я сейчас на фронтовой снимок, и как живой предстает передо мной Ионас Марцинкявичюс — писатель, человек, солдат.

ВИЛЬНЮС

В СВЕТЛЫЙ День Победы, радуясь чистому небу, молодой зелени, беспечной детской улыбке, мы вспоминаем тех, кто пал на полях сражений во имя мира.

Тысячи людей приходят в этот день с венками, с первыми весенними цветами к могиле Неизвестного солдата у Кремлевской стены, на Пискаревское кладбище в Ленинграде, в киевский парк Вечной славы... Старые и молодые склоняют головы перед памятью не вернувшихся с войны сыновей и дочерей, отцов, мужей, братьев, сестер, своих фронтовых друзей.

Добрый свет военной дружбы, партизанского товарищества — он не затухает в сердце, он вечен. И я вспоминаю сегодня дорогих ковпаковцев. Вспоминаю прежде всего тех из них, с кем война и свела, и разлучила меня.

Лира Никольская — бесстрашная семнадцатилетняя комсомолка из подмосковного города Дмитрова. Мы познакомились с ней в сорок втором году в Московской партизанской школе. Я, инструктор минеров, учил ее тогда подрывному делу. Лира несколько раз ходила в тыл врага, а потом, весной сорок третьего года, мы вместе с ней переправились самолетом за Днепр, в соединение С. А. Ковпака. Во время карпатского рейда подрывники трудились особенно много.

ЗА ПОЭТИЧЕСКОЙ СТРОКОЙ

Платон ВОРОНЬКО

БЕССМЕРТИЕ

хотя боевых дел, конечно, хватало всем. Ковпаковцы-подрывники отправляли под откос вражеские эшелоны, минировали дороги, взрывали мосты, и во всех этих опасных, сложных заданиях участвовала Лира Никольская. Она погибла возле села Манява, в районе Надворна. Во время тяжелого боя в лесу мы похоронили ее. Несколько раз после войны я приезжал в те места, чтобы найти могилу, но отыскать ее мне не удавалось. Тогда я выступил перед пионерами и комсомольцами района, рассказал им об отважной девушке. Школьники нашли ее могилу и соорудили памятник. А я посвятил Лире Никольской поэму «Бессмертие».

В дни карпатского похода я особенно близко сдружился с Валентином Подоляко — милым парнем с Брянщины, заместителем командира отряда, погибшим при вступлении нашего соединения в Карпаты.

О нем я написал балладу «Сон Подоляки». После ее публикации я получил письма от разных людей, которые встречались с Валентином еще в первые дни войны, а потом пришло письмо от его младшего брата. Он рассказал то, о чем я не знал, но что меня очень интересовало, — о детстве Валентина, о его юности. Переписка у нас, к сожалению, не вышла — мое письмо не нашло адресата — видно, Подоляко куда-то переехал. Мне хотелось бы отыскать его: я наверняка еще вернусь в своем творчестве к памяти моего партизанского друга.

КИЕВ

О ЧЕМ НАПОМНИЛ СНИМОК

Григорий БАКЛАНОВ

ОДНОПОЛЧАНЕ

Среди писем, которые получает каждый литератор, написавший хотя бы книгу о минувшей войне, есть письма совершенно особенные. Содержание их примерно таково: «В вашей книге рассказано про лейтенанта (приводится фамилия), так это мой отец (сын, сестра, брат, муж). Все сходится: и возраст, и лицо его, и имя, а воевал он в тех же местах. Не может быть такого совпадения, вы знали его...» На эти письма нечем ответить, нечем утешить. Совпадения случаются самые невероятные, но только мертвые не оживают никогда.

Вот уж скоро исполнится тридцать лет со дня победы, а люди все ищут погибших, исчезнувших без вести, все теплится надежда...

И я получал такие письма не раз, во многих из них спрашивали про капитана Беличенко. В нем признавали и отца, и сына, и мужа, и теперь уже дедушку: время-то идет. Но реальный Беличенко, командир 2-й батареи нашего 1232-го артиллерийского полка, в ту пору еще не был ничьим мужем, а сейчас по возрасту, действительно, может быть уже дедушкой. Он остался жив, как и все, кто на этом снимке.

Не помню уже, чья идея была столь идиллически расположить нас, но фотография сделана в Австрии, в один из последних дней войны: вон еще что-то позади дымится. А повод сфотографироваться был такой провожали командира нашего дивизиона капитана Чхартишвили — он во втором ряду, второй слева. Больше года воевали вместе, а тут его забирали от нас. По этому случаю устроили проводы. Он торопился, опаздывал, но гусарство — не гусарство, а что-то такое все же жило у нас в крови. Я положил на край стола свои трофейные часы: «Вот когда стрелка дойдет досюда, отпустим. Но вместе с нами часами. От нас — на память».

Напоследок сфотографировались. Беличенко сидит рядом с комдивом, третий слева.

Командир третьей батареи капитан Беличенко, один из героев повести «Южнее главного удара» насколько мне позволительно судить, ничего общего с живым Беличенко не имеет. Отданы ему только имя, фамилия и, может быть, та любовь, с которой относился я к моему другу Сашко Беличенко.

Следующий рядом с Беличенко — лейтенант Пришемкин, командир взвода. И о нем спрашивалось в письмах.

Когда писал командира стрелкового полка Пришемкина, который действует в романе «Июль 41 года», я вроде бы и не думал о своем однополчанине, хоть фамилию взял сразу: очень уж пришлась. Но и от характера передалось что-то. Было в нем непоказное мужество и была очень важная человеческая особенность: если уж дойдет до края, до последней черты, — все кинуть, ничего не пожалеть, но только главным не пожертвовать. Тем, ради чего живем.

Еще на фотографии, спереди, где мы лежим головой к голове, слева крайний — старший лейтенант Лучший, командир батареи, за ним — военфельдшер Токовой. Хочется верить, что все они живы и счастливы в мирной жизни: они этого заслужили.

БУДУЩЕЙ КНИГИ ГЕРОЙ

Василь БЫКОВ

СОЛДАТ В ДНИ МИРА

Мы познакомились восемнадцатилетними призывниками, только что одетыми в жестяные, необмятые еще шинели с прючками по борту и вечно топорщившейся на спине складкой, которую по очереди расправляли друг у друга. Долгий военный год мы провели бок о бок в пехотном училище с его нечеловечески напряженной программой, оборонительными работами, дежурством во время жестоких бомбежек на выпускавшем истребители заводе комбайнов. Потом фронтовые дороги развели нас... Я попал в стрелковый батальон наступающей армии, а Володя — в полковую разведку армии, ставшей в оборону вмиле закончившегося наступления.

Во время учебы за курсантом Левчуком не замечалось особенных к военному делу способностей. Был он, как все, не хуже и не лучше многих. — талант же разведчика развернулся у него на фронте. Каждую ночь он отправлялся с бойцами через нейтралку к немецким позициям, блокировал там блиндажи, выуживал из траншей «языков», хватал связистов на линиях.

В ту зиму я очутился в госпитале, а Володя продолжал воевать. Весной, в дни развернувшихся наступательных боев, он принял стрелковый батальон и с ним форсировал Южный Буг. Во время ночной переправы трассирующая очередь сбила его с плота, бойцы едва успели выловить тонущего комбата из ледяной воды и отправили в медсанбат...

Наша самая большая война давно уже кончилась, а для Владимира Ивановича Левчука она продолжается той неоконченной им атакой с плацдарма, болью тридцать лет не заживающей раны...

Но жизнь идет своим чередом, и человеку свойственно хотеть жить, а жить без труда невозможно. Владимир Иванович много лет работает прорабом на стройках. Он возвел здание кинотеатра на набережной Саратова, которое не без гордости показывал мне прошлой весной во время моего приезда к нему. (Тогда в Саратове мы и сфотографировались). С балкона его отличной квартиры открывается бескрайний волжский простор и огромным уходящим в Заволжье мостом.

Тридцать три года мы знаем друг друга. Знакомясь с его мирной жизнью, я ощутил надобность написать об этом солдате в дни мира.

В этом году Владимиру Левчуку исполняется пятьдесят лет. Всего четыре месяца пробыл он в разведке на фронте, заслужил три ордена. И, несмотря на рану, он не порит судьбу, а с максимальной энергией использует отпущенные ею годы — как он использовал четыре отведенных ему фронтовых месяца...

ГРОДНО
Белорусской ССР

Помню отчетливо: кухня артдивизиона, вкопанная в косогор, а я, согнувшись в три погибели, под ней лежу и плачу. Повар заглядывает под кухню и хохочет. Друг мой Слава Шадринов с досадой и сочувствием спрашивает: «Ну чего ты орешь? Чего? Все уж!..»

Значит, опасность миновала и паниковать не надо. А я все равно плачу. Ведь и солдат уж опытный, битый, медали на груди, но слезы бегут, бегут.

Гимнастерка на мне разделана в распашонку, булавкой на груди схвачена. Перебитая рука толсто примотана к двум ольховым палкам и за шею подвешена. Бинты промокли, гимнастерка, штаны, нижняя рубаха и даже сапоги в кровище. Угирая слезы, я и лицо в крови увозил. Друг машину попутную ждет, чтоб меня оттартать в санроту, и досадует: «Не трись ты рукой-то, не трись!»

Больно? Конечно, больно! Рубануло так, что и кисть руки назад передом обернулась. Однако реву-то я не только от боли, но и от непонятной обиды — не довоевал вот, а так хотелось до этого самого «логова» добраться, от ребят отрываюсь, от семьи, можно сказать. Как быть без них? Со Славкой расставаться жалко. И вообще все как-то не так, несправедливо, неладно...

Потом было несколько писем в госпиталь, карточка от друга из Австрии пришла — добрались-таки до «логова» мои однополчане, в штурме Берлина участвовали на Прагу водили, в Австрии завершали боевой путь.

И не этом оборвались связи. Закрутила гражданская жизнь нашего брата пуще военной... Один друг фронтовой — этого я сам печального выручил, — Ваня Гергель из Орска, нашел меня еще в 1948 году. И мы, старомодно выражаясь, состояли с ним в переписке.

Ив. слава богу литература не только терзает. Изредка она и помогает писателю. Пришло письмо из Караганды. Что-то знакомое забрезжило в почерке, тревожной радостью сжало сердце. Так и есть! Письма от Славки! От Вячеслава Федоровича Шадринова. Попалась ему на глаза рецензия на мою книгу в журнале «Москва», и он сразу почешил, что это я и есть — уж больно гораздо был в молодые солдатские годы привирать, письма заочницам сочинял, книжки в солдатском мешке таскал...

Но как же угодил мой друг в Караганду! Он родом «родом бы из Рыбинска или Калинина?

В письме изложен послевоенный путь и наной... Вернулся с фронта Вячеслав — ни профессии, ни образования ни кола, ни двора. Начал работать и учиться. Вначале, как и я когда-то, составителем поездов, окончил техникум, затем железнодорожный институт, был дежурным по станции, маневровым диспетчером, начальником станции, избирался секретарем парткома, а после был секретарем райкома в Караганде. Нынче он начальник транспортного отдела металлургического комбината в Темиртау. На каком-то совещании друг столкнулся нос к носу с бойцом своего отделения Рафиком Абдрашитовым — на комбинате инженером работает. Был как-то Радиль в командировке в Череповце и но мне в Вологду заглянул — и вот уже четверо из одного взвода нашлись!

У Вани Гергеля в Орске я-то уже побывал, и он но мне в гости наезжал.

Наконец-то Вячеслав вдовом с Ваней встречаем в Ленинградском аэропорту — в этом городе в Артиллерийском музее хранится часть реликвий и знамен нашей 17-й артиллерийской дивизии. Живут в Ленинграде комбриг наш Алексей Кондратьевич Дидык, командир дивизиона Евгений Васильевич Бехтин, несколько командиров батарей. Потому-то и выбрали местом встречи ветеранов нашей дивизии Ленинград.

А самолет все не летит, все не летит! Отлучился я по делам. Ваня у выхода дежурить остался. Возвращаюсь, смотрю: обнимаются Ваня и Слава. Я узнал давнего друга сразу, хотя он, конечно, сильно изменился. Он меня тоже узнал: «Помнишь, нам под мухней ревел?» — смеется.

И пошло: «Помнишь?», «Помнишь?», «Помнишь?»...

Оказалось, плохо я тот день помню, кое-что с другими днями перемешано, кое-что и вовсе забыто — время работает. Но постепенно разобрались: один то помнит, другой — это Слава помог мне отчетливей восстановить в памяти тот тяжелый день 17 сентября 1944 года.

...Сзади горели нефтепромыслы в районе польского города Кросно. Наши части углубились в горы по направлению к Чехословакии. Шли упорные бои... Было сухо, душно и очень напряженно. Войска, втянувшиеся в расщелину гор, находились в полуокружении. В тот день мы окапывались на склоне горы, обочь которой бежал ручеек, а по ополоду рассыпались дома деревушки... Нас все время обстреливали. Я был связистом, копал ячейку для себя и для телефона, и хотя землю копать тяжело и я это дело не любил, но все же копал, помня заповедь: чем глубже в землю, тем дольше жизнь.

Вот и рубил я кайлом каменистый склон, подчищал лопатой щель, на брустверо которой стояли два телефона. Ударил разрыв, я спрятался в щель, подождал, пока осколки пролетали надо мной, и, вставши, потянулся к трубке телефона, чтобы проверить связь. И в это время зафурчал рябчиком надо мной осколок на излете да как саданет под правую лопатку, ровно молотком. Боль оглушительная, тупая, такой при ранении не бывает. При ранении сквозняком вроде бы прошьет все тело, в голове зазвенит, и сразу горячо и тошнотно сделается — потекла кровушка.

На этот раз лишь просекло гимнастерку, исцарапало кожу, под лопаткой картофелиной набух синяк. Копать не могу, руку едва поднимаю, а тут еще и еду не несут, и солнце печет. Что тебе в июле!

За полдень все же приволокли термос размазни — горошницы с белыми нитками тушенки, которая по замыслу повара супом должна была зваться. Только мы есть расположились — бомбежка! Какой-то прилетел, по две бомбы фуганули и давай из пулеметов нас поливать. Но и нашим тоже все надоело — палят из всех ячеек и щелей кто во что горазд. Неподалеку, слышу, даже из пистолета кто-то щелкает. И я со зла карабин свой сгреб, хотя и знал, что «Фокке-Вульф» из такого оружия сбить — все равно что попытаться в Байкале одну-единственную, будь она там, кильку выудить. Палю с левого плеча, в раж вошел. Глядь:

ТАК ВОЗНИКАЮТ СЮЖЕТЫ

Виктор АСТАФЬЕВ

ПОСЛЕДНИЙ ОСКОЛОК

«Фокке-Вульфы» ходу дают! Мне блазнится, это я их отпугнул. «А-а-а, стервы! А-а-а, коршуньи! Получили!»

В это время как ахнуло! Ложе карабина в щепки. Телефон вдребезги. И сам я — не то на том свете, не то на этом лежу, дым нюхаю. Земля на меня сыплется, заживо засыпает. Страшно сделалось. Как выскочил из полуразвороченной щели, как к ребятам рванул — не помню.

«Свалился, — рассказывал уже в Ленинграде Слава. — все в тот же недокопанный блиндаж. Глядим: рука навыверт, кровь хлещет ручьями. Пробуем перевязать — бьешься, кричишь: «Самолет! Где самолет? Я ж его!..» — а того не соображаешь, что другие самолеты прилетели, может, и снаряд ударил, немцы начали артподготовку перед последней в тот день атакой».

Мы со Славой бежали под гору, к деревне. Голова кружилась, я пить просил. Друг пить не давал, опытный он уже был, десантную школу кончил. Слава в наше расположение ночью выполз с другом одним, имеющим странное и запоминающееся имя — Январист. С перепугу наш часовой чуть было их не уложил. «Мне — говорил Слава, — после десанта ничего уж не страшно, теперь меня не ранят и не убьют».

Так оно и вышло! А меня вот ранило, дурака! И зачем мне в тот день самолет дался?

...Завыло, запело вдали густо, пронзительно. Остановились, замерли все и вдруг посыпались кто куда. Накрыло нас минометным огнем. Слава успел втолкнуть меня в придорожную шель, сам сверху на меня обрушился. Я упал на раненую руку, потемнело в глазах.

Совсем недавно ночью зачесалась рука, та самая. Даже не зачесалась, а заныла, зазудела. Начал я со сна царапать ее. Слышу, под пальцами твердо. Из дальних времен, из глубин тела, обкатанный кровью, вылезал осколок с привычной уже болью. Совсем маленький, сделавшийся кругленьким, как картечина, он натянул кожу и остановился. Но раз чешется, значит, скоро выйдет. Думаю, это уже последний. Дай бог, чтобы последний осколок ушел из меня, из всех нас, бывших воинов, и никогда ни в чьем теле уже не бывал.

«Литературная газета» попросила меня вместе с заметкой прислать военный фотоснимок. А вот карточка другу каким-то образом сохранилась. Снимался он в Австрии, в городе Кремсе. С бойцами нашего взвода битен Борисовым и Колей Ковырзиным. Оба они, помнится, из Горьковской области. Может, живы. Так пусть посмотрят на себя. И дорогой мой Слава пусть на себя полюбуется. (Он слева).

О нем и обо всех моих друзьях никто и ничего не писал, а они достойны не нескольких страниц, которые заказала мне газета. Тысяч страниц достойны, многих томов.

ВОЛОГДА

БЕССПОРНОСТЬ ПОДВИГА И СПОРНЫЕ ОЦЕНКИ

В книге И. Кузьмичева «Герой и народ. Раздумье о судьбах эпопеи» (издательство «Современник», 1973) рассматриваются произведения советских писателей о Великой Отечественной войне. Критик И. Козлов полемизирует с некоторыми положениями этой книги.

«РАЗДУМЬЯ о судьбах эпопеи» — такой подзаголовок поставил на контртитуле своей книги «Герой и народ» ее автор, критик и литературовед И. Кузьмичев. Раздумья его выражены в разных формах — теоретических суждений по вопросам истории и теории жанров, эстетического анализа отдельных произведений современной прозы, полемики и т. д. Автора интересует главным образом эпопея, раскрывающая подвиг советского народа в битве с гитлеровским нашествием — ныне, пожалуй, самый «горячий» участок эпики, осваиваемый нашими художниками слова.

Эпопея, рисующая события минувшей войны, возникла не сразу и не легко. Ей предшествовали другие жанры — рассказ, повесть, роман. И критик, безусловно, прав, когда уделяет внимание ее предыстории. Специалисты по вопросам истории и теории литературных жанров, возможно, еще скажут свое мнение по поводу концепции ученого. Мне же хочется прежде всего обратиться к, так сказать, «практической части» книги и рассмотреть, как анализируются в ней произведения современных советских писателей. Тем более, что смысл многочисленных ссылок критика проясняется лишь тогда, когда он переходит к анализу современного литературного процесса, когда теория становится для него руководством к действию.

Скажу сразу: я собираюсь полемизировать с И. Кузьмичевым не потому, что его книга представляется мне неким каталогом неверных положений, ошибок и неудач. Совсем нет. В книге немало и того, к чему следует отнестись с должным вниманием. Так, например, И. Кузьмичев довольно убедительно показывает несостоятельность утверждений о размывании жанровых границ. И спор его имеет не одно лишь теоретическое, но также практическое значение. Интересно намерение проследить, как выраженное в свое время Л. Толстым положение о «народной мысли» становится важнейшим сюжетообразующим началом и в эпопеях советских прозаиков. Верные и точные наблюдения сделаны в отношении своеобразия отдельных жанров, создававшихся в годы войны. Интересно проведен эстетический анализ рассказов Л. Соболева «Морская душа» и повести Л. Леонова «Взятие Великошумска», а вывод исследователя о том, как в романе Ю. Бондарева «Горячий снег» создается «эстетический эффект эпической протяженности», можно посчитать буквально-таки авторской находкой...

Словом, в книге «Герой и народ» есть бесспорные плюсы. И, видимо, их имело в виду издательство, когда высказало надежду, что книга И. Кузьмичева «будет с интересом встречена читателями». Правда, все в той же издательской аннотации говорится: «В своем исследовании ученый выдвигает ряд дискуссионных вопросов, некоторые положения, высказываемые автором, можно оспаривать». Как один из читателей книги, я принимаю приглашение к спору и хочу обратить внимание именно на некоторые из тех самых «дискуссионных вопросов», о которых сказано в аннотации.

В КНИГЕ «Герой и народ» говорится о многих рассказах, повестях и романах, изображающих события минувшей войны. Одни из них просто названы, другие подвергнуты более или менее обстоятельному разбору. Подробно говорит автор о произведениях Л. Соболева, К. Симонова, Ю. Бондарева, А. Бека, Л. Леонова, Г. Бакланова, В. Быкова; менее обстоятельно — о повестях и романах В. Соколова, И. Стаднюка, Г. Коновалова и других. Материал привлекается обширный.

У И. Кузьмичева есть свой критерий оценки — эталон, к которому он примеряет того или иного литературного героя, тот или иной идейно-художественный компонент произведения. Беда, однако, в том, что эталон этот почерпнут не столько из действительности, из живой жизни, сколько «изнутри» самой литературы. Нередко внушительно дает о себе знать некая литературная норма. Это во-первых. Во-вторых, применение авторского эталона производится не всегда строго последовательно, и то, что бывает позволено одному писателю, не позволяется другому. Симпатии и антипатии критика в таких случаях перерастают в субъективизм. А это, как давно известно, пользы делу не приносит...

Первое произведение, которое критик подвергает атаке, — повесть А. Бека «Волоколамское шоссе». Справедливости ради отмечу, что И. Кузьмичев говорит о ней и слова добрые, однако все последующие его рассуждения перечеркивают их чуть ли не начисто. Известно, что в «Волоколамском шоссе» Момыш-Улы выступает не только героем, но и рассказчиком, аттестует себя сам, и в этой аттестации он, по мнению И. Кузьмичева, «сам себя во многом обескровил, упростил, выпрямил, лишил тех многочисленных связей, которые свойственны живой натуре». «По этой причине,— заключает И. Кузьмичев,— повесть А. Бека «Волоколамское шоссе» оказалась «во власти» героя-рассказчика. Она лишена эпической широты и объективности».

Честно говоря, я не совсем понимаю, что значит «лишена объективности»... Если автор подразумевает под этим объективное, реалистическое отражение событий той военной осени 1941 года на полях Подмосковья, то он глубоко неправ. Если к тому же принять во внимание, что в повести А. Бека, как и в романе Ю. Бондарева «Горячий снег», налицо «эстетический эффект эпической протяженности», достигнутый мастерством писателя, то с критиком можно поспорить и насчет «эпической широты». И уж в чем И. Кузьмичев совсем неправ, так это в утверждении, будто повесть «оказалась «во власти» рассказчика». «Власть» рассказчика в ней, безусловно, есть, но эта власть отнюдь не абсолютна. Ее сплошь да рядом «пресекает» другой герой произведения, генерал Панфилов, человек широкого идейного кругозора, богатого интеллекта. Именно сквозь призму этих двух характеров, в их сцеплении и показывает автор события. С учетом этого своеобразия «Волоколамского шоссе», вероятно, и следовало бы вести разговор о его «эпической широте».

Теперь о герое повести. Момыш-Улы «мыслит себя еще только комбатом, но не гражданином», — пишет И. Кузьмичев. Вот ведь как! А мы-то по наивности своей полагали, что самоотверженность героя при защите Москвы, причем самоотверженность, способная быть образцом, и есть высшее проявление гражданственности настоящим гражданином.

И. Кузьмичев «открывает» у Момыш-Улы приверженность к философии «культа героя», «культа волевой, исключительной личности». И вот на основании каких строчек: «Вы не раз, вероятно, читали и слышали о массовом героизме в Красной Армии. Это истина, это святые слова. Но знайте, массового героизма не бывает, если нет вожака, если нет того, кто идет первым. Нелегко поднять людей в атаку, и никто не поднимется, если нет первого, если не встанет один, не пойдет впереди, увлекая всех». Но при чем здесь, позвольте спросить, философия «культа исключительной личности»? Честный солдат, постигший войну, как говорится, собственным горбом, отлично знающий психологию человека в бою, Боурджан Момыш-Улы говорит о силе примера, о значении рывка первым в атаке. Здесь тот же смысл, что и в словах «коммунисты, вперед!»

Нет возможности, да, пожалуй, и надобности разбирать все обвинения, выдвинутые критиком против героя «Волоколамского шоссе». Он не нуждается в какой-либо реабилитации, ибо давно вошел в духовную жизнь народа как воин, патриот и гражданин...

Не менее решительно, но не более убедительно атакует И. Кузьмичев и трилогию К. Симонова «Живые и мертвые». Критика и читатели по достоинству оценили это произведение. Я не знаю, в какой степени это обстоятельство повлияло на взгляды автора книги «Герой и народ» и повлияло ли вообще, да суть разговора и не в этом, а в том, с каких позиций и как критик рассматривает симоновскую трилогию.

И. Кузьмичев вычерчивает академическую схему романа-эпопеи, накладывает ее на трилогию «Живые и мертвые» и выясняет: подходит — не подходит? Начинается весьма своеобразное исследование отдельных «параметров» произведения. Серпилин... Герой, над созданием каких буквально бьется наша литература и чьему появлению радуется от души читатель. Всем или почти всем устраивает он, как фигура эпическая, и И. Кузьмичева. Но только в первых двух романах. В третьем же... В суждениях о третьем романе от эпичности характера Серпилина не осталось и следа. Оказывается, не тот масштаб мышления, полководческой деятельности: план боевого участия армии в проведении операции «Багратион» разработан-де без него, ближайшие помощники командарма выросли настолько, что им самим теперь по плечу любая из задач, с которыми раньше справлялся один он, во время наступления Серпилин не войсками руководит, а уподобляется своего рода офицеру связи (только без обязанностей последнего) и т. д. и т. п. И гибель Серпилина, несущая на себе в решении общего идейного замысла эпопеи большую, прямо-таки философскую нагрузку, сводится критиком к обычному факту естественной убыли личного состава на фронте...

И. Кузьмичев делает серьезные упреки симоновской эпопее за якобы слабый ее историзм. «Главная книга» К. Симонова, — пишет он, — почти начисто лишена исторического подтекста». И не только подтекста. По логике рассуждений критика получается, что настоящим историзмом обладает только то произведение, в котором вместе с вымышленными героями действуют подлинные исторические личности. И в качестве примера указывает автору «Живых и мертвых» на роман «Тихий Дон» М. Шолохова, хотя известно, что в том романе исторические лица представлены, пожалуй, не больше, нежели в трилогии К. Симонова. Всякие же другие способы выражения художником правды истории И. Кузьмичев считает малоэффективными.

У автора книги «Герой и народ» много претензий к автору «Живых и мертвых»: одно он не учел, другое не сделал, третье у него не получилось... Останавливаться на каждой претензии критика к роману не имеет смысла. Среди них есть и справедливые, но многие возникли на почве произвольного истолкования текста произведения, как это было и в случае с повестью «Волоколамское шоссе».

Есть в книге «Герой и народ» еще одно принципиальное положение, о котором нельзя умолчать: речь идет о праве автора эпопеи на замену подлинной личности героем вымышленным. Вопрос этот достаточно спорный. Вокруг него в нашей критике время от времени возникают дискуссии. У И. Кузьмичева же этот вопрос рассматривается в форме безапелляционной. И такая категоричность, думается, не правомерна.

Одно из положений И. Кузьмичева, проходящее красной нитью через всю его книгу, сводится к тому, что писатель, показывая отрицательное в военной действительности, отрицательных героев (например, Бастрюков у К. Симонова, Лапшин у Г. Бакланова, Сахно у В. Быкова), должен непременно ответить на вопросы: почему, откуда, как? Мысль эта, на мой взгляд, принципиально существенная, правильная. И правильная хотя бы потому, что реалистическое искусство, как замечал еще В. Белинский, требует жизненной полноты. Но разной может быть степень углубления в истоки отрицательного. О таком, скажем, персонаже, как Люсин («Живые и мертвые»), достаточно просто упомянуть, что всю жизнь он был карьеристом, и уже это многое прояснит в его облике, тогда как для Бастрюкова, фигуры более сложной, требуется и выяснение более обстоятельное, аналитическое. Это в эпопее, в романе. Но автор книги «Герой и народ» называет также Сахно — персонажа небольшой повести В. Быкова «Мертвым не больно». Думаю, что в «малой прозе» тем более возможен неразвернутый анализ истоков характера.

Коль скоро речь зашла о произведениях В. Быкова, не могу умолчать и о том, что его творчество попадает в орбиту внимания И. Кузьмичева не столько тем главным, что являет оно собой в советской военной прозе, сколько отдельными ошибками и просчетами этого самобытного писателя. Слов нет, у В. Быкова в разное время были ошибки — критика их отмечала. Но И. Кузьмичев счел необходимым остановиться на них еще раз: «начиная с повести «Мертвым не больно», Василь Быков отходит в сторону дегероизации». Обобщение, что и говорить, смелое до крайности... Дальше обвинения идут по нарастающей: «Попытка... возложить ответственность на народ за то, что они (подлецы типа Сахно. — И. К.) все еще живут среди нас и даже процветают, со всех точек зрения является несостоятельной». Но ведь В. Быков и не помышлял о столь несправедливом упреке народу — это совершенно явственно вычитывается из его повести.

Творчество В. Быкова, право же, требует всестороннего и объективного исследования, а не коллекционирования отдельных просчетов писателя. Как будто и нет в нашей литературе ни «Сотникова», ни «Обелиска», ни «Дожить до рассвета». Как будто бы сам писатель решительно не преодолел тех недостатков в своем творчестве, на которые справедливо указывала критика.

В КНИГЕ И. Кузьмичева «Герой и народ» наряду с отдельными ценными и интересными мыслями исследователя касательно судеб эпопеи о Великой Отечественной войне высказано немало не только спорного, дискуссионного, но и такого, что следует самым решительным образом отвергнуть. Я сделал это в той части, где автор книги в целях выяснения путей развития советской эпопеи, заботы о героизации действительности поры военной совершает дело неправомерное и неправое — так или иначе пытается «дезавуировать» многих из героев, которые вошли в сознание читателей как выразители всемирно-исторического подвига народа в «огневые сороковые». Одни вошли фигурами эпическими, другие — романтическими, третьи — «обыкновенными» героями, но все они, говоря словами поэта, подпирают плечом эпоху...

И. КОЗЛОВ

СРЕДИ КНИГ

• *Полемические заметки*

• *Рецензии*

КРАСНЫЕ СНЫ

> В красном сне,
> в красном сне,
> в красном сне
> бегут солдаты,
> те, с которыми когда-то
> был убит я на войне...

Герой этой книжки остался жив. Но как далеко ни ушло время, в которое он то и дело возвращается в своих снах, оно возвращается. Красные сны — это сны войны, хотя ему не хочется видеть их, он не насилует свою память, ему хочется видеть голубое и зеленое, синее, белое, а он видит красное — красную кровь, заливающую весь мир одним цветом. О том, что это не фраза, не игра красок и счастливо найденный и эксплуатируемый «образ», говорит нравственное обеспечение стихов Г. Поженяна. И не только потому, что автор — и об этом знают все — сам воевал: это слышится изнутри строк, помимо фактов, в них упоминаемых, помимо самой войны как таковой, в чувстве и силе чувства, в неумышленной точности и горести, которая в них заключена.

> Так, что погибли,
> считаю храбрее.

— пишет он, и это звучит и как признание своей вины перед теми, кто погиб, и как незаживающая боль по ним, боль по утрате. Стихи Г. Поженяна как бы обращены совестью в обе стороны — в сторону мертвых и в сторону живых. На одной стороне — друг героя Гура, погибший при захвате водопровода под Одессой (поэма «Впередсмотрящий»), на другой — сын его (поэма «Жизнь живых») и сын самого героя, которого он хотел бы оградить от своих красных снов.

> Если был бы я богатым,
> и повез бы Стопку
> к морю —
> не в Одессу и не в Сочи,
> а к причалам Балаклавы.
> Там три цвета торжествуют:
> синий, белый и зеленый —
> бухта, сахарные сопки
> и деревья, пояс бухты.
> Пусть он, сын мой,
> не узнает
> цвет четвертый,
> цвет особый.
> Там его я пролил в травы,
> не мечтая о богатстве.

На одной стороне — прошлое, на другой — настоящее. И перед тем и другим поэт должен дать ответ. Но прежде всего это ответ перед самим собой, попытка на стыке времен, соединившихся в нем же, найти свое место, определиться, не потеряться, состояться. Глядя на «солдатские иконы» — фотографии погибших — в домах, ощущая «свет фанерных звезд — холмов печальный свет», он должен найти в себе мужество продолжить сделанное теми, кто «был храбрее», и сделать это так же честно. Он чувствует, сколько сил уже истрачено, как мало уже остается, хотя

> Не наша в том вина,
> а наша в том судьба.

Это не укор судьбе, в ощущение ее единственности и неизбежности. У одних — одна судьба, у других — иная. Или, как говорит Г. Поженян в «Речитативах»:

> Ты хочешь, чтоб я был,
> как ель, зеленым,
> всегда зеленым,
> зимою и осенью.
> Ты хочешь, чтоб я был
> гибким, как ива,
> чтоб я мог,
> не разгибаясь, гнуться.
> Но я... Я другое дерево.
> Я другое дерево.
> Другое дерево.
> ...Не потому, что я
> лучше других деревьев,
> я этого не говорю.
> А просто...
> Просто я другое дерево.

Нет вызова в этих строчках, есть печаль неотвратимости и вместе с тем достоинство судьбы, которая не играет с собою в прятки, не плутует, натягиваясь и подыгрывая кому-то, а отдается той доле, которая ей предназначена.

На этом достоинстве держится вся книжка. Ее значительность — в значительности переживания, вложенного в слова, в дыхании свободы, во взгляде героя на себя, в неистраченности добра, готового излиться на каждого ближнего.

> В предчувствии
> начала и конца —
> светлее тень
> спокойного лица,
> увереннней разжатая рука,
> добрее уходящая строка.

Это добро и сочувствие к живому разлиты всюду. Будь это стихи о матери («Только бы мама жила...»), о вдовах военных, о сыне, о деревьях, о зверях в лесу, о лесе и поле.

> А еще мне для счастья
> нужно,
> чтоб сорону олень
> не предал,
> чтоб моря никогда
> не мелели,
> чтоб земля никогда
> не остыла.

И чувствуя себя подчас «старым сомом», герой хочет сломать лед заснувшей реки, пробиться к воздуху, к синему куполу неба, освободиться от духовного плена. Ему тяжелы холод и сон — пусть «зеленые льды станут синей водой», пусть «брызнут красные строчки из красных рябин», пусть деревья не черными, траурными остьями стоят на белом снегу, а потонут в шуме зелени, шуме жизни.

Поэзия Г. Поженяна жизнелюбива, но она знает и свои «часы печальных глубин»: она сознает, что синева, которая вытесняет в снах героя красный цвет, — это не только синева неба, дышащего теплом и ясностью, синева моря, которое особенно близко автору, но и синева вечности, в которую мы все уходим. Герой и в эту, последнюю, синеву смотрит бесстрашно. Он хотел бы «не заживаясь» уйти, «окончив добрые дела». Но перед этим ему хотелось бы протрубить в свою «одиночную трубу» что-то такое, в чем открылся бы он один, где была бы и «святая обнаженность всех идущих напрямик», и голос той глубины, которую он наконец-то в себе постиг.

Поэтому венчает для меня эту книжку зеленый цвет:

> Сон зеленый,
> сон зеленый
> рано-рано поутру.
> Колокольные трезвоны
> в горсть, как воду, соберу
> ...И плесну я с колокольни
> эти звоны под уклон.
> Сам качу свой обруч
> вольный,
> свой зеленый круглый звон.
> Ты катись, катись, катись
> то, что было взаперти.

Игорь ЗОЛОТУССКИЙ

Григорий Поженян. «Мачты». Издательство «Современник». М. 1973.

«...НЕ ПРОЖИТЬ БЕЗ ПРИБАУТКИ, ШУТКИ САМОЙ НЕМУДРОЙ»

Надобно обладать известного рода писательской смелостью, чтобы избрать объектом сатирического осмысления темы, связанные с войной. И еще одно, на мой взгляд, непременное условие — лишь тот, кто сам воевал и на своем опыте знает, какой ценой была добыта победа, имеет на это право. Вероятно, подобные вопросы не однажды вставали перед Николаем Бораненковым, когда он работал над сатирическим романом «Тринадцатая рота». И потому приходилось взвешивать каждое слово, по многу раз выверять и обдумывать каждый эпизод. Книга была начата бойцом Бораненковым еще на фронте, в 1941 году, но чтобы завершить ее, писателю понадобилось двадцать семь лет. За это время читатели узнали и Бораненкова и как автора привлекших внимание критики романов, и как писателя-юмориста.

В новой своей вещи Н. Бораненков умело соединяет неторопливый, основательный анализ человеческих отношений, который позволяет продемонстрировать жанр романа, и «взрывной» сатирический гротеск — средство наиболее выразительной характеристики отрицательных персонажей.

В городке Хмельин создается [illegible] БЕМПСА. [illegible]

Однако ошибается тот, кто ожидает от этого романа [illegible]

[illegible] партизанский отряд.

Жестко и беспощадно высмеивает автор предателей. [illegible] «Тринадцатая рота» интересна прежде всего там, что в ней обильно и свободно использован богатейший материал фронтового юмористического фольклора. Смех придает повествованию жизнеутверждающее звучание. И на войне человек остается человеком, который даже в тяжелых условиях найдет причину для шутки.

Вспомним известные строки Александра Твардовского:

> Жить без пищи
> можно сутки,
> Можно больше, но порой
> На войне одной минутки
> Не прожить без прибаутки,
> Шутки самой немудрой.

Смех над врагом — это осознание своей силы, своего могущества. Родословная героев романа восходит к образам балагура Теркина, смекалистого Фомы Смыслова, от имени которого вел разговор с бойцами Семен Кирсанов, и популярным песням военной поры, вроде озорной «Барон фон дер Пшик» из репертуара Утесова.

Адрес саркастических выпадов писателя предельно точен, объекты сатиры — штурмбаннфюрер Поппе, генерал фон Шпиц, барон Грюнтер-Брюнтер и их приспешники, предатели пан Песик, староста Гнида. Смех вызывают уже сами фамилии. Нелепы и притязания подобных людей на мировое господство, на право именоваться высшей расой. Но писатель не забывает и о том, как трагично иной раз проявлялись такие претензии на деле, сколько горя принесли человечеству те, кто их проповедовал. Страшного и хитрого врага победили советские воины. «Нет, уж коль зашла речь об уме русского, советского солдата, то давайте честно и во весь голос скажем: не ищите равных», — говорит устами героя автор.

Мне кажется, опыт создания Н. Бораненковым героико-сатирического произведения можно считать удачным.

А. ЯХОНТОВ

Н. Бораненков. «Тринадцатая рота». Роман. Издательство «Московский рабочий». 1974.

Иллюстрации художника Д. Бисти к поэме Е. Исаева «Суд памяти». Издательство «Современник»

ЖАВОРОНОК—ПТИЦА ИЗ ОГНЯ...

ХАТЫНЬ... Это слово воскрешает страшную трагедию белорусской деревни, сожженной вместе со всеми ее жителями в марте 1943 года гитлеровцами. Из живых осталось лишь двое взрослых да пятеро детей, буквально чудом уцелевших.

Белорусская литература не раз обращалась к этой трагедии, видя в ней обобщенный образ бед, горя, страданий, что обрушили на советских людей гитлеровцы. Стоит вспомнить хотя бы «Хатынскую повесть» Александра Адамовича, которая, гневно и страстно рассказывая о злодеяниях на белорусской земле, напоминала одновременно о необходимости постоянной бдительности.

С трагедией Хатыни мы вновь встретились в повести Елены Кобец-Филимоновой «Жаворонки над Хатынью». Встретились как с трагедией именно этого села. Таков авторский замысел — поведать об участи деревни, о судьбах ее жителей, названных в произведении подлинными именами. Впрочем, подобная конкретность не сужает типичности рассказанного в повести: сама история сделала Хатынь понятием нарицательным, как Орадур, Лидице.

«Жаворонки над Хатынью» построены на документальной основе. Писательница собрала большой материал довоенной жизни хатынцев, хотя сделать это было нелегко — почти никого не осталось в живых. В значительной степени поэтому в «Жаворонках» довольно ощутимо очерковое начало. Однако автор использует и другие стилевые приемы — сказ, поэтическое уподобление. Уже в самом названии «Жаворонки над Хатынью» чувствуются мотивы народного предания. Подобно тому, как в широко известных стихах Расула Гамзатова «Журавли» погибшие солдаты превращаются в журавлей, в повести загубленные дети превращаются в жаворонков.

Поэтичен пролог произведения: мальчик Лекса и его мать Адэля застигнуты в лесу грозой, от удара молнии загорается дерево, мать и сын испытывают страх и смятение...

В заключительной сцене — сжигания фашистами селян — эпизод этот как бы повторяется, но уже в своей трагической форме.

«И вдруг будто чья-то рука открыла снаружи засов. Ворота упали вместе с людьми, живыми и мертвыми. Те, кто мог, вставали на ноги и, охваченные пламенем, тут же падали, скошенные очередью из пулемета. Адэлю и Лексу вынесло из пылающего гумна толпой. Им удалось устоять на ногах, и они бросились бежать. Немцы заметили их. Стали стрелять. Адэля упала, потянув за собой Лексу. И тут Лекса подумал, что однажды это уже было. Вот так же бежал он с матерью, и она крепко сжимала его руку в своей. Вот так же упала на землю мать, потянув его за собой и прикрыв его тело своим. И так же грохотало вокруг, и всполохи огня метались за спиной. Только тогда гремел гром! Только тогда была гроза... И это было летом. И не было войны. Это было давно. Очень давно».

Автор повести — поэт, и перо поэта делает рассказ задушевнее, лиричнее. Однако не всегда. Там, где последовательное изложение событий вдруг сменяется «поэтической экспрессией», возникает фрагментарность, там, где писательница свою роль рассказчика как бы перекладывает на читателя, возникает недосказанность.

Среди действующих лиц немало детей. Их судьбы особенно драматичны. Рано пришлось взрослеть хатынским мальчишкам. В свои школьные годы им довелось узнать врага не по книгам, а воочию, бороться с ним непосредственно или помогая партизанам.

В повести действуют и взрослые хатынцы. Лучше других у автора получился образ Тэкли, женщины ворчливой и не очень-то уживчивой. Сколько открылось в ней человеческого участия, сердечности, когда люди оказались в беде! Запоминаются и Адэля, и дед Карабан...

Повесть Е. Кобец-Филимоновой адресована детскому читателю. И это подчеркнуть особенно важно. Как рассказать подросткам о мужестве народа, не упрощая и не снижая напряжения истории? Мне кажется, писательнице это во многом удалось. И потому всего прежде, что в повести мы ощущаем доверие автора к своему читателю, к его отзывчивости на чужую боль, к его чувству гордости за подвиг, совершенный отцами и ради него.

И. ТИМОФЕЕВ

Елена Кобец-Филимонова. «Жаворонки над Хатынью». Повесть. Перевод с белорусского автора. Издательство «Детская литература». 1973.

ГРАНИ РАБОЧЕЙ ТЕМЫ

Д. ТЕВЕКЕЛЯН

НРАВСТВЕННЫЙ МИР «ДЕЛОВОГО ЧЕЛОВЕКА»

«Грани рабочей темы» — так называлась статья критика Б. Анашенкова, которой «ЛГ» начала обсуждение магистральной темы советской литературы (№ 1). Этой проблеме были посвящены статьи писателей М. Колесникова (№ 6), А. Медникова (№ 7), В. Шапошникова (№ 9), Ю. Антропова (№ 10). На Киевском ордена Ленина заводе «Арсенал» и на Минском ордена Ленина заводе ЭВМ им. Г. К. Орджоникидзе редакция провела «круглые столы», на которых шел разговор о рабочей теме в произведениях последних лет (№№ 9 и 15). Сегодня, публикуя статью Д. Тевекелян, мы продолжаем обсуждение этой важнейшей темы нашей литературы.

Русскую литературу, больше чем какую бы то ни было другую литературу мира, издавна характеризует живейшая сознательная связь с идеями социального и общественного прогресса. Как писал еще Белинский, общественные вопросы стали во главе всех других вопросов, сделались интересом первой степени.

С книгами о рабочем классе в нашем современном сознании связано прежде всего продолжение этой традиции. Советская литература недаром началась с романа о рабочем классе, а книги, отражающие великую стройку тридцатых годов, донесли до нас неповторимость эпохи, азартную самоотдачу первых пятилеток, когда страна набирала темпы, реализуя неисчислимые запасы освобожденного труда.

Далеко не всегда наша литература тридцатых годов была внимательна к психологическим коллизиям, однако всегда укрепляла читательское доверие любовным знанием предмета и людей, о которых рассказывала, безупречной достоверностью нравственной атмосферы, умением откровенно и ясно презирать и восхищаться. Лучшие произведения о рабочем классе не стремились к подробностям производственного быта ради самих подробностей. Эти подробности возникали естественно, само собой, из знания предмета.

Так сложилось наше традиционное отношение к литературе на рабочую тему, читатели ждали и ждут от нее общественно значительных проблем, героя, способного соответствовать современному уровню этих проблем, и достоверности всякого — производственного и житейского — быта.

«Литература литературы» или «литература жизни»!

«Производственный роман», который стал уже «притчей во языцех», накопил необыкновенное богатство производственных подробностей, но не сумел подняться до обобщений, без них же немыслимо искусство, смысл и цель которого — добраться до сути происходящих в жизни процессов, не накапливать факты, а искать им толкование, лежащее в человеке, в нравственной цели его деятельности, ее побудительных причинах.

В распространении у нас «производственного романа» в значительной степени повинны критики и издатели. Желание опубликовать вещь на рабочую тему зачастую выливается в редакционной практике в публикацию заведомо серой прозы, словно тема эта облегчает писателю задачу, а не усложняет ее. Да и критика, стремясь поспеть за литературой, иногда откровенно отстает от реальной жизни. Критики нередко требуют от литературы соответствия правилам и канонам, выработанным литературой же (вспомните толстовское «литература литературы» и «литература жизни»). Постепенно, совместными «усилиями» выработалась общедоступная схема производственного романа, выпрямленная, освобожденная от неожиданностей и сложностей, которые живая жизнь неизбежно несет с собой.

Рецидивы «производственных романов» нет-нет да и мелькнут и в нынешнем журнальном потоке. Роман И. Штемлера «Обычный месяц», о котором справедливо писал Б. Анашенков, очень показателен в этом отношении. В романе действительно есть все: как из рога изобилия, льются на читателя бесконечные подробности производственных трудностей, герои едва успевают поворачиваться, чтобы не быть ими задавленными. Штемлер щедро рассказывает и о новом отношении рабочего (кстати, рабочего нового типа — образованного человека, для которого привычен скорее умственный труд, человека творческого) к авралам, липовому выполнению плана и т. п. И все же — прав Б. Анашенков — роман воспринимается как добросовестный перечень сложностей производственного быта, как утомительное накопление, без художественного обобщения, фактического материала, интересующего автора как бы само по себе. Такое же впечатление производит роман А. Старцева «Сухой бор», повесть С. Снегова «Над нами полярное сияние» и, в известной мере, «Практикант» А. Черноусова. Все эти вещи, может быть, и призваны, как говорил в дискуссии о литературе и НТР на страницах журнала «Дружба народов» В. Ковский, предварительно намечать и «опробовать» подходы к тем или иным жизненным вопросам в русле «рядовой профессиональной литературы», но эти «опробования» никак не поднимаются до уровня подлинно художественного отражения действительности.

И когда Б. Анашенков, анализируя современный поток литературы на рабочую тему, утверждает, что «секрет притягательности» новой волны современной производственной прозы заключается «в предельном «очеловечивании», в гуманизации подробностей производственного быта, всей атмосферы заводской жизни», невозможно принять это утверждение, даже если считать, что сделано оно в полемическом задоре и в раздражении от консервативного схематизма в подходе к теме.

Впрочем, анализом романа «Обычный месяц» Анашенков сам опровергает себя.

Бытовая подробность или многообразно жизненных связей!

Автор статьи «Грани рабочей темы» видит новую ступень литературного процесса в обращении писателей к бытовой стороне жизни, в стремлении показать героя в буднях и обыденности. И подробно останавливается на действительно интересных повестях А. Каштанова и Ю. Антропова (можно было бы в этой связи упомянуть и повесть молодого прозаика Л. Фролова «Грузчики», написанную в том же ключе). Все эти повести действительно привлекают внимание не утомительным жизнеописанием, а стремлением подробно рассказать о сложностях внутреннего мира героя, о его трудовом и житейском устройстве так, как это привыкло делать наше искусство, с особой чуткостью отзываясь на все значительное, что происходит в общественной жизни.

Однако и десять, и двадцать, и тридцать лет назад подобный подход к рабочей теме давал свои несомненные плоды — вспомним хотя бы «Кружилиху» В. Пановой или «Искателей» Д. Гранина, «Большую руду» Г. Владимова или «Скудный материк» А. Рекемчука. Значит, дело здесь вовсе не в новаторстве подобного подхода к теме, продиктованном, по мнению Анашенкова, процессами реальной жизни.

Беда «производственного» романа была в эмпирическом дроблении показа действительности. Достоверность частности хотя и пользуется кредитом у читателя, однако не приводит к объемной картине реальной жизни. Новая волна литературы о рабочем классе в исследовании своего героя исходит из того, что расширилось само понятие личной жизни — оно неизбежно связывается с явлениями общественного, социального характера.

Взять хотя бы понятие личного времени — времени, прожитого человеком с наибольшей активностью, отдачей, оно включило в себя все, на что сознательно расходует себя личность, и здесь интересы рабочие, производственные вовсе не отступают перед интересами житейскими, они существуют неразрывно, духовная жизнь стала неизмеримо многообразнее, плотнее, — и попытки отразить этот процесс очевидны и в «Заводском районе», и в других произведениях о рабочем классе. Кстати, в повести А. Каштанова интересно не то, как «крутится» героиня, какие именно вопросы производства — мелкие и серьезные — ей приходится решать на протяжении дня. Интересно и качественно ново другое — сама органичная потребность героини Каштанова жить, дышать всей этой «крутней», ее поглощенность своим рабочим делом, показанная не нарочито, не умозрительно, а психологически достоверно.

Когда же бытовая потребность — производственная ли, житейская — становится самоцелью, методом отражения действительности, произведение превращается в сборник жанровых сцен, среди которых есть, несомненно, достоверные, однако они не могут заменить объемной, синтетической картины действительности. Один из недавних примеров такой подмены — история Орви, работницы швейной фабрики, героини вышедшего на русском языке романа «Час равноденствия» эстонской писательницы Эмэ Бээкман. Невозможно в самоцельной, пусть даже «гуманизированной» подробности производства видеть новаторство, приближающее нас к пониманию проблем современного романа о рабочем классе.

Мне трудно согласиться с тем, что включение, например, таких повестей, как «Живые деньги» А. Скалона или «Сладкая женщина» В. Белембовской, в раздел литературы на рабочую тему имеет принципиальное значение. В оценке этих повестей (и тут Б. Анашенков, на мой взгляд, совершенно прав) критики не пошли дальше самого внешнего анализа героев, дружно осудив мещанскую их сущность и решительно не принимая во внимание их социальную принадлежность, как будто бы в рабочей среде мещанство невозможно, словно оно существует «вообще». Вероятно, самое интересное в героине Белембовской именно то, что помешало ей стать всерьез рабочим человеком: не стоять у станка и выполнять норму — это скорее средство существования, — в чувствовать себя полноправным хозяином жизни, болеть за дело, приносить сознательную пользу обществу. И все-таки повести, подобные «Сладкой женщине», говорят скорее о возможностях серьезной «бытовой» прозы, и в этом нет никакого принижения.

Новые качества старого героя

Современный уровень производства, научно-техническая революция требуют к себе внимания экономистов, философов, публицистов, социологов. Литература предпринимает одну за другой попытки не сиюминутного — глубинного отражения объективных процессов, поднимается над фактографией, стремится понять новые качества старого своего героя — делового человека. И конфликты современной прозы на рабочую тему стали на порядок выше. Взять хотя бы конфликт Гребенщиков — Збандут в новом романе В. Попова: уже не привычное столкновение консерватор — новатор, а конфликт волюнтаризма с коллегиальностью руководства при единоначалии, причем сознательное отношение к делу рабочих иногда идет вразрез с их экономическими, материальными интересами. И в этом случае речь не о жертве, не о жизни ради будущих поколений, а о перспективном взгляде, опирающемся на знание резервов производства, строгий учет его возможностей.

Деловитость, точное знание своего дела, строгий экономический расчет все чаще становятся ведущими чертами современного героя. Вспомните споры вокруг липатовского Прончатова. Какие только упреки в самоуверенности, в чистом индивидуализме не пришлось выслушать этому герою! Недавно мы стали свидетелями успеха «Сталеваров» и «Человека со стороны», где жесткий, требовательный к себе и людям герой с некоторыми оговорками объявлен носителем общественного прогресса, хотя куда ему до Прончатова! Нынешнего «делового человека» тянет к прагматизму, его практицизм блестяще подтвержден экономическими выкладками, все, что он делает, несомненно, идет на пользу дела, но как-то забывается, во имя чего он так резок и бескомпромиссен. Этот герой действительно идет на уровне научно-технического прогресса, но никак не прогресса общественного. Обаяние трезвого расчета, делового подхода к жизни велико, однако в русской литературе оно породило только Штольцев, Адуевых и Лопахиных.

Не случайно в «Южноамериканском варианте» С. Залыгина, повести «Кто-то должен» Д. Гранина, в «Доказательствах» В. Тублина так настойчиво ставится вопрос о нравственной цели, освещающей деятельность современного человека, о свободе выбора своего жизненного пути, о необходимости наиболее полно и ответственно реализовать — каждому! — себя как личность, ибо только в этом случае человек действительно может осуществлять идею общественного прогресса.

Литература на тему о рабочем классе не стоит особняком в общем современном литературном процессе, ее проблемы, ее поиски — это проблемы и поиски всего нашего искусства. Критика все серьезнее отмечает обнадеживающую тенденцию литературы показать современного героя не упрощенно, а во всей полноте и сложности его жизненных связей, не конструировать героя, исходя из надобностей НТР, а обнаружить возможности личности наиболее полно реализовать себя.

ДИСКУССИОННЫЙ КЛУБ «ЛГ»

ИНФОРМАЦИЯ! ИНФОРМАЦИЯ! ИНФОРМАЦИЯ!

Мы живем в эпоху НТР. И много говорим об этом. Десять лет назад я стал постоянным читателем «Литературной газеты». За это время иногда встречал на ее страницах специальные рубрики, под которыми помещаются материалы, посвященные проблемам писательского творчества в условиях научно-технического прогресса. Но у всякой медали две стороны. И если сегодня вполне закономерен разговор о труде писателя в этих новых условиях, то, мне кажется, было бы вполне уместно поговорить и о влиянии НТР на читательское восприятие.

Сужу хотя бы по себе. Лет десять назад я стремился читать все, что казалось мне интересным и не оставляло равнодушным. Независимо от того, был ли это увлекательный детектив или трогательная повесть о неразделенной любви, исторический роман или рассказы о геологах.

Теперь же... Мне жаль тратить время на еще одно повествование о неразделенном чувстве, как бы прекрасно само по себе оно, это чувство, ни было, как бы убедительно ни изобразил его писатель. С меня достаточно «Гранатового браслета», чтобы раз и навсегда получить представление об этой стороне человеческого бытия. Мне не хочется читать еще одну книгу о проницательном следователе, она больше не увлекает и не отвлекает меня, как бывало прежде. Потому что представление о психологии следователя и психологии преступника я уже получил, за что благодарен и Конан-Дойлю, и Сименону. Все остальное — лишь перепев, вариации на тему... А сколько прочитано книг о геологах! Были среди них и получше, и похуже, но читать еще одну — как бы хороша она ни была — увольте!.. Потому что представление об этой «романтической» профессии я получил достаточное. Я сам геолог и знаю, каково в палатке под холодным дождем... А что нового я полезного расскажут мне писатели?

Говоря откровенно, сегодня я раскрываю книгу лишь в том случае, когда надеюсь получить при чтении какую-то свежую и тем самым интересную, а то и полезную информацию. Так, например, прочитал недавно выпущенный в издательстве «Советский писатель» роман С. Бородина «Молниеносный Баязет». С большим интересом узнал многие подробности о средневековой истории народов Азии, о местах, где я бывал в экспедициях. Но мне жаль было тратить время на многочисленные рассуждения героев романа о всевозможных абстрактных понятиях, жаль было времени, затраченного на неоднократные описания больной ноги Тимура. Но хоть что-то от такой книги я получил... Любое произведение об Отечественной войне интересно для меня лишь в том случае, если оно обогатит меня чем-то доселе неведомым, если узнаю что-либо, чего не знал из сводок Информбюро. Например, немало волнующих подробностей о героической обороне Брестской крепости привел в новом своем романе «В списках не значился» В. Васильев («Юность», №№ 2, 3, 4, 1974). Но описание первой любви его героя представилось мне просто необязательным в рамках такой серьезной темы.

В чем тут дело? Возраст? Да нет же, мне не раз приходилось слышать от более молодых товарищей буквально то же: в художественной литературе их привлекает прежде всего конкретная информация. Мне кажется, все дело в том, что в современных условиях научно-технического прогресса читатель просто не может позволить себе тратить дорогое время на чтение книги, не обогащающей его какими-то новыми и нужными сведениями.

Видимо, сами писатели рассуждают иначе. То ли времени у них больше, что ли? То ли очень уж им хочется поведать о своих мыслях, поделиться своими наблюдениями и воспоминаниями, не задумываясь над простым вопросом: а нужны ли современному читателю все эти наблюдения, мысли, воспоминания? Не уподобляются ли писатели тем предприятиям широкого потребления, которые упрямо, не ведая сегодняшнего спроса, продолжают производить вышедшие из моды промтовары?

Знаю, кто-нибудь из писателей будет мне убежденно доказывать обратное. Впрочем, оно и естественно: в этом споре писатель — лицо заинтересованное...

И. ТРОНОВ,
геолог

НЕ «ИНФОРМАЦИЕЙ» ЕДИНОЙ...

Первое побуждение, которое испытываешь при чтении письма И. Тронова, — это побуждение обвинить его в утилитаризме, бездуховности и прочих смертных грехах. Казалось бы, все тут ясно, и спорить не о чем. Но поспешный диагноз — далеко не всегда верный диагноз.

Если бы мы имели тут дело с читателем, недостаточно подготовленным, весьма слабо знающим литературу, страдающим леностью мышления и относящимся к книге как к одному из инструментов для убивания свободного времени, — задача не представлялась бы хоть сколько-нибудь сложной. И оставалось бы, не затрачивая много времени на бесплодные словопрения, прописать такому «больному» испытанное средство, суть которого так четко сформулировал Д. Писарев: «Читай же дельные книги! Будь же мыслящим существом!» Но, судя по письму, его автор в таком средстве не нуждается. Более того, он сам вроде бы ратует за чтение «дельных книг». Весь вопрос в том, какие именно книги считает он «дельными». Вот тут-то мне хотелось бы вступить с ним в полемику.

Известно, однако, что во всякой полемике, если хочешь убедить оппонента, не следует начинать свои возражения с прямого отрицания. Вот и я, прежде чем сказать своему оппоненту «нет», хочу произнести «да». Да, уважаемый товарищ Тронов, вы абсолютно правы. Вы правы, говоря о том, что времени у нас у всех на чтение не так уж много — и затрачивать часы досуга на чтение книг, ничего не говорящих ни уму, ни сердцу, конечно, обидно. Вы правы, говоря о двух сторонах медали и призывая не забывать — за разговором о влиянии НТР на творчество писателя — о **влиянии той же НТР на читательское восприятие.**

Но не слишком ли злоупотребляем мы порой ссылками на НТР? Разве научно-технический прогресс освобождает своего творца — современного человека — от духовной культуры? Разве в нынешних условиях перечеркнута или сведена к узкоутилитарным задачам роль литературы, искусства? Вряд ли есть надобность ломиться в открытые двери и доказывать аксиомы.

Но, естественно, нельзя закрывать глаза на то, что некоторые читатели, независимо от возраста и профессии, ищут сегодня в художественной литературе прежде всего некую «информацию». Я, к сожалению, не располагаю данными соответствующих социологических исследований и не знаю даже, имели ли место попытки таких исследований аналогичных тем, которые недавно упоминала в диалоге с В. Канторовичем социолог В. Стельмах. Но с подобными читательскими настроениями мне доводилось встречаться и в кругу своих знакомых, и в среде своих коллег. Причем, подобно товарищу Тровову, эти мои друзья и коллеги отнюдь не подразумевают под термином «информация» нечто широкое, скажем, информацию нравственного опыта и т. п.

Времени свободного у меня, как и у моего оппонента, не избыток. А читать я люблю и люблю, просто не могу иначе. И чего уж греха таить, мне тоже, помнится, изрядно надоели беглые и схематичные повествования о геологах, одно время буквально захлестнувшие всех нас. Но это вопрос особый — о качестве произведения, о литературном штампе, тут слово — за профессиональными литераторами...

В письме И. Тронова, однако, вопрос ставится несколько иначе: читать еще одну книгу о людях близкой мне профессии — «как бы хороша она ни была — увольте!». Потому что представление о своей работе мы, мол, все имеем предостаточное (смелое, надо сказать, утверждение!), а посему какой-то там еще писатель ничего нового и полезного сообщить мне о моей же профессии не сумеет.

И вот тут-то, мне кажется, как раз та самая «собака зарыта» — в убеждении читателя, будто он в своем деле «собаку съел». И, стало быть, никто другой заинтересовать его в этой области ничем уже не сможет. Ну, допускаю, что оппонент мой знает геологию лучше, чем иной прозаик, когда-то проработавший в геологической партии лишь один полевой период, да и то в качестве коллектора. Более того, допускаю, что геолог Тронов не отодвигает от себя пренебрежительно специальный труд какого-нибудь авторитетного ученого-геолога, ибо не исключает возможности почерпнуть полезную для себя «информацию».

Но не допускаю мысли, что читатель Тронов не понимает разницы между литературой художественной и специальной. Если мне, медику, близок и интересен рассказ Чехова «Хирургия», то вовсе не потому, что в нем упоминается «козья ножка», с помощью которой дантисты удаляют зубы. Никакой новой «информации» в том смысле термина, который имеет в виду И. Тронов, я, казалось бы, не получаю, когда снова и снова перечитываю этот чеховский рассказ. Но я получаю эстетическое наслаждение, более того — нахожу в давно знакомом произведении какие-то новые грани, дотоле не замеченные. И это — не обогащая никак арсенала моих медицинских знаний — обогащает меня духовно! Что, кстати, в свою очередь помогает мне общаться с людьми, в том числе и на работе. А человеческие взаимоотношения на работе — тоже, между прочим, одна из проблем, поставленных перед нами все тем же научно-техническим прогрессом.

И если я читаю сегодня новый роман М. Колесникова или повесть А. Кириносова о рабочем классе, то вовсе не информация об устройстве цеха или описание технологического процесса привлекает меня, а — взгляд писателя на взаимоотношения людей в сегодняшних производственных условиях.

И если я не останусь равнодушным к описанию первой любви в романе Б. Васильева «В списках не значился», то это отнюдь не исключает моего отношения к описаниям первой любви у русских классиков, у других советских писателей. Эти страницы о первой любви лейтенанта Плужникова, если хотите, обогащают меня «информацией» о нравственном облике поколения советских людей, сформированного в предвоенные годы и выстоявшего в небывалом единоборстве. Право, и иным молодым читателям не во вред была бы такая «информация»!..

Никакой, казалось бы, особой «информации» нет и в раздражавших И. Тронова упоминаниях больной ноги Тимура. Меня, например, как медика вряд ли могло «просветить» описание незаживающего свища... Но как читателю мне все эти упоминания были необходимы, чтобы представить себе психологическое состояние героя, от которого зависели жизни многих людей. А богатый фактический материал, приведенный в романе С. Бородина, мне, как и моему оппоненту, был, конечно, так же интересен.

Так для чего — в столь лимитированные часы досуга — раскрываем мы книгу, созданную писателем? Для того, чтобы «информацию» получить? Да, и для этого. Но — информацию в самом широком смысле слова. И — не только ради информации.

Ю. АЛЕКСАНДРОВ,
кандидат медицинских наук

НОВЫЕ ВРЕМЕНА — НОВЫЕ ВКУСЫ?

ЧиП

В ряде получаемых редакцией откликов на явления литературной жизни ставится, в частности, большой и непростой вопрос — О СОВРЕМЕННОМ ЧИТАТЕЛЬСКОМ ВОСПРИЯТИИ.

Истина, нам известно, рождается в споре. И «Литературная газета» предоставляет такому ПЛОДОТВОРНОМУ спору свои страницы. Так, в предыдущем номера нашей газеты социолог В. Стельмах и писатель-очеркист В. Канторович в полемическом диалога начали разговор о многообразии современной читательской аудитории. Именно это многообразие не исключает, а, наоборот, предполагает столкновение различных читательских мнений.

Вот, например, геолог И. Тронов прислал письмо, где говорится, что в наши дни интересна лишь та художественная литература, которая обогащает читателя какой-либо конкретной информацией. Редакция сочла целесообразным обратиться с просьбой прокомментировать это письмо и другому читателю, который по профессии, так же как и его оппонент, не является литератором.

Опубликованный сегодня заочный диалог, естественно, не может быть исчерпывающим. Мы намерены продолжить начатый на страницах «Литературной газеты» разговор о современном читательском восприятии и считаем уместным пригласить к участию в нем как читателей, так и профессиональных литераторов.

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮБИЛЯРА

А. Н. НОВИЦКОМУ — 60 лет

Секретариат правление Союза писателей СССР, Совет по украинской литературе и Совет по художественному переводу направили Алексею Николаевичу Новицкому приветствие:

«Сердечно поздравляем Вас, известного украинского поэта и переводчика, с шестидесятилетием со дня рождения!

Более сорока лет Вы плодотворно трудитесь в многонациональной советской литературе. Начав творческую деятельность в годы социалистических преобразований нашей Родины, Вы стали певцом советской нови. В годы Великой Отечественной войны Вы были в рядах славных защитников Родины, прославляя героические подвиги воинов Советской Армии и партизан. Ваши произведения тех лет — стихи и песни, очерки и статьи — снискали Вам любовь и уважение читателей.

Современность была и остается душой Вашего творчества. В Ваших произведениях, вошедших, в частности, в сборник песен «Украина солнечная моя», воспеты созидательные дела наших тружеников, выражены чувства сыновней любви к Советской Родине, «чувства семьи единой».

Видное место в Вашем творчестве занимают переводы с языков народов СССР, а также со славянских языков стран социалистического содружества. По Вашим переводам украинские читатели узнали и полюбили многие произведения классиков и современных русских поэтов, поэтов Белоруссии, Грузии, Башкирии, Татарии, Чувашии, Дагестана.

Писатель-коммунист, Вы много сил и энергии отдаете общественной работе в Союзе писателей Украины.

От всей души желаем Вам крепкого здоровья, счастья и новых успехов в Вашей разносторонней творческой работе».

■

Украинский поэт Олекса Новицкий — творец особого склада: плодотворно работая в своей родной поэзии, он еще увлеченно переводит своих собратьев, поэтов нашей многонациональной страны. Думаю, что на ошибусь, если скажу, что он самый активный переводчик в блистательной плеяде украинских мастеров.

Посудите сами: к своему 60-летию он пришел с багажом, который трудно даже оглядеть за один прием. Россия и его книге братства — это переведенные томики Пушкина, Лермонтова, Некрасова, затем «Мистерия-буфф» Маяковского, Багрицкий, Тихонов, Асеев, Щипачев, Пастернак, Твардовский, Берггольц, Дудин... Это «Моабитская тетрадь» Джалиля, за которую переводчик награжден Почетной грамотой Президиума Верховного Совета Татарии, стихи чувашских поэтов. Грузия — это звучащие по-украински Табидзе, Леонидзе, Маргиани, Нонешвили, Кранлий и Григол Абашидзе; Армения — это Исаакян, Шираз, Грашн; Азербайджан — Рустам, Вургун, Рза; Белоруссия — Купала, Колас, Бровка, Танк, Граковский.

Олекса Новицкий сорок лет неутомимо трудится над венком поэтического братства, делая поэзию всех народов нашей страны достоянием украинской культуры.

Я впервые увидел его а сражающемся Сталинграда. Раненный в голову, ожидая погрузки на санитарную баржу, Олекса сидел на пристани и, не обращая внимания на сирены воздушных тревог, писал стихи. Потом шла погрузка, а вскоре пришла весть, что баржа потоплена.

Мы полагали его погибшим, но вскоре, к радости нашей, он прислал из госпиталя в газету осажденного города переводы боевых стихов.

Итак, Олекса Новицкий — дважды рожденный. Значит, по приматам, должен жить долго. Нынче ему 60 лет, и я назвал так много больших имен поэтов потому, что они все участвуют в этом юбилее — переводы Новицкого сделали их творчество и явлением украинской культуры.

Вяч. ДОЛМАТОВСКИЙ

Сергей НАРОВЧАТОВ

ПОЭТ НА ФРОНТЕ

НЕ ПРЕДСТАВЛЯЮ, куда мог задеваться мой фронтовой дневник. Вел я его короткое время — с лета 1943 по зиму 1944 года. Состоял он из отрывочных записей: блокадный Ленинград, встречи с Тихоновым, Берггольц, Прокофьевым, Дудиным, Суворовым. Особенно жаль страниц, где живо писалось знакомство с молодым гвардейцем. Они хранили память первого взгляда на этого красавца, который навсегда остался для меня воплощением фронтовой молодости. Георгий Суворов наполнял потерянные строки своим дыханием, улыбкой, стихами. Все же попробую вспомнить, о чем я тогда писал. Правда, не воскресишь первоощущения, но пройду хотя бы по его следам.

Знакомство с гвардейским поэтом вначале у меня было заочным. Я много о нем наслышался от Дудина и Тихоновых. Дудин говорил о нем с заинтересованным удивлением, а Тихоновы — Николай Семенович и Мария Константиновна — с удивлением тревожным. Причины заинтересованности и тревоги мне стали понятны вскоре, когда я сам поближе сошелся с Суворовым.

Тогда я работал в армейской газете, а Георгий — в дивизионной. 2-я ударная армия, в которой я служил, была соединением меняющегося состава. К моменту наступления в нее входили многие части, а после него передавались опять в другие армии. Гвардейская дивизия, где находился Суворов, вошла в наш состав перед зимним наступлением 1944 года. Я воспользовался первой возможностью попасть к гвардейцам.

Редакция размещалась в домах дачного поселка. Я представился редактору, им оказался Николай Никифорович Маслин, с которым меня потом судьба сталкивала не раз. Литературовед и критик по довоенной профессии, он был человеком ироничного и цепкого ума, чуждым формальной службистики. Поэтам с ним работать было легче, чем с другими, и Суворов на него не жаловался.

Маслин меня и провел к Георгию. Распахнулась дверь и — принимай гостя: «Наровчатов» — «Суворов».

Я рассматривал своего нового знакомца. Ни одна из сохранившихся фотографий не может передать даже толику суворовского облика, а уж про обаяние и говорить нечего. Прежде всего он был просто хорош собой. Высокого роста, стройный, широкоплечий, со смелым взглядом серых глаз из-под правильно очерченных бровей, смуглым румянцем щек, красивым ртом с красивыми зубами и, наконец, с отличными гвардейскими усами. Лицо его выражало доверчивость и вызов одновременно.

Из всех моих друзей-одногодков Георгий Суворов наиболее воплощал в себе лучшие офицерские качества. «Есть в русском офицере обаянье» — эта его строка относится к другому человеку, но больше всего она подходила как раз к самому Суворову. В обаяние входили такие духовные черты, как независимая смелость и сердечная открытость. В редакцию он попал после госпиталя, до того он командовал ротой на жарком участке передовой. Георгий хорошо знал, почем фунт лиха.

Меня в нем настораживало то, что встревожило и Тихоновых. Я где-то уже говорил, что мои сверстники спокойно относились к возможной необходимости собственной гибели. У многих из нас были стихи о своей смерти, которая угадывалась в будущих боях. У многих, но не у всех. Еще со времен финской кампании я воспринял солдатскую примету: «Смерть не вспоминай, и так за плечами стоит». В примете, наверно, сказался тысячелетний опыт ратных дел. Угнездится в тебе смертная мысль, и в опасный момент овладеет тобой пагубное безразличие, потеряешь необходимую сопротивляемость. И я, помнится, противился этим «memento mori» в стихах и письмах. А у Суворова такая мысль настойчиво наполняла строки:

Мы тоскуем и скорбим.
Слезы льем от боли...
Черный ворон, черный дым,
Выжженное поле...

А за гарью, словно снег,
Ландыши без края...
Рухнул наземь человек, —
Приняла родная.

Беспокойная мечта,
Не сдержать живую...
Землю милую уста
Мертвые целуют.

И уходит тишина...
Ветер бьет крылатый.
Белых ландышей волна
Плещет над солдатом.

Характерные для Суворова стихи. Лучшие строки в них, строки с подлинно народным ощущением: «Рухнул наземь человек, — приняла родная». Приняла!..

Но в этот день, вечер, ночь мы меньше всего говорили о смерти. Да, только в молодости возможно такое взаимораскрытие с первого взгляда, с первой встречи. О чем мы не говорили! Не стояли перед нами наполненные стаканы, а мы были хмельны своей молодостью, стихами, будущим. Прекрасной своей молодостью! Она обнимала все: прошлые и теперешние встречи, написанные и ненаписанные стихи, начавшееся наступление на всех фронтах. И заветное, тревожное, ослепительное, то, что мы обозначали двумя словами — «после войны».

Это «после войны» рисовалось нами как нечто яростное, бурное и принадлежащее нам с начала до конца. Мы жили в эти часы предощущением счастья, не сознавая, что мы сами были тогда счастьем. Счастьем дышала наша молодость, счастьем полнилась дымная ночь, счастьем звенели прерывистые слова.

И то, что вспоминается спустя тридцать лет с горьковато-невозвратным ощущением: слитое воедино душевное и телесное здоровье. Все в теле ладно, все хорошо скроено, руки и ноги на славу, грудь дышит вовсю, сердца не замечаешь, зубами пятак перегрызешь. Шучу, конечно, но это печальная шутка человека, которому уже за пятьдесят! Ведь то, что в тебе тогда играла каждая жилка, а мускулы рвались на волю из-под лейтенантского мундира, неуследимо сливалось с твоим жизнеощущением, а оно искало выхода в намерениях, поступках, стихах.

И для той первой нашей встречи, пожалуй, больше всего подходит одно короткое суворовское стихотворение. Оно многое проясняет в тогдашнем самочувствовании:

Мы вышли из большого
боя
И в полночь звездную
вошли
Сады шумели над листвою
И кланялися до земли.

Мы просто братски
были рады,
Что вот в моей твоя рука,
Что, многие пройдя
преграды,
Ты жив, и я живу пока.

И что густые кудри вётел
Опять нам дарят
свой привет,
И что еще не раз на свете
Нам в бой идти за этот свет.

Надо заметить, что и здесь Георгий остался верен себе с этим «живу пока», но оно уже было в нем неистребимо. А все-таки главное в стихах — «и что еще не раз на свете нам в бой идти за этот свет», и это ощущение властно владело нами, и распространялось оно для нас не только на теперешнее, военное, а и на будущее, послевоенное время. Мы его мыслили, как бой за поэзию и, что естественно для молодых людей, за самоутверждение в этом бою. Прикидывали на глаз спутников и соратников. Я еще не знал, что погибли Николай Майоров, Михаил Кульчицкий, Павел Коган, — они тогда заполняли для меня первую шеренгу. О Луконине, цитируя на память, я рассказывал Георгию битый час. Он помнил луконинские строки по публикациям в довоенных журналах: «Презираю девушку Полю за ее любовь осторожную...». Я передал Суворову надменную шутку, сопровождавшую нас с Лукониным в окружении: «Слишком жирно для фашистов будет ухлопать сразу двух поэтов». Георгий расхохотался: «Однако и самонадеянность у вас, друзья... Пуля, она не разбирает, поэт ты или прозаик». Прогремел со своей «перед атакой» Семен Гудзенко. Я его знал по ИФЛИ, но тогда он только начинал, а теперь война формировала из него сильного поэта. Вспоминали мы и других сверстников. Подолгу останавливались на ленинградцах, и в первую очередь на Михаиле Дудине, с ним мы оба успели сдружиться. На всех фронтах были у нас друзья, и с ними мыслили мы свой послевоенный путь. Недогонов и Воронько, Слуцкий и Самойлов тоже вспоминались и цитировались нами. Нас проникало удивительное чувство общности молодой поэзии, и тысячи километров, отделявших нас от друзей, даже метрами не казались. Вот распахнется дверь — и войдет в нее Платон Воронько или Михаил Дудин, и мы нимало этому не удивимся.

Много говорили мы об учителях. К Тихонову оба мы были привязаны накрепко. Я помнил наизусть больше сорока его стихотворений, восхищался им как поэтом и человеком. Но у Суворова прибавлялась к этому влюбленность солдата в маршала. Это тоже добрая черта молодости, ищущей для себя духовные образцы. Когда через несколько месяцев смертельно раненный Суворов метался на койке в медсанбате, он все время звал Тихонова. Редко кто может сослаться на такую более чем сыновнюю привязанность.

Но интересно, что тихоновский стиль мало чем отпечатался в стихах Суворова. Разве что афористичностью отдельных строк и особенно концовок. В Тихонове молодой офицер искал и нашел нравственное соответствие своим поступкам и стремлениям — дело, наверное, в этом.

Проговорили мы всю ночь и заснули где-то на рассвете, улегшись валетом на постель. Подушку как гостю Георгий уступил мне, а себе под голову положил скатанную шинель.

УТРОМ мы направились в полк. До него — километра три по лесной дороге. Северная зима началась рано, снега были уже большие, но бревенчатая гать — разъезжена грузовиками, и наши каблуки звонко стучали по обледенелому настилу. И вот опять невозвратное ощущение сильной и здоровой молодости. Белые полушубки, перепоясанные офицерскими ремнями, планшеты с картой-двухверстной на левом боку, пистолеты на правом, шапки — «чудо набекрень», как писал когда-то Денис Давыдов. А над нами — солнце в морозной дымке, а вокруг — ели в тяжелом блещущем инее, а в нас самих — праздничное любование этим зимним утром, лесной дорогой.

Мы пришли в полк и, захватив оттуда помощника по комсомолу — юного веснушчатого сержанта, направились в боевые порядки. На передовой было тихо, изредка прогремит выстрел или очередь, артобстрел остался далеко за плечами, мины тоже разрываются позади. Суворова в ротах знали все — от командиров до солдат, чувствовалось, что он здесь свой человек. До газеты он сам командовал взводом и ротой, хорошо знал все детали фронтового бытия, солдат для него был прежде всего товарищ по трудному военному ремеслу. А солдата на мякине не проведешь, он сразу видел, с кем имеет дело, и доверие к Суворову было полное.

«Вот привел к вам еще одного поэта, — кивнул на меня Георгий. — А то вы думали, небось, что я один пишу стихи. Как, почитаем им?» Тут же, в траншее, около землянки командира роты мы стали читать стихи. Начали с Тихонова и Прокофьева, потом перешли к своим — слушатели оказались благодарные. Надо заметить, что положение поэта в действующей армии было хорошим. Да что поэта, просто человека, пишущего какие-никакие стихи. Пожалуй, наиболее распространенным было иронически-почтительное отношение. Ироническое — потому что стихи в общем-то серьезным делом не почитались. Почтительное — в силу необычности дара складывать слова так, как другие не умеют, да еще весело, да еще печально. Великую помощь самым незаметным стихотворцам армии оказали имена, вынесенные солдатами еще из сельских школ. Помню смешной эпизод. Однажды я пришел к одному знакомому комбату. Его, как на грех, вызвали на инструктаж в тот самый момент, когда я перешагнул порог землянки. А я прошагал перед тем верст пятнадцать, устал, промок, голоден. Комбат, взвесив обстоятельства, усмехнулся и, обращаясь к ординарцу, сказал: «Знаешь, кто это? Пушкин! Вот и заботься о нем еще лучше, чем обо мне». Ординарец, конечно, понял усмешку, но суть моей профессии дошла до него мгновенно, и несколько часов я действительно пользовался незаслуженными лаврами.

Война заставила нас, пришедших на фронт со студенческой скамьи, во многом переоценить свои взгляды на поэзию. Прежде всего — на ее демократичность. Мы перед войной часто грешили в стихах запутанностью речи, усложненностью метафор и синтаксиса. Это объяснялось не только плохой учебой у хороших учителей. Аудитория, состоявшая из таких же ребят, как мы сами, понимала нас с полуслова, а скорее даже — не понимала, а угадывала, и нам этих одобрительных догадок хватало за глаза. Напечатанных строк у каждого было мало, и широкий читатель у нас, за неимением читаемого, просто отсутствовал.

Теперь же мы вплотную встретились с этим широким читателем, а вернее — слушателем. Он сидел в солдатской шинели на бревне у костра и, поставив винтовку между колен, доверчиво смотрел нам в глаза. Это доверие нельзя было обмануть. Всегда приходила мысль: «Ну что я буду здесь выкобениваться, надо за душу брать, а не играть созвучиями». И солдатский читатель стал нашим главным и единственным учителем в годы войны. Именно ему должно отдать поклон за науку фронтовое поколение поэзии.

Одним из первых, кто до конца усвоил этот урок, был Георгий Суворов. Тогда, на передовой, вблизи от противника, среди других стихотворений он читал одно, запомнившееся мне по контрасту с окружающей обстановкой. Помню, оно заворожило бойцов. Потом стихи получили название «Первый снег».

Веет, веет и кружится,
Словно сон лебедей,
Вяжет белое кружево
Над воронкой моей.

Улетает и молнией
Окрыляет, слепит...
Может, милая вспомнила,
Может, тоже не спит.

Может, смотрит
сквозь кружево
На равнину полей,
Где летает и кружится
Белый сон лебедей.

«До чего ж красиво сказано, — мечтательно произнес один молоденький солдатик. — Дайте я их спишу, товарищ гвардии лейтенант». Лучшего одобрения ждать не приходилось.

По давнему принципу, что зимой нужно говорить о лете, поэзия мирных дней воспринималась фронтовиками едва ли не сильней, чем военная поэзия. Наповал действовал Есенин, народность его я до конца понял именно в годы войны. Правда, многое зависело от социального состава слушателей. Армия была в основном крестьянской, больше половины населения страны в то время составляли жители села. И есенинские пейзажи, щемящая лирика, обращенная к деревенским воспоминаниям, среди недавних пахарей всегда вызывали слёзы на глазах. Но путиловскими рабочими (они себя вперемежку именовали то путиловцами, то кировцами) с более резкой силой воспринимался Маяковский. Воскрешались иногда старые привязанности. Однажды меня, помню, зачитал стихами Жарова и Безыменского комиссар полка. «Как вы все это запомнили?» — подивился я. «Ну что вы, — ответил он. — это же наша комсомольская юность. Еще бы не знать своих поэтов!» И продолжал чтение жаровской «Гармони».

Поэт на фронте всегда являлся пропагандистом поэзии в целом. В зависимости от пристрастий, вкусов, образования фронтовые поэты оперировали русским стихом от «Слова о полку Игореве» до своих собственных строк. Не обходили и мировую поэзию. Как-то раз, еще в первый год войны, разведчики притащили «языка». Мне пришлось выполнять функции переводчика. Комбат через меня спросил немца о ближайших огневых точках, расположении штаба еще о чем-то. Потом за пленного принялись бойцы: «Как они там живут, в Германии? Почему, сволочи, полезли к нам?» Меня же, по первозданной наивности тех первых военных месяцев, интересовал культурный уровень пленного. Знает ли он Гёте, Шиллера, Гейне? Не знал, балбес такой. Я ему процитировал по-немецки «Горные вершины». Не слышал? Да ведь это же Иоганн Вольфганг... Бойцы заинтересовались. Я им прочел лермонтовское переложение: «Горные вершины спят во тьме ночной...» Солдаты удовлетворенно заулыбались: «А мы-то своего Пушкина знаем».

Георгий Суворов обладал отличной памятью, и его солдатские слушатели могли, наверно, пройти вместе с ним сокращенный курс Литинститута, если б на то хватило времени и возможностей. Конечно, ни того, ни другого не было, шла война, и война жестокая. Когда спустя месяца три я попал в ту же роту, от прежнего ее состава осталось человек двадцать. И Георгий уже доживал на белом свете последние недели...

ПРОЧИТАВ СТИХИ, поговорив с солдатами, взяв материал для армейской и дивизионной газеты, мы собрались в обратный путь. Уже вечерело, и мы, чтобы не потерять тропу, набавили шагу. По пути опять возобновилась беседа. Суворов рассказывал о своей сибирской жизни. Дед его, кажется, с материнской стороны, был, по его словам, шаманом, и от него, мол, он унаследовал поэтические задатки. Я с некоторым недоверием, помнится, отнесся к этому сообщению, но, боясь обидеть товарища, промолчал. Тогда все мы, каждый на свой лад, романтизировали свои биографии. Павел Коган сумрачно намекал, что происходит от хазарских каганов, а Михаил Кульчицкий хвастался, что в его роду был один доподлинный и канонизированный святой. И ни тот, ни другой не предполагали, что реальная земная жизнь вознесет их выше всех каганов и святых. Наверное, и суворовский шаман был того же происхождения, а впрочем, чем черт не шутит...

В дивизии оказался попутный грузовик, и я, наскоро попрощавшись, покинул гвардейцев, торопясь со свежим материалом в армейскую газету. Из кузова несколько мгновений мне видна была фигура Суворова, махавшего мне шапкой вслед. Вечерние тени быстро затемнили его, грузовик набирал скорость...

В ДНИ зимнего наступления, когда немцы были разгромлены под Ленинградом, наши войска, преследуя противника, вышли к Нарве. На левом ее берегу был захвачен плацдарм. К нему через ледяную переправу днем и ночью шли подкрепления, везли боеприпасы и продовольствие. Гитлеровцы вели по ней ожесточенный огонь. Артиллерийский снаряд разорвался посредине боевых порядков взвода, который вел на левый берег Суворов. Он весь был искромсан осколками, но молодой здоровый организм долго сопротивлялся смерти. Георгий умер в медсанбате, повторяя имя Тихонова. И в последние минуты поэзия оставалась вместе с ним. Я это услышал от врачей и сестер спустя дня три после гибели поэта. Он к тому времени был уже погребен.

Поразительной эпитафией ему, да и не только ему, а всем безвременно погибшим на фронте послужило стихотворение, сложенное Суворовым за несколько дней до смерти:

Еще утрами черный дым
клубится
Над развороченным
твоим жильем.
И падает обугленная птица,
Настигнутая бешеным
огнем.

Еще ночами белыми
нам снятся,
Как вестники потерянной
любви,
Живые горы голубых
акаций
И в них восторженные
соловьи.

Еще война. Но мы упрямо
верим,
Что будет день, —
мы выпьем боль до дна.
Широкий мир нам вновь
раскроет двери,
С рассветом новым
встанет тишина.

Последний враг. Последний
меткий выстрел.
И первый проблеск утра,
как стекло.
Мой милый друг, а все-таки
как быстро,
Как быстро наше время
протекло.

В воспоминаньях мы
тужить не будем,
Зачем туманить грустью
ясность дней, —
Свой добрый век
мы прожили как люди —
И для людей.

Все лучшие черты поэзии Георгия Суворова нашли выражение в этом стихотворении. Это стихи огромного душевного и духовного простора. Прощальные слова уходящего навек человека, они сказаны как бы вполоборота на медленном неостановимом шагу.

С ТОВАРИЩЕМ фронтовой молодости я неожиданно встретился спустя много лет. Встреча оказалась настолько неожиданной, что выглядела бы выдуманной, не будь ей многих свидетелей. В «Дне поэзии» 1972 года я опубликовал стихотворение «Утро над Невой». Ему были предпосланы такие слова:

«История этих стихов печальна и, если угодно, романтична. Я стихи считал пропавшими и, написав их в блокадном Ленинграде 1943 г., помнил только название «Утро над Невой».

В позапрошлом году мне их прислал из Новосибирска Леонид Решетников. Он готовил к печати книгу Георгия Суворова, хорошего поэта, рожденного и воспитанного сибиряка. В поисках материалов составитель обратился в Нарву, под которой погиб Г. Суворов. В нарвском музее хранилась полевая сумка поэта-гвардейца. Ее вскрыли и среди полуистлевших бумаг обнаружили эти стихи.

Георгий Суворов был моим близким другом, я послал ему стихотворение с одного участка фронта на другой. Он получил его незадолго до своей гибели на нарвском льду зимой 1944 г. Прошло почти тридцать лет, и стихи вернулись ко мне. Здесь можно было бы вывести приличествующее случаю умозаключение, но не стоит этого делать. Бывают факты, поражающие именно своей пронзительностью».

Я и сейчас ничего не хочу к этому добавлять, разве что: владей мной суеверное чувство, мне подумалось бы, что давний мой товарищ шлет напоминание о себе, и в таком случае теперешний очерк стал бы ему ответным посланием. Но я давно растерял все суеверия, оставив их ради спокойной веры в непременность чувств, владевших нами во фронтовой молодости. Постоянным отражением и воплощением ее стал для меня Георгий Суворов. Вспоминая о нем, я часто повторяю ранние пушкинские строки:

В те дни, когда мне
были новы
Все впечатленья бытия —
И взоры дев, и шум
дубровы,
И ночью пенье соловья, —
Когда возвышенные
чувства,
Свобода, слава и любовь
И вдохновенные искусства
Так сильно волновали
кровь...

Возвышенные чувства! В них был весь Суворов, вся его поэзия.

СТРАНИЦЫ ПОЭЗИИ

Юлия ДРУНИНА

■

Это правда,
Что лучшими годами
Заплатила я дань войне.
Но долги мне с лихвою отданы,
Все сторицей воздалось мне:
Пролетали деньки не пылью —
Злыми искорками огня.
Как любила я!
Как любили,
Ненавидели как меня!
Я за счастье свое боролась,
Как дерутся за жизнь в бою!..
Пусть срывался порой мой голос —
Я, и плача,
Всегда пою!
Это значит —
Долги мне отданы,
Все сторицей воздалось мне
Нет, не даром
Лучшими годами
Заплатила я дань войне!

■

На носилках, около сарая,
На краю отбитого села,
Санитарка шепчет, умирая:
— Я еще, ребята, не жила...

И бойцы вокруг нее толпятся,
И не могут ей в глаза смотреть:
Восемнадцать — это восемнадцать,
Но ко всем неумолима смерть...

Через много лет в глазах любимой,
Что в его глаза устремлены,
Отблеск зарев, колыханье дыма
Вдруг увидит ветеран войны.

Вздрогнет он и отойдет к окошку,
Закурить пытаясь на ходу.
Подожди его, жена, немножко —
В сорок первом он сейчас году.

Там, где возле черного сарая,
На краю отбитого села,
Девочка лепечет, умирая:
— Я еще, ребята, не жила...

■ Памяти Владимира Комарова

Это после он будет оплакан страной
И планета им станет гордиться.
А покуда спецшколу проклятой войной
Под Тюмень занесло из столицы.
Лишь потом это имя в анналы войдет,
Больно каждого в сердце ударит.
А пока Комарова спецшкольников взвод
Величает «Володька-комарик».
Комсомольский билет, да четырнадцать лет,
Да пожар, полыхающий в мире...
У «спецов» горячее желания нет,
Как на фронт драпануть из Сибири.
Малолетство они почитали бедой,
Ратным подвигом бредили дети.
И откуда им знать, что падучей звездой
Их «комарик» умчится в бессмертье?
Это будет потом — звездный час, звездный свет,
После — весть, леденящая душу...
А пока только тыл, да четырнадцать лет,
Да мороз, обжигающий уши.
У пилотки бы надо края отогнуть,
Подпоясать шинелишку туго.
Но задумался мальчик. Быть может, свой путь
Видит он сквозь сибирскую вьюгу...

■

Нет, раненым ты учета,
Конечно же, не вела,
Когда в наступленье рота
По зыбким понтонам шла.
И все-таки писарь вправе
Был в лист наградной внести,
Что двадцать на переправе
Сестре удалось спасти.
Возможно, их было боле,
А может, и меньше — что ж?
Хлебнувший солдатской доли
Поймет ту святую ложь...
Пока по инстанциям долгим
Ползли наградные листы,
На Припяти или Волге
Падала, охнув, ты.
И писарь тогда был вправе
В твой лист наградной внести,
Что сорок на переправе
Тебе удалось спасти.
Возможно, их было меньше,
А может, и больше — что ж?
Помянем тех юных женщин,
Простим писарям их «ложь»...

На вечере памяти Семена Гудзенко

...Нас не нужно жалеть, ведь и мы
никого б не жалели.
Мы пред нашей Россией
и в трудное время чисты.
С. ГУДЗЕНКО

Мы не трусы. За жизнь
Заплатили хорошую цену.
А стоим за кулисами
Робки, строги и тихи,
Так волнуемся, будто
Впервые выходим на сцену —
Мы, солдаты, читаем
Ушедшего друга стихи.

Я и впрямь разреветься
На этой трибуне готова.
Только слышу твой голос:
— Не надо, сестренка, держись!
...Был ты весел и смел,
Кареглазый наш правофланговый,
По тебе мы ровнялись
Всю юность, всю зрелость, всю жизнь.

И в житейских боях
Мы, ей-богу, не прятались в щели,
Молча шли напролом,
Стиснув зубы, сжигали мосты...
Нас не нужно жалеть:
Ведь и мы никого б не жалели,
Мы пред нашей Россией
Во всякое время чисты.

■

Когда стояла у подножья
Горы, что называют «Жизнь»,
Не очень верилось, что можно
К ее вершине доплестись...
Но пройдено уже две трети,
И если доберусь туда,
Где путникам усталым светит
В лицо вечерняя звезда,
То с этой высоты спокойно
И грустно оглянусь назад:
— Ну, вот и кончились все войны,
Готовься к отдыху, солдат!

Павел БОГДАНОВ

Рядовой

— Взять высоту! —
приказ прочтен.
Мы наготовились. Но вдруг
Осколком
командир сражен,
Смертельно ранен
политрук.

Но тут поднялся рядовой,
Такой, как ты, как я,
как все,
И он повел нас за собой
В бой по ничейной полосе.

И высота была взята!

И, очевидно, неспроста
Среди великих многих
битв,
С которыми мы шли
вперед,
Мне память до сих пор
хранит
Крылатый этот эпизод:

В огне поднялся рядовой,
Не растерялся в трудный
час,
Повел в атаку за собой,
И мы исполнили приказ!

Сибгат ХАКИМ,

лауреат Государственной премии РСФСР имени М. Горького

Десятый сон

На грани смерти,
на переднем крае
Война решила, видно, взять меня
Психической атакой, повторяя
Один и тот же сон, день ото дня.
Мне девять раз подряд
она твердила:
— Ты брошен, ты забыт
своей женой.
Забудь любовь, забудь про все,
что мило.

Пусть ты вернешься —
где очаг родной?
И столько раз брала меня тревога,
Что я поверил в достоверность сна.
Порой солдата так прижмет война,
Что и безбожник вспоминает бога.
Такая в сердце крайняя тоска —
Хоть лезь на бруствер
и кричи всей грудью:
«Стреляй, война! Пали из всех
орудий!»
А мне она: «Ведь ночь,
поспи пока...»
Десятый сон. Ко мне приходит
мама:
— Ты не дури, сынок.
Господь с тобой!
Ложись и спи. Тревожными ночами
Твоей любимой тоже снится бой...

Фронтовая баня

Как вспомню тот день,
тот февраль,
В свои шестьдесят леденею...

Фронт. Голая синяя даль,
Багровое солнце над нею.
Котел от гудрона нашли
Мы около старой дороги.
Охапку сухой конопли
Себе подстелили под ноги;
Пускай плащ-палатки с боков
От ветра плохая защита,
И натиск мороза суров,
И небом лишь баня накрыта —
Котел посередке кипит,
Как в сказках татарских —
волшебный,
Смывающий влагой целебной
Коросту печалей-обид!

Сегодня кровавые беды
Забыты в моем блиндаже,
Как будто согрет я уже
Не баней — весною победы.
Минута подобна лучу...
Буранное, грозное время,
Борений безмерное бремя —
Все молодости по плечу!
Лишь на день из битвы ушла,
Лишь раз и вздохнула спокойно,
А снова светла, весела,
И что ей и смерти, и войны?!
И верит она: бытие
Ей кто-то навечно отмерил.
Не знаю, в чем тайна ее,
Но помню — и я в это верил.

Той баней в мои шестьдесят
Душа отогрета поныне,
И годы не тяготят,
И старости нет и в помине.

Перевел с татарского
Р. МОРАН

Владимир КАРПОВ

ОДНО ЗАДАНИЕ

Разведотряд сосредоточился в лощине. Танки — их было всего четыре — уткнулись носами в занесенные снегом кусты. Экипажи не стали закапывать машины. Разведчики и автоматчики грелись у костров, готовые по первой команде вспрыгнуть на броню.

Командир танковой роты старший лейтенант Угольков, в черном комбинезоне и расстегнутом шлеме, сдернув замасленную рукавицу, отдал честь капитану, прибывшему со старшим лейтенантом Василием Ромашкиным. Черные и блестящие глаза танкиста с готовностью глядели на незнакомого офицера, старшего по званию.

— Посадите журналиста капитана Птицына в один из танков, — сказал Ромашкин.

Поняв, что капитан никакой не начальник, Угольков заговорил, обращаясь к Ромашкину:

— Куда я его посажу? Ну, куда? Лучше десяток выстрелов еще загрузить. Ты в бою скажешь — огня давай, а я журналистом что ли стрелять буду?

Птицын рассмеялся:

— Не вздорьте, ребята! Я на броне вместе с автоматчиками, — и ушел к бойцам.

— На кой черт он тебе сдался? — спросил Угольков.

— Да приказали! — с досадой отмахнулся Ромашкин.

Артиллерийская подготовка началась в полдень, в обеденное время, когда фашисты, съев свой овощной протер-

тый суп и сосиски с капустой, дремали, разомлев от горячей пищи.

Батальоны прорвали первую линию обороны врага. Обгоняя пехоту, на участке соседней дивизии вперед понеслась лавина танков — не меньше дивизии.

Ромашкин тут же получил сигнал двигаться вперед. Он вывел свой отряд по мокрой вязкой лощине, внезапным рывком из-за фланга второго батальона смял, разогнал огнем уцелевших здесь немцев и понесся вперед, стараясь не отстать от гудящей справа танковой армады.

Корреспондент сидел за башней «тридцатьчетверки» рядом с ним. Он, крепко держась за скобу, зорко поглядывал по сторонам. Василий тоже вцепился в металлический поручень, специально приваренный для десантников, и мысленно подгонял Угольков: «Давай, давай!» Нет ничего более неприятного в бою, как сидеть на танке. Ты открыт всем пулям и осколкам, все они летят прямо в тебя. Танк мотается вправо, влево, подскакивает вверх, проваливается в воронки. Он, как необъезженная лошадь, делает все, чтобы сбросить автоматчиков и разведчиков. Свалишься — смерть: танк умчится, а ты останешься один среди врагов, останавливать из-за тебя машину и превращать ее в неподвижную мишень никто не будет...

Танки неслись вперед, отбрасывая гусеницами ошметья мокрой земли. Десантники видели немцев, стреляющих в них, но даже не могли ответить огнем: надо держаться, иначе свалишься. Саша Пролеткин как-то ухитрился одной рукой достать гранату, вырвал зубами чеку и бросил лимонку в окоп, из которого высовывался фриц с пулеметом. Вовремя отреагировал — фашист мог срезать многих. Капитан Птицын улыбнулся посиневшими губами, крикнул, стараясь перекрыть шум мотора:

— Молодец!

В шесть часов отряд подошел к назначенному ему району, но путь здесь преградил густой лес. Валить деревья танки не могли. До реки осталось не более километра — она виднелась за этим лесом, но как выбраться на берег? В обход долго. К тому же вдоль реки проходил вражеский оборонительный рубеж и на танках там далеко не уедешь — подобьют сразу же.

— Ты оставайся здесь, — сказал Ромашкин Угольков, — а я с ребятами пойду через лес, посмотрю, что там.

Автоматчики со своим командиром — лейтенантом Щеголевым, разведчики — за Ромашкиным двумя группами двинулись в лес. Капитан Птицын шел рядом с Василием.

Опушка не доходила до воды метров на триста, за рекой виднелась обычная для здешних мест обсаженная деревьями асфальтовая дорога. Где-то там, за серыми деревьями и кустами, затаилась сильно укрепленная линия обороны врага. По асфальту то и дело проносились машины. Справа дорога поворачивала к реке, по мосту перебегала на этот берег и скрывалась за лесом. Мост охранял часовой, неподалеку стоял кирпичный домик — там, наверное, отдыхали караульные.

— Если бы мост захватить, — сказал Саша Пролеткин.

Ромашкин разглядывал в бинокль подходы и думал о том же.

— Хорошо бы, — согласился он.

— А что? — оживился Щеголев. — Людей у нас хватит.

— Захватить-то хватит, а удержать? — спросил Ромашкин.

— Удержим. Танки подойдут, помогут.

— Долго не продержимся. Фрицы все сделают, чтобы нас выбить. Мы тут будем, как кость в горле. Надо выскочить на мост перед самым приходом полка, чтобы наши успели, — наблюдая, говорил Ромашкин. — Да, этот мост для Караваева просто подарочек: не придется форсировать реку под огнем — проскочат по мосту с комфортом! Жук, запроси, где сейчас передовой батальон.

Из полка ответили:

«Первый брат идет вслед за вами, скоро наступит вам на пятки».

«Это Караваев велел передать, — подумал Ромашкин. — торопит. Ну, что же, сейчас мы обрадуем вас, товарищ полковник».

— Брать мост будем немедленно! Ты, Щеголев, со своими хлопцами перейдешь реку здесь. Лед, наверное, выдержит. Выходи на шоссе, прикроешь слева, чтобы нам не помешали разделаться с охраной. Я с разведчиками подойду лесом вплотную к мосту. Наблюдай за нами. Как мы начнем, ты сразу же перерезай шоссе. Севостьянов и Кожухарь, вернетесь назад — ведите танки в обход леса к мосту. Все. Пошли.

— Я с вами, — сказал Птицын.

— Может быть, отсюда посмотрите? Все видно будет. Дождетесь здесь танковую роту.

— Нет, я с вами.

— Ну хорошо. Двинули!

Скрываясь за деревьями, Ромашкин подобрался к мосту метров на сто и отчетливо увидел часового — толстого, неопрятного, пожилого. «Наверное, из тотальных», — догадался Ромашкин. У домика на другом берегу никого не было, но из трубы шел дымок. «Греются у печки. Сейчас мы поддадим вам жару!» — подумал Василий и спросил:

— Шовкопляс, ты можешь снять этого одиночным выстрелом?

— Та я его щелчком, ще то щоб пулей, сыму.

— Не подпустит. Шум поднимет.

Шовкопляс снял автомат с груди, глянул на командира:

— Прямо сейчас сымать?

— Погоди. Рогатин и все остальные, держите на мушке двери. Если услышат выстрел и выбегут, бейте в дверях. Пролеткин, наблюдай за шоссе вправо. Голубой — влево. Начнем, когда на подходе никого не будет. Всем приготовиться.

Ромашкин видел, как в корреспондент достал из кобуры свой пистолет.

— Как дорога? — спросил Ромашкин.

— У меня чисто, — сказал Саша.

— У меня идут две машины, — быстро ответил Голубой.

— Подождем, пропустим машины, — скомандовал Ромашкин.

Два грузовика с длинными, низко посаженными кузовами, дымя, протащились через мост. Часовой что-то крикнул шоферу. «Ну все, фриц, вто твои последние слова», — подумал Василий и, когда грузовики ушли не так далеко и могли шумом моторов заглушить одинокий выстрел, приказал:

— Шовкопляс, стреляй!

Разведчик поднял автомат, прислонился к дереву для упора, выстрел треснул, как сломанная сухая ветка, и часовой мягко свалился на бок.

Парадоксальный рукопись своего нового романа корреспонденту «Литературной газеты», Герой Советского Союза, писатель Владимир Карпов сказал:

— Во время войны я командовал взводом разведки, видел на заданиях великолепных советских ребят — находчивых, смекалистых, левших, веселых, отчаянных. Во многих могилах, начиная от Москвы, на военных дорогах лежат мои боевые товарищи. Я считал себя просто обязанным вспомнить и написать об этих славных, бесстрашных людях — о тех, кто погиб и кто уцелел. Предлагаемый вниманию читателей «Литературной газеты» отрывок — не мемуары и не рассказ о себе. Он взят из моего нового романа.

— За мной! — Ромашкин устремился к мосту, наблюдая за домиком. Там, видно, ничего не слышали.

— Пролеткин, Голубой, ну-ка подбросьте им пару гранат, чтобы теплее стало. Всем остальным спрятаться под мост, часового убрать.

Вовка и Саша пошли к домику. Про себя Василий отметил: «Молодцы, идут к слепой стене, там нет окон». Но когда, приблизившись, они затоптались на месте, Ромашкин встревожился: вти сорванцы опять что-то придумали: Пролеткин почему-то полез на плечи Голубому.

Саша взобрался на крышу и опустил в трубу две гранаты. Грохнул глухой взрыв, стекла вылетели, дверь распахнулась, но никто не выбегал, видно, дверь выбило взрывной волной. Голубой с автоматом наготове вошел в дом. Вскоре он выбежал и крикнул:

— Порядок! Три штуки начисто!

А с шоссе уже махал Щеголев. Он тоже вышел на дорогу, как было поручено.

— Как по нотам, специально для вас сделано! — весело сказал Жук Птицыну.

— Да, высокий класс! — восхищенно оценил корреспондент. — Не зря о вашем взводе слава ходит. Хороший будет материал!

— Не кажи гоп, — предостерег Шовкопляс.

— Это цветочки, — согласился Ромашкин, — ягодки... — Он не успел договорить — показались три грузовика с брезентовыми тентами. — Ягодин вот они, на подходе, — озабоченно закончил Ромашкин. — Всем сидеть тихо, может быть, проскочат. — И замахал рукой Вовке и Пролеткину: — Уйдите в дом!

Автомашины приближались медленно. «Хорошо, если везут груз, а если пехота?» — думал Василий, глядя снизу на мост.

Рыча моторами и обдав разведчиков вонью сгоревшей солярки, грузовики медленно проходили по мосту. Гранаты держали наготове, но машины покатили дальше. Ромашкин с тревогой смотрел им вслед. «Как поступит Щеголев? Не надо бы сейчас ввязываться в бой». Автоматчики, увидев, что Ромашкин пропустил машины, тоже не стали их обстреливать. «Молодец Щеголев, догадался!»

— Ладно, братцы, мост — дело попутное, надо вести разведку берега. Скоро полк подоспеет, — сказал Ромашкин. — Ты, Рогатин, с Пролеткиным и Голубым посмотрите, что делается от моста вправо, Шовкопляс пойдет со мной. Остальным остаться здесь. Жук, доложи в полк, что готовенький мост ждет их здесь!

...Сзади у моста бухнула взрывы гранат и затрещали автоматы. Ромашкин вскинул бинокль. На мосту дымилась разбитая машина, от нее убегали к лесу уцелевшие фашисты. Неподалеку остановилась колонна грузовиков, из кузовов выпрыгивали враги. Их было не очень много, видимо, охраняли груз.

Ромашкин позвал Шовкопляса и побежал назад к мосту.

— Мы решили на всякий случай на мосту завал сделать, — доложил Рогатин.

— Правильно, — одобрил Ромашкин и приказал: — Ну, а теперь всем в немецкие окопы и готовьтесь к тяжелой драке.

Василий спустился в траншею, вырытую фашистами для обороны моста. Мокрая, жидкая земля на стенах липла к одежде, но дно оказалось твердым из-за отводов, предусмотрительно сделанных для воды.

— Пролеткин, тащи из домика гранаты, патроны, все, что там есть, пригодится. Жук, где батальон?

— Сейчас запрошу. — Поговорив со штабом, он доложил: — Застрял батальон, товарищ старший лейтенант, застопорился.

— Да-а, — тревожно протянул Ромашкин.

Положение разведотряда осложнялось. Если раньше, в движении, он мог уклоняться от боя и ускользать от врагов, то теперь его наверняка попытаются окружить и уничтожить. А уходить нельзя: мост надо удерживать.

Справа послышались взрывы — по автоматчикам уже били из минометов. «Понятно, минометы поставили на запасные позиции и теперь дадут нам прикурить», — отметил Ромашкин.

Подошел Голубой. Несмотря на огонь из автоматов, он все же успел порыться в машине, подорванной на мосту.

— Что там? — спросил Василий.

— Железяки, — разочарованно ответил Голубой. — И эти, как их, ну блины такие железные, мины против танков.

— Пригодятся! — обрадовался Ромашкин. — Голощапов и Хамидуллин, набросайте мины на той стороне перед мостом, могут и танки появиться. Да осторожно, берегом прикрывайтесь!

Голощапов, как всегда, недовольно заворчал себе под нос:

— Легко сказать, набросайте. Машина еще дымится. Подойдешь, а она рванет. Набросайте!..

— Это резиновые баллоны дымят, — сказал Голубой. — Разрешите мне, товарищ старший лейтенант? Я там все знаю.

— Давай дуй, раз ты такой прыткий, — сказал Голощапов, поглядывая на командира, что он скажет?

Ромашкин хорошо знал старого ворчуна, потакать ему нельзя, в разговор втянешься — тоже ничего хорошего не жди. Поэтому Василий молчал, разглядывая в бинокль опустевшие на дороге грузовики. Голощапов, ворча, поплелся за Хамидуллиным.

Рис. Е. ЗОЛОТАРЕВА

Через полчаса фашисты пошли в атаку. Сзади, из вражеского укрепленного района, ударили минометы и пушки. Несколько снарядов угодило в реку, вскинув фонтаны воды и обломки льда.

Разведчики выпустили вражеских солдат из леса, позволили им выйти на чистое поле. Те, подозревая неладное, шли медленно, с опаской, готовые залечь. Команды офицеров подгоняли солдат. Едва атакующие вышли на асфальт, как затрещали наши автоматы. Фашисты, все, кто уцелел, свалились в кювет, убитые остались на дороге.

— От так, приймайте прохладительную ванну, — сказал Шовкопляс, вспомнив, как бежал по кювету, заполненному жидким снегом и водой. — Куды! Купайся, купайся! — приговаривал он, стреляя в тех, кто высовывался из кювета.

Через два часа разведчикам было уже не до шуток, их окружало до батальона пехоты. Правда, не линейный батальон, а тотальные фрицы, спешенные из прибывающих по шоссе машин. Но зато артиллеристы и минометчики из укрепрайона били точно. Подошли три танка и с того берега начали обстреливать окопы разведотряда. Один из них попытался перейти мост, подмяв под себя разбитую машину, но угодил на мину — грохнул взрыв, и гусеница, звеня, сползла с катков.

Два других танка подошли вплотную к берегу, немцы знали, что у русских нет артиллерии, а гранаты через реку не добросишь. Огнем в упор танки принялись стрелять. Отпускали по снаряду на человека. Вскрикнул перед смертью Кожухарь. Вздыбилась и задымила земля там, где стоял, припав к автомату, Севостьянов.

«Ну все — вот и настал наш последний час», — подумал Ромашкин. Он не потерял самообладания перед смертью. Глядел на нее, чуть высовываясь из траншеи, и все искал выхода, не веря, что это конец. Но ускользнуть взводу некуда — впереди укрепленная линия обороны, за мостом вражеские танки. Остаться в траншее — гибель, танковые пушки пробивают ее насквозь. Увести взвод нельзя — отходить некуда; как только ребята вылезут — пулеметы порежут всех.

Василий взглянул на корреспондента. Тот что-то писал, положив на колено планшетку. «Не понимает обстановки. — Ромашкин даже позавидовал ему, — так легче умирать. И зачем мы взяли его? Жил бы хороший человек, работал в газете, не надо было ему связываться с разведчиками».

И все же Ромашкин не чувствовал предсмертного холода в груди. Верил: и на этот раз кто-нибудь спасет.

Он не ошибся. Выручил его Угольков.

Четыре пушечных выстрела почти залпом грохнули с опушки леса, и оба немецких танка окутались дымом. Один сразу же запылал ярким огнем, другой испускал ядовито-желтый дым.

— Вовремя, братцы! — вздохнул с облегчением Ромашкин.

Но вскоре и оттуда, где прежде сидели автоматчики Щеголева, полезли танки. Едва они перевалили на склон, обращенный к мосту, наши танкисты открыли огонь. Но фашисты продвигались. Разведчики, сосредоточив на них внимание, не заметили, что группа врагов перешла реку по льду, неожиданно выскочила из-за кустов. Началась рукопашная.

В пылу боя Ромашкин не забывал и о корреспонденте, старался прикрыть его огнем. Но тот и сам не растерялся: смешно вытягивая руку, стрелял из пистолета, будто в тире, как его учили где-то в тылу. И попадал! Фашисты падали перед ним, Ромашкин это видел.

Нападение огбили, но Василий понимал, что долго не продержаться. Зло крикнул Жуку:

— Ну, где же батальон, в конце концов?

Радист виновато опустил глаза, стал вызывать штаб батальона.

Патроны на исходе. Ромашкин приказал собрать автоматы и магазины перебитых на берегу фашистов.

— Здорово мы их, — радостно сказал Птицын.

По его счастливым глазам Ромашкин понял: корреспондент никогда еще не видел врагов в бою так близко. Пленных, конечно, встречал, разговаривал с ними, а вот так, лицом к лицу, в рукопашной, не приходилось.

Вдруг Птицын ойкнул, выронил пистолет и, согнувшись, упал на дно окопа. Ромашкин и Пролеткин бросились к нему. Подняли, помогли сесть.

— Ну, все. В живот. Это смертельно, — сказал сдавленно Птицын.

— Погоди, разберемся, — пытался успокоить Ромашкин, разрезая ножом гимнастерку. Он убедился — действительно пуля вошла чуть выше пупка. «Да, не жилец, — горестно подумал Ромашкин, — в расположении своих войск хирурги могли бы спасти. А здесь — хана».

Ромашкину стало жаль капитана, который и смерть встречал спокойно, с достоинством. Настоящим парнем оказался в бою! Даже в рукопашной, где теряются опытные вояки, вел себя прекрасно.

Птицын печально смотрел на Ромашкина снизу вверх и напоминал святого, какими рисуют их на иконах. Он ждал, как приговора, что скажет Василий.

Перевязав рану, Ромашкин достал плащпалатку, расстелил на дне траншеи, велел:

— Ложись.

Птицын, закусив губы, повалился на бок. Он лежал скорчась и тихо стонал.

— Бери, Иван, и ты, Шовкопляс, понесем к танкам. Остальные прикройте нас огнем, — приказал Ромашкин.

Прячась за сгоревшей на мосту машиной, а потом за подбитым танком, разведчики с раненым прошмыгнули к лесу, туда, откуда стреляли танки Угольков. Угольков весело встретил их, но, увидав окровавленного капитана, воскликнул:

— Эх, ты! Надо же...

— Давай машину с лучшим механиком-водителем, посади туда капитана и на предельной скорости назад, к своим. Капитан ждать не может. Понял?

— Сделаем, раз надо, — угрюмо сказал танкист.

— Ну, будь здоров, капитан, поправляйся. Извини, что так получилось.

— Разве вы виноваты, — тихо произнес Птицын.

— Лучше бы не ходил с нами. Ну, ладно, крепись. А ты, Угольков, правильно понял обстановку. Спасибо тебе, выручил нас. Смотри только, чтобы тебя не обошли.

— Я круговую оборону организовал, — сказал Угольков.

— Давай-ка поддержи нас на обратном пути, — попросил Ромашкин.

— Есть поддержать, — отозвался ротный. — А ну, хлопцы, взять на прицел, чтобы ни одна падла не посмела в старшего стрелять.

Разведчики вернулись к мосту. Танк с закрытыми люками осторожно уходил вдоль опушки.

Справа, а потом и слева от разведчиков тоже разгорался бой. Должно быть, там соседние дивизии вышли к реке. «Что-то наши сегодня оплошали, — думал Ромашкин, — отстают от других. Григория Куржакова в то нет. Уж не ранен ли? Да, ночью нас могут дожать»...

Немцы действительно хотели уничтожить разведотряд с наступлением темноты, когда русские не смогут вести прицельный огонь. Но и Ромашкин, поняв их намерения, подготовил сюрприз. Он перевел танки Угольков к себе через мост, и, едва немцы полезли, танкисты встретили их огнем из пушек и пулеметов.

Поздно ночью избитый, истерзанный батальон подошел, наконец, к разведчикам.

— Где Куржаков? — спросил Ромашкин незнакомого младшего лейтенанта.

— Комбат ранен. Там такое было, — вяло махнул рукой младший лейтенант и побежал за своими солдатами, которые, пригибаясь, шли к дотам вражеского укрепрайона.

Штаб накоротке остановился в небольшой лощине. Полковник Караваев, увидев Ромашкина, сразу позвал его к карте, развернутой на капоте «виллиса». Здесь же были Колокольцев и Линтварев — они стали подсвечивать карту трофейными фонариками.

— Немедленно бери свой отряд, — сказал Караваев, — задача: вырваться ночью вперед и вести разведку новой укрепленной полосы — вот здесь, в сорока километрах от Кенигсберга.

Василий обводил полукружьями названия населенных пунктов и слушал командира рассеянно, будто в полусне: надо было слушать, когда приказывает старший, вот он и слушал. А на первом плане — горькая обида: «Даже спасибо не сказал. Не поздоровался. Не спросил, есть ли кто в моем отряде, не всех ли побило?»

Ромашкин глядел на черное лицо полковника. Видимо, Караваев в эти дни ни минуты не отдыхал. Кожа обтянула кости лица, обычно голубые глаза сейчас не понять какого цвета. Движения полковника резкие, сильные. И внезапно Ромашкин почувствовал, как в нем самом стала натягиваться, крепчать, обретать силу какая-то внутренняя пружина. Новая задача будто придавала ему новые силы. И то, что Караваев не поздоровался и не поблагодарил, приобретало совсем другой смысл.

...Через три дня, когда взвод Ромашкина отдыхал в одном из бюргерских домов, прискакал на мохноногом немецком битюге старшина Жмаченко. С трофейным конягой он порядком намучился:

— Не понимает наших команд, сатана! А ну, хальт, тебе говорят!

Жмаченко привез, как обычно, горячую пищу в термосах, а кроме того — удивительную новость:

— Глядите, братцы, в газете про вас напечатано! Тот самый капитан, который на задание с вами ходил.

— Живой, значит? — обрадовался Ромашкин.

Жмаченко привез газеты каждому, чтобы осталась на память. Тут уж ни почтальон, ни начальник связи полка, ведавший доставкой газет, ничего не могли поделать.

Ромашкин читал статью. Птицын с таким уважением писал о разведчиках, что у Василия от волнения и гордости даже горло перехватывало.

— И когда капитан успел все записать, запомнить, — удивился Саша Пролеткин. — ведь он вместе с нами отбивался?

— И как быстро написал, — поразился Голубой.

— Боялся, что помрет, — сурово сказал Иван Рогатин.

Все притихли, понимая — Иван прав. Ранение у корреспондента было тяжелым, и он, наверное, спешил написать, чтобы не унести в могилу славу разведчиков.

— А може, не помрет той капитан? — спросил Шовкопляс. — Коли написав, значит, вже и операция пройшла, и пулю эту дурну вынули.

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮБИЛЯРОВ

И. М. ОВЧАРЕНКО — 75 лет

В связи с 75-летием со дня рождения Ивана Митрофановича Овчаренко секретариат правления Союза писателей СССР направил юбиляру приветствие, в котором говорится:

«День Вашего 75-летия совпал с 40-летием Вашего пребывания в рядах членов Союза писателей СССР. Мы хорошо знаем и глубоко ценим Вас как одного из зачинателей военно-патриотической темы в русской прозе, как писателя-коммуниста, посвятившего себя делу коммунистического воспитания советского народа на примерах героических подвигов советских воинов, партизан эпохи гражданской войны.

От всей души желаем Вам бодрости, хорошего самочувствия и дальнейших творческих свершений».

Поздравив юбиляра также секретариат правления Союза писателей РСФСР

Ю. И. ГАРЕЮ — 70 лет

Секретариат правления Союза писателей СССР направил Юсуфу Ибрагимовичу Гарею приветственную телеграмму, в которой говорится:

«Поздравляем Вас, одного из ветеранов башкирской советской литературы, со знаменательной для Вас датой — днем семидесятилетия. Ваши стихи и сказки — примечательное явление башкирской детской поэзии. Всесоюзную известность получила повесть «Наша Гамаг» в которой создан убедительным образ передовой женщины наших дней. Добрых слов заслуживает Ваша переводческая деятельность. Рады отметить, что свой юбилей Вы встречаете в расцвете творческих сил. Желаем Вам доброго здоровья, счастья, новых успехов».

А. Г. ДЕМЕНТЬЕВУ — 70 лет

В связи с 70-летием со дня рождения Александра Григорьевича Дементьева секретариат правления Союза писателей СССР направил юбиляру приветствие, в котором говорится:

«Сердечно приветствуем Вас, одного из старейших советских критиков и литературоведов, в день Вашего семидесятилетия.

Вы прошли большую жизненную школу. После окончания Горьковского пединститута, а затем — аспирантуры Ленинградского университета Вы многие годы являлись преподавателем истории и литературы. В 1941 году добровольцем ушли в действующую армию, были парторгом роты, сотрудником армейской газеты, лектором. Немало сил и энергии отдали Вы работе в печати — а на-

чество члена редколлегии «Звезды», главного редактора журнала «Вопросы литературы», заместителя главного редактора журнала «Новый мир». В течение нескольких лет Вы являлись одним из руководителей Ленинградского отделения Союза писателей.

Плодотворную работу в литературных изданиях, в высших учебных и научно-исследовательских учреждениях Вы постоянно сочетали с творческой деятельностью. Вашему перу принадлежит фундаментальное исследование «Очерки по истории русской журналистики 1840—1850 годов», ряд учебников и учебных пособий, немало содержательных работ по истории русской литературы, статей о творчестве современных советских писателей.

При деятельном Вашем участии осуществилась подготовка собраний сочинений Д. Фурманова, Н. Ляшко и Е. Петрова, научных и литературно-критических сборников.

Желаем Вам доброго здоровья, душевной бодрости, новых творческих свершений».

Поздравив юбиляра также секретариат правления Союза писателей РСФСР.

Г. П. ВЛАДИМИРОВУ — 60 лет

Секретариат правления Союза писателей СССР, Совет по узбекской литературе и Совет по критике направили Георгию Петровичу Владимирову приветствие:

«Примите наши самые ис-

кренние поздравления по случаю Вашего шестидесятилетия со дня рождения и сорокалетия научной и творческой деятельности.

Известный критик, автор многочисленных статей и книг, посвященных проблемам развития многонациональной советской литературы, Вы внесли значительный вклад в дело укрепления взаимосвязей братских литератур. Ваши произведения о жизни и творчестве видных советских писателей — Дм. Фурманова, С. Вородина, Ш. Рашидова, книги «Знамя дружбы» и «Великое единство» стали достоянием широкого круга читателей, критиков, библиографов. В них Вы с присущей Вам принципиальностью, объективностью и высокой требовательностью исследуете современный литературный процесс.

Свидетельством высокого признания Вашей активной творческой деятельности явилось присуждение Вам Государственной премии Узбекской ССР имени Хамзы.

Как крупный ученый-педагог много сил и энергии отдаете Вы воспитанию молодых научных кадров. Мы ценим также Вашу плодотворную работу на посту главного редактора журнала «Звезда Востока».

От всей души желаем Вам крепкого здоровья, счастья, новых творческих успехов».

***

«Литературная газета» присоединяется к этим теплым поздравлениям.

Лидия КНЯЗЕВА,
народная артистка СССР

НАВСТРЕЧУ МОЛОДОГВАРДЕЙЦАМ

Финальная сцена спектакля

НАШЕ ВОЕННОЕ поколение узнало о «Молодой гвардии», прочитав роман Александра Фадеева. Я помню, как мы были потрясены подвигами и героической смертью краснодонцев. Они были так же молоды, как и мы. Они погибли — мы остались жить. И мы, живые, знали, что никогда их не забудем.

Откровенно говоря, я очень волновалась, придя на спектакль «Молодая гвардия», поставленный П. Хомским в Центральном детском театре. Мне довелось сыграть много ролей героического репертуара, я превосходно понимаю, и как дорого стоит актерам такая работа, и какая трудная задача стояла в данном случае перед ними. Не разрушить уже легендарные образы, известные до мельчайших черточек каждому школьнику. И в то же время заставить еще раз, после романа и наверняка виденного зрителями фильма, заставить их пережить трагедию Краснодона так, будто она происходит сейчас, здесь, на наших глазах.

Я уверена, что пьеса Анатолия Алексина, написанная на основе нетленного фадеевского романа, и спектакль, вышедший накануне открытия XVII съезда ВЛКСМ, достигли своей цели: поколения, между которыми дистанция в тридцать лет, узнали друг друга.

Зрительный зал реагирует мгновенно и страстно на все, что происходит по ту сторону рампы. Казалось бы, что исторический материал — подвиг в Великой Отечественной войне требует сильных сценических эффектов. Но действие спектакля начинается как-то скромно, тихо. Без выстрелов, без грохота снарядов сцена заполняется фашистскими солдатами. Только слышны нерусский говорок да карканье воронов. Но мы уже понимаем, что враг здесь, в нашем доме. И вытерпеть это невозможно.

А на сцене и дальше люди будут вести себя как будто обыденно и просто. Весь спектакль проникнут обаянием строгости, лаконизма, объясняющим замысел — все внимание зрителей сосредоточить на героях.

Уже в коротких сценах драки Олега Кошевого с денщиком немецкого генерала, встречи Сережи Тюленина с сестрой Даны — как камертон — черты, определяющие характер того или иного персонажа. Собственно, актерам достаточно только обрисовать своих героев слегка, и мы вспомним о них все.

С первой минуты и до конца спектакля на авансцене — генерал Клер. Несколько шагов, и Олег Кошевой или Любка Шевцова «выходят из действия» и оказываются перед гестаповцем, ведущим допросы молодогвардейцев.

Логика, на которую опирается генерал гестапо, должна, по его мнению, сокрушить безрассудных молодых людей. Он ищет целесообразности в их поступках, не понимая, что для Олега Кошевого целесообразнее умереть с честью, нежели предать друзей и идею, чтобы выжить.

Этот спектакль не так уж прост для понимания. О смысле и романтике подвига в нем не вещают прямыми текстами. Юный человек, сидящий в зале, должен стать деятельным сочувственником событий, заинтересованным и внимательным, чтобы понять, что есть подвиг. Да и кто сказал, что детям надо предлагать адаптацию и упрощение! Много лет играя на сцене театра для детей, я убеждена: юный возраст не помеха, были бы сполна высказана всем течением спектакля его основная идея.

В «Молодой гвардии» Центрального детского театра уничтожена тридцатилетняя дистанция между теми, кто в зале, и теми, кто на сцене. По реакции зала, то примолкающего, то бурно аплодирующего, чувствуется, что все поступки молодогвардейцев воспринимаются сейчас детьми, которые и ведать не ведали, что такое война, как естественные и единственно возможные.

Когда каждый из нас смотрит «Молодую гвардию», то с нетерпеливым волнением ждет сцен, без которых нельзя представить это произведение: клятву молодогвардейцев, развешивание флагов накануне 25-й годовщины Октября. Сцены эти идут под непрерывные аплодисменты. Во мраке ночи появляется над Краснодоном один флаг, другой, третий... Стремительный Сережка Тюленин карабкается по пожарной лестнице, чтобы укрепить флаг как можно выше. Его все должны видеть, все должны знать, что есть в Краснодоне Советская власть. Быстрые, как молнии, носятся по сцене Сергей Левашов, Валя Борц, Любка Шевцова, спрятав за спинами красные полотнища, и нас захватывают их азарт, их бесстрашие.

Здесь, мне кажется, пришла пора сказать о музыке. В новой постановке «Молодой гвардии» равноправными соавторами драматурга и режиссера стали композитор Оскар Фельцман и поэт Роберт Рождественский. Может быть, не вызвала бы в нас такой эмоциональный порыв сцена с флагами, если бы не звучала над всем залом песня надежды молодогвардейцев: «Знаю, солнце взойдет утром!».

Баллады, исполняемые в спектакле, превратились словно бы в лейтмотивы героев, рассказывая о том, как не хотелось умирать этим мальчикам и девочкам. Музыкой пронизан весь спектакль. Она врывается в действие и сопровождает его, углубляя сопереживание зрителя, или затихает, уступая место диалогу, и вновь заполняет собой пространство зала. «Там, за тучами, небо синее», которое не увидеть ни Олегу, ни Любке, ни их друзьям... В спектакле занято около семидесяти исполнителей. И тем не менее даже те персонажи, которые появляются в двух-трех эпизодах, запоминаются: Радик Юркин (М. Кисляров), Жора Арутюнянц (А. Комиссаров), Володя Осьмухин (Б. Шинкарев).

Сложнее других пришлось, конечно, А. Бордукову, играющему Олега Кошевого. Мы видим не по годам зрелого комиссара молодогвардейцев, готового достойно и мужественно защитить свои убеждения. И Сережа Тюленин (артист И. Негода) — сам порыв, жажда борьбы в нем стихийна и неугасима. Он подвижен, быстр, горяч. И, конечно, Любка Шевцова в прекрасном исполнении И. Муравьевой: темпераментная, изящная, дерзкая. Актеры играют с полной самоотдачей, они захвачены стремительным темпом спектакля, ритмом музыки, молодостью своих героев.

...Их ведут на казнь. Каждого — по два конвойных. Одни идут спокойно и гордо, другие продолжают из последних сил сопротивляться. Мы не слышим их криков. Прощальных слов не заглушает грохот вагонеток. Один за другим исчезают в черной глубине шахты Олег Кошевой, Любка Шевцова, Ваня Земнухов, Уля Громова... Но потом они вновь появляются, выходят на авансцену плечом к плечу, с песней о благодарной памяти потомков.

И зал встает им навстречу.

театр

ЛЕГЕНДЫ И ЛЮДИ

В. КОМИССАРЖЕВСКИЙ

МОСКОВСКИЕ И ЛЕНИНГРАДСКИЕ ПРЕМЬЕРЫ

КАК ИЗВЕСТНО, Тиль по прозвищу Уленшпигель рождался не меньше шести раз. Если, конечно, считать, что каждого, кто родился во Фландрии не то в 1526, не то в 1527 году, должны были окропить при рождении святой водичкой.

Вначале его «окрестил» дождь по дороге в церковь, потом каменщик для потехи облил его из ведра, затем священник, видя, как, едва появившись на свет, мальчуган начал корчить рожи и ворочаться, дал ему имя Тильберт, что означает «подвижный», дальше, как полагается, его «обмыли» семнадцатью пинтами «двойного пива», по возвращении уронили в лужу и, наконец, дома как следует выкупали, чтобы ликвидировать следы падения.

Ну, а потом он уже не раз рождался в театре, на сцене, ибо истинное его имя, которое дал ему бельгийский журналист и преподаватель колледжа Шарль де Костер, было все же Тиль Уленшпигель, что в переводе с фламандского следует читать, как Сова и Зеркало. Мудрость и Комедия.

Последний раз он родился совсем недавно в Московском театре имени Ленинского комсомола в пьесе, которую сочинил Григорий Горин и поставил Марк Захаров. Я был на его крестинах и свидетельствую — это он. Тиль! «Тиль» — так и называется эта «шутовская комедия в двух частях с музыкой Геннадия Гладкова», как обозначено в афише.

Вначале режиссер позаботился о том, чтобы на сцене было очень скучно. Не потому скучно, что плохо играют или пьеса плохая, а потому, что на свете еще не было Тиля. Сидела, как каменная, его мать Сооткин (арт. М. Лифанова) и ждала, когда же, наконец, он даст о себе знать.

Скучно о чем-то переговаривались мужчины. Даже палач, симпатичный белобрысый парень, с явной неохотой выполняющий свою работу (арт. В. Проскурин), лениво читал очередной указ короля. И вдруг Сооткин закричала на весь театр. Грянули вовсю музыканты, бил барабан; Тиль появился на свет! Вначале кормилица вынесла новорожденного на руках, и он был куклой. В следующую минуту мы уже увидели живого мальчишку, проходящего на сцене, а через минуту в куртке, красных штанах, в красном шутовском колпаке — сам верзила Тиль — Н. Караченцов. «Шутовская комедия» Г. Горина началась!

Я говорю — комедия Г. Горина, ибо это была отнюдь не инсценировка знаменитого романа, а в общем-то совершенно самостоятельное сочинение. В ней действовали знакомые нам с юности персонажи, узнавался сюжет: изгнание и странствие Тиля, вечное ожидание его невесты Неле, предательство подлого Рыбника, мученическая гибель на костре Клааса, битва Гёзов с войсками испанского короля. Но все это было «оркестровано» по-своему.

Когда лет пятьдесят тому назад молодой Бертольт Брехт с таким же молодым Лионом Фейхтвангером переписывали по-своему трагедию Кристофера Марло «Эдуард II», в журнале «Ди вельтбюне» появились шутливые стихи одного из соавторов. Они назывались «Обработки». «...Я делаю из старого материала новую пьесу, — писал Фейхтвангер, — и проставляю... перед именем мертвого писателя словечко «по». Тогда одни критики пишут, что я отнесся к нему с чрезвычайным пиететом, другие — что без малейшего. И то, что не получилось у мертвого писателя, все это валят они на меня, а то, что у меня хорошо получилось, приписывают они мертвому писателю...» ●

котором никто толком не знает, был ли он в свою очередь «оригинальным поэтом» или, может быть, обработчиком». Хотя Шарль де Костер был «оригинальным поэтом» и у него все «получилось», конечно же, он в то же самое время был великим «обработчиком» и фламандского фольклора, и подлинных документов. Переплавив все это в бурлящем раблезианском котле необузданного воображения, он и создал свой удивительный роман, сотканный из причудливых мифов, благоухания его родной земли — Фландрии, запаха ее цветущих яблонь и мирных колбас, ее трагических и славных битв за свободу и ее соленых шуток и анекдотов в духе Боккаччо, а главное — из фламандской полноты жизни, вечно воскресающей вновь, как и сам Тиль.

Таков роман. И автор пьесы, и театр отнеслись к нему с должным пиететом, стараясь передать не букву прославленной книги, а ее дух...

Есть ли потери в этом дерзком эксперименте? Есть. И дело не в том, что порой бывает жаль иной уморительной истории, рассказанной де Костером. Горин сам придумал серию отличных фаблио и реприз. Я думаю, что он вместе с театром скорее недооценил трагическую мощь романа. «И куда ни приходил бедный Уленшпигель, везде, исполненный ужаса, он видел только головы, торчащие на шестах; он видел, как девушек бросали в мешках в реку, голых мужчин, распятых на колесе, избивали железными палками, женщин бросали в ямы, засыпали их землей, и палачи плясали сверху, растаптывая им грудь». «Пепел Клааса стучит в мое сердце», — мог бы сказать сегодняшний Тиль. Поэтому нам важно, чтобы в сцене бесовского шабаша зрелищность не затмевала смысл, а в «злых зонгах» о Фландрии гул электрогитар не заглушал слов, говорящих о мучениях страны.

Трагическое дыхание «Шутовской комедии» должны, как мне кажется, набирать еще и актеры. В Ю. Колычеве — Клаасе узнаешь «честного фламандского труженика», написанного Костером. Его разговор с палачом перед казнью о том, каким будет ячмень и какой выдастся ныне май, превосходен. Но право спокойно сказать «нет», зная, что тебя за это ждет гибель на медленном или, как милость, на быстром огне, ему надо еще завоевать.

Ждешь больших «трагических молний» и от пророчицы Катлины — Е. Фадеевой. Одна из них уже сверкнула, когда она в финале первой части хлещет разомлевшего от женской ласки Тиля.

Наращивать гнев, так же, впрочем, как и стихию веселых шутовских бубенцов, будет, конечно, и молодой Н. Караченцов — Тиль. Ведь он только еще родился, и впереди у него долгий путь. Но и сейчас уже в его горячих глазах вспыхивают веселые шутовские огни. Он умеет пройтись колесом и молчать, стараясь разгадать загадку, что задает ему жизнь. Он умеет быть неистовым и нежным. Он не поддается голосам жестокости. Слышна всем сердцем голоса свободы, возмездия и любви.

Как родился такой Тиль? В ответ и написана эта пьеса и поставлен спектакль. Марк Захаров вывел на дорогу своего талантливого спектакля молодого актера, дал ему в руки компас замысла, снабдил его хорошими песнями, нашел для него, чтобы легче было идти, немало искусных мизансцен, разбудил его фантазию и жажду действия. И Тиль вместе с Ламме Гудзаком должен дойти до цели.

Однако самой завершенной работой стала для меня в спектакле Неле И. Чурн-новой, представшей к тому же, по воле автора и режиссера, в облике сразу трех женщин: невесты Тиля, что вечно ждет его возвращения из странствий, некоей вульгарноватой блондинки, встреченной Тилем на дороге, и непокорной, воинственной Анны. В Неле — Чуриковой живет какая-то нежная сила. В ней есть то, что позволило назвать ее «сердцем Фландрии».

Я запомнил эту голубую (таков был цвет ее одежды) деревенскую Неле, обладающую даром любви и ожидания. И хотя она и двигалась по сцене, как мне показалось, в пластике женщин, сошедших с картин фламандских мастеров, Чурикова была в каждую секунду живой и современной.

То же естественное сочетание стиля и современности в том, как «сочинили» спектакль художники О. Твардовская и В. Макушенко. В центре — какое-то странное деревенское сооружение на колесах.

Сначала я подумал, что это принадлежность незнакомого мне быта фламандской деревни, а потом понял, что это очень емкий образ спектакля. И повозка странствующего Тиля, и столб мученика, у которого будет стоять перед смертью Клаас, и шутовская карусель. Прямоугольные деревенские столы, как у Брейгеля, легко превращались в подмостки для площадного балагура. Костюмы казались совсем брейгелевскими и вместе с тем были неуловимо современны...

...В финале [illegible] Рыбник в упор несколько раз стреляет в Тиля, но он продолжает спокойно идти по сцене, ибо Тиля убить нельзя.

ОЗОРНОЕ и героическое странствование воина свободы Тиля, идущие на штурм Гёзы — знаменитые легенды и гул истории Фландрии... Ну, а может ли быть примером, скажем, совсем не знаменитый и не легендарный лифтер, прослуживший всю жизнь в отеле? Или рассыльный, исполнительно таскавший чемоданы и картонки со шляпами? Или часовщик? Но разве великий стоик Клаас, отец Тиля, не был простым угольщиком из Дамме? Разве сам Тиль — шут, живописец и солдат, переменив с десяток профессий, — не был в романе де Костера еще и каретником, булочником, сапожником? Люди обыкновенных профессий, какими они могут быть необыкновенными!

Все вспоминается мхатовское «Соло для часов с боем» О. Заградника. В нем эта верность делу жизни скромных персонажей, что приходят каждую пятницу к лифтеру Абелю Франтишеку и продолжают рыцарски служить их старинной приятельнице пани Конти, помножилась на верность своей миссии удивительных «стариков» Художественного театра, продолжающих самозабвенно служить сцене. Перед нами возник зримый пример того, каким праздником может быть человеческое общение и путь самое скромное, но благородное человеческое деяние.

Один из персонажей спектакля — часовщик Райнер (А. Грибов). Ему за семьдесят, а он сам, по своей воле вот уже какой раз карабкается по стене городской ратуши, рискуя упасть на землю и разбиться, для того, чтобы починить городские часы. Что за блажь? Не может понять этого пара молодых прагматиков, действующих в пьесе. А он просто хочет, чтобы люди почаще вспоминали, что такое Время, и не забывали наполнять его стоящими делами.

Если бы не было таких людей обыкновенных профессий, как Райнер, никогда не пошли бы вновь не только городские часы. Остановились бы часы истории!

У поэта Д. Самойлова есть строки: «О, как я поздно понял, зачем я существую! Зачем гоняет сердце по жилам кровь живую... И что порой напрасно давал страстям улечься!.. И что нельзя беречься, и что нельзя беречься...».

С мхатовским «Соло для часов с боем» О. Заградника явно перекликался дуэт двух ленинградских актрис З. Шарко и Л. Макаровой, который я видел на Малой сцене Большого драматического театра. Это была «Игра в двух действиях» под названием «Кошки-мышки». Ее сочинил известный венгерский писатель И. Эркень и поставил режиссер Ю. Аксенов.

На большом фото две девушки, бегущие кому-то навстречу по парку. Мы слышим их голоса, и эти молодые голоса не раз будут возникать в спектакле, где речь пойдет о двух старых женщинах, двух сестрах — одну зовут Эржебет, другую — Гиза, — что, смеясь, бежали когда-то вот так, среди листвы.

Почти прожита жизнь. Они живут теперь довольно далеко друг от друга. И живут они совсем по-разному. Гиза проводит свои дни в замке, но, увы, почти неподвижно: болезнь приковала ее к креслу. Эржебет (в этой роли мы вновь увидели давно не имевшую больших работ З. Шарко) живет отнюдь не в замке, сдает одну комнату модистке, целый день бегает по городу, все нужно сделать самой, самой. Она покрасила седую голову и стала блондинкой. По четвергам угощает ужинами своего бывшего возлюбленного, знаменитого когда-то певца. И хотя их встречи носят вполне платонический характер, она любит его и ревнует по-прежнему.

Шарко на наших глазах превращается из пожилой шестидесятилетней дамы в старом халате в миловидную блондинку в джерси орехового цвета. Она втягивает нас в свои причуды, поражает то детскостью души, то отчаянием, то бунтом. Она живет! Когда ей бывает одиноко, Эржебет играет со своей квартиранткой в «кошки-мышки», виртуозно изображая при этом кошек самого разнообразного нрава.

Гизу — Макарову невероятно шокирует и новый цвет волос ее сестры, и это безвкусное для ее возраста джерси, и эта глупая игра в «кошки-мышки», и этот ужасный роман. Но однажды (ах, какая же это умница, Гиза!) она поймет, что все эти «кошки-мышки», и итальянские арии, и «африканские страсти» Эржебет — это не экстравагантность и не причуды старости. Это счастливый дар уметь сохранить что-то самое главное, от тех бегущих среди листвы девочек на фото.

Впрочем, сама Макарова — Гиза показывает нам пример того, как надо об этом помнить: парализованная, прикованная к креслу, она заставляет нас совершенно забыть о своем несчастье, так она хороша, обворожительна, изящна.

«Игра в двух действиях» оказывается игрой жизни, игрой ее сил, ее вечно молодого кипения, и ты понимаешь, что, пока ты дышишь, нельзя выходить из этой «игры» «и что нельзя беречься, и что нельзя беречься».

Я ПИСАЛ о людях «обыкновенной профессии». Есть многое, что их объединяет в самых различных городах мира. И, может быть, самое главное, что, начиная свой день или итожа его, каждый нет-нет да подумает: «Только бы не было войны!»

«Троянской войны не будет» — так и называется пьеса Жана Жироду, поставленная режиссером П. Фоменко в Ленинградском театре комедии.

Современность, одетая в античные одежды. За несколько лет до того, как нацисты бросили в дело свои дивизии, писатель, поражавший обычно изысканностью стиля и совершенством формы, в полной мере сохранив эти качества, выступил в роли Кассандры, прорицательницы беды.

Сегодня в мире дуют теплые ветры надежды. Тем важнее узнать, где таится опасность. У Жироду, как известно, действие происходит еще в безмятежной Трое. Она в этот солнечный день «блестит и переливается перламутром больше, чем глубины моря».

П. Фоменко и художник Н. Иванов увидели этот сметенный войной город как бы уже после пережитой катастрофы. Обломки колонн с обнаженными ржавыми проволочными каркасами, поверженные статуи и среди них — люди, еще не знающие, что все так и будет.

Режиссер усиливает удары трагических барабанов пьесы и вместе с тем улавливает в ее тексте такое короткое словечко, как «фарс». Многое в спектакле убеждает в правомочности такой жанровой интонации. Правда, она требует, как мне кажется, более озорного, импровизационного самочувствия от самих актеров. Это все, что составляет душу трагической поэзии спектакля, где ирония должна отступить на второй план, дав место героическим усилиям людей, стремящихся навсегда закрыть ворота войны, представляет собой успех художественный и гражданский.

...Входит Гектор, и с ним входит война. Нет, у нее не лицо прекрасной Елены, как утверждает фанатик и бард войны, поэт-сенатор Демокос (арт. Л. Иемме), и не лицо, подобное заду обезьяны, как говорит Гекуба (И. Юнгер). У нее вообще нет лица. Только опущенное железо шлема. И в кровавых отсветах перчатка мясника. Вот и все. А потом Гектор снимает шлем, и мы видим небритое, потное лицо солдата, возненавидевшего войну.

Его ждет жена. Андромаха беременна, и она боится рожать. И все солдатские жены боятся: после войны родятся мальчики — так говорят звезды, — и отцы научат их любить войну. Но Гектор привел в Трою людей, ополчившихся против этой смрадной гадины. За что должны гибнуть его солдаты? За красивую девку, что уже надоела Парису? Гектор — его с большой самоотдачей играет арт. С. Коковкин — начинает свою мирную битву. В ней — энергия спектакля. Гектор добивается отречения Париса, преодолевает все соблазны обольстительницы Елены — она отправится домой в Грецию! — и, наконец, вместе со своими друзьями закрывает ворота войны.

Троянцы держат створки ворот на своих спинах и стараются поднять их вверх, чтобы заткнуть ими бездонную пасть входа. А на них, мешая им это сделать, стоит, опираясь на два огромных меча, сам импозантный царь Трои Приам (арт. И. Ханзель). Отличная мизансцена, в которой и напряжение усилий, и зримая очевидность тяжести помех.

Гектору предстоит еще многое, но он готов на это, лишь бы спасти Трою. Подвижничество этого великого предотвращения ведет пьесу все выше и выше к сцене переговоров с Одиссеем. Одиссей С. Дрейдена совсем не хитроумен. Он человечен, прост и видит на много ходов вперед. Только и всего. Отсюда и горечь, и величие. Он знает, что не Елена, а золото троянских храмов и хлебов влечет сюда греков и сдержать эту неправедную войну будет очень трудно. К тому же он знает еще и то, на что не слишком внимательно взглянул театр. Он знает — Елена не только повод, Елена — метафора самого страшного врага мира — равнодушия и презрения к людям.

Одиссей всеми силами души хочет остановить войну. Он попробует, но еще надо дойти до корабля. Еще столько шагов впереди! И он делает свой первый шаг.

Кассандра, коротко остриженная, как будто она уже побывала в Освенциме, Кассандра — В. Карпова, чьи пророчества, как и борение Гектора, составляют лучшие минуты спектакля, — шепотом отсчитывает шаги Одиссея, сопровождая каждый шаг его ударом барабана, ибо это шаги истории. Пусть же, в отличие от горькой пьесы Жироду, Гектор дойдет до корабля. Пусть голоса лжецов, таких, как сенатор Демокос, погубивший в последний момент Трою, не остановят Гектора и его друзей.

Мы помним: Трои нет, но остался миф Гомера.

Кассандра считает шаги истории... Шаг, еще шаг. Еще и еще... За каждым из них следит мир...

Андромаха ждет ребенка...

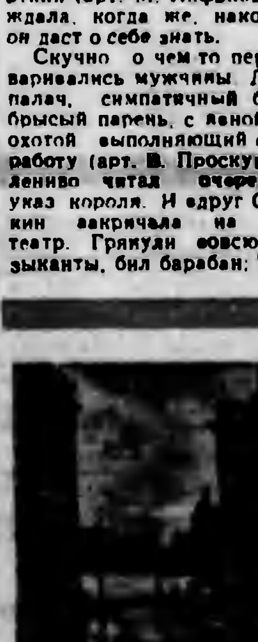
Пенелопа ждет Одиссея...

Неле ждет Тиля...

Одиссей должен войти на корабль...

Сцена из спектакля «Тиль». Неле — И. Чурикова, Тиль Уленшпигель — Н. Караченцов.

Фото В. ИРОХИНА



Д. Титов. «Ленинград»

СЛАВЯ МИРНУЮ ЗЕМЛЮ

«Я, бывший офицер Советской Армии, инвалид Отечественной войны, — под Смоленском потерял руку. Был сильно контужен, но не сдался и достиг своей давней цели — стал художником. Своим искусством я хотел бы донести красоты родной природы для многих-многих людей... Пусть мой труд, славящий мирную природу, послужит борьбе против военной опасности...» — так писал в обращении, направленном в Советский комитет защиты мира, живописец Дмитрий Васильевич Титов.

Сколько неистощимой энергии, воли, творческой страсти в этом мужественном человеке! Его жизнь в искусстве можно смело назвать подвигом. Ведь война и сейчас напоминает о себе: приходится преодолевать нестерпимые боли, бессонницу. Но тяжелое ранение не сломило Дмитрия Васильевича, не помешало стать художником. А это было с детства его заветной мечтой.

Он родился в рабочей семье. В трехлетнем возрасте лишился отца, трое старших братьев воевали на фронтах гражданской войны, с матерью осталось еще шестеро братьев и сестер. В Любани, где жила его семья, Дмитрий принимает участие в оформлении клуба, делает рисунки для стенной газеты. Учился он сперва в ФЗУ, а затем несколько лет проработал токарем на Ленинградском паровозоремонтном заводе. Но страсть к искусству одержала верх — он студент Ленинградского художественно-педагогического училища. Война с Финляндией, а затем грозные события Великой Отечественной прервали учебу. Но и на фронте, в короткие часы отдыха он не расставался с карандашом и блокнотом.

Пройдя сквозь испытания войны, он хочет, чтобы искусство дарило людям радость, раскрывало красоту русской земли. В этом видит смысл своего нелегкого труда художник Дмитрий Титов.

Волнующи его картины о днях минувших боев. Вот известное полотно «Московское небо». Величественный контур Василия Блаженного, запорошенный снегом памятник защитникам земли русской, и рядом зенитки, застывшие в ожидании врага. Напряженная атмосфера осени сорок первого года чувствуется во всем. На выставке в зале Союза художников РСФСР были представлены работы, созданные Д. Титовым в период с 1957 до 1973 года. Множество картин, и в каждой — частица большой души и доброго сердца.

Масса поездок по стране разнообразна на география: от Украины до Средней Азии, от Белоруссии до Урала и Сибири, Крым, Кавказ, средняя полоса России. Огромное количество впечатлений, множество работ.

Но ближе всего его сердцу Подмосковье. Здесь он проводит половину года в непрерывном труде. И люди, глядя на его картины, вместе с ним любуются необъятными просторами неба, веселыми березками, весенними разливами речек. Мягкость, задушевность, раздолье в этих пейзажах, таких близких, родных.

«Картины Титова можно сравнить с народными песнями, со стихами русских самородков: Кольцова, Никитина, Сурикова. И песни, писал Кольцов, кроме ее собственной души, есть еще душа народа в его настоящий момент жизни. Вот эта-то душа Дмитрия Васильевича песней красками ложится на холст. Кто не любит природу, простых и понятных сердцу картин, в которых много задушевности, правды, чувств! Такие картины просты и понятны...» — так написал один из посетителей выставки Дмитрия Васильевича.

Высокая похвала художнику и гражданину!

Н. КОМОВА

АРХИВ «ЛГ»

Прага. 9 мая 1945 года.

АКТУАЛЬНОЕ ИНТЕРВЬЮ

А. КУНЬЯЛ: ЭТО ПОБЕДА НАРОДА

Военный переворот, совершенный в Португалии 25 апреля, явился завершением длительного процесса, основными элементами которого были внутренний кризис фашистского режима, экономические, политические и социальные последствия колониальной войны, изоляция и осуждение португальского фашизма и колониализма на международной арене, успех национально-освободительного движения в Гвинее-Бисау, Мозамбике и Анголе, а также мощный подъем борьбы португальского народа, заявил Генеральный секретарь Португальской коммунистической партии Алвару Куньял в интервью, опубликованном газетой «Юманите».

В результате непрекращающихся жестоких репрессий, сказал он далее, народная борьба вылилась в мощное национальное движение. Единый демократический фронт, в котором участвовали коммунисты, социалисты и католики, обеспечил себе широкую поддержку народа. Это проявилось еще в октябре прошлого года, когда в ходе предвыборной кампании в массовых манифестациях приняло участие свыше 200 000 человек.

Яркой демонстрацией организованной мощи рабочего класса явились забастовки, охватившие за последние месяцы всю страну, собрания и митинги, в которых приняли участие тысячи трудящихся, а также деятельность профсоюзов, число членов которых превысило уже полмиллиона. Активизировалось движение студенческой молодежи.

А. Куньял подчеркнул значение борьбы народных масс против колониальной войны. С некоторых пор, сказал он, *революционные* выступления были направлены непосредственно против колониалистского военного аппарата. В течение прошлого года в армии имели место различного рода демонстрации протеста. Вооруженные силы перестали быть традиционным оплотом фашистского режима.

По поводу первых акций Национального совета спасения Куньял заявил: «Мы как крупную победу нашего народа приветствуем упразднение ненавистной политической полиции, освобождение всех политических заключенных и провозглашение свободы печати. Мы поддерживаем все меры, направленные на удовлетворение требований, давно уже выдвигавшихся нашей партией, демократическими силами и народными массами».

Одновременно генеральный секретарь Португальской компартии отметил, что лишь дальнейшие шаги новой власти покажут, действительно ли она стремится к установлению демократического строя. Лучшей гарантией проведения свободных выборов было бы сформирование временного правительства при участии всех демократических и либеральных сил страны.

Затем А. Куньял остановился на вопросе о прекращении колониальной войны. Он подчеркнул необходимость незамедлительного начала переговоров с национальными освободительными движениями, а также признания правительства Гвинеи-Бисау и праве народов Мозамбика и Анголы на немедленную и полную независимость.

Генеральный секретарь Португальской коммунистической партии сказал, что переворот лишь первый шаг в строительстве новой Португалии. Фашистский режим еще до конца не ликвидирован, и не все свободы восстановлены.

Коммунисты ныне, как и всегда, отдают все свои силы защите интересов трудящихся, установлению демократического строя, который в конечном счете приведет Португалию на путь свободы, мира, независимости и социального прогресса, сказал в заключение А. Куньял.

СЕМЬ ДНЕЙ В МАЕ...

На снимках: вверху — *первомайский митинг в Лиссабоне, в котором приняли участие Генеральный секретарь Португальской коммунистической партии А. Куньял* (в центре) *и Генеральный секретарь Португальской социалистической партии М. Соариш* (слева); внизу — *жители столицы приветствуют участников антифашистского переворота.*

«ЭКСПО-74»

ЧУДО В СПОКАНЕ

В синем небе вертолет: через десять минут по свайной дорожке, ведущей к плоту посредине тихой в этом месте, но дальше порожистой и шумной речушки Спокан, идет президент США Р. Никсон. Он открывает выставку «ЭКСПО-74». Она посвящена охране окружающей среды.

Уже в начале речи президент сказал:

— У меня скоро состоится новый круг переговоров с Леонидом Брежневым и его коллегами в Москве.

Позднее он добавил:

— Я с нетерпением жду этой встречи.

Сохранение биосферы требует международного сотрудничества, а главное — мира. Человеку дорого каждое деревцо на земле, его радуют незамутненность вод и глоток чистого воздуха. Разве можно забыть, как еще недавно выжигались напалмом леса Вьетнама, как застилался горизонт черным дымом, как в огне погибали люди!

Мы еще вернемся к этой мысли, а пока гремит оркестр, поет хор, поднимаются ввысь воздушные шары и стаи голубей, на крышах домов на виду у всех расхаживают полицейские стрелки в оранжевых жилетах, декорированные катера выплывают на водный парад...

* * *

Перефразируя классика, можно сказать: Спокан на карте ганноальной кружком отмечен небольшим. И действительно, трудно найти на северо-западе американской территории, в озерном краю, неподалеку от границы с Канадой, это человеческое поселение. Кружок крохотный, но внутри него находится около 170 000 жителей.

Спокан — город ершистый. Он одержал верх в конкурентной борьбе за право принять у себя выставку «ЭКСПО-74». Это стоило немалых усилий и больших денег. Но бескорыстным в этой схватке был едва ли не один мистер Коул. Инициатор выставки, владелец юридической конторы. Остальные сполна вернут затраченное. Продано уже свыше 700 000 входных билетов, кроме того — реклама, реклама, реклама!

В день, когда представители прессы осматривали павильон Форда, там была устроена экспозиция на тему: «Закусывай и иди дальше». Кого теперь заменишь на выставку автомобилей? Но в фордовском павильоне проблема охвата посетителей решалась просто. Через каждые две-три модели стоит столик, накрытый скатертью, а на нем снедь — «закусывай и иди дальше». А тем дальше еще столик. Цель достигнута.

Но это — коммерческая сторона дела, и не она правит выставкой. Мистер Коул рассказывает нам ее историю и вспоминает:

— Для меня все решилось в Париже, когда я встретился с нашими людьми и как бы вскользь сказал им о нашей затее. Наши заинтересовались идеей выставки и спросили: «Какую площадь вы смогли бы получить?» 2000 метров, брякнул я, еще не представляя себе, много это или мало. «Подумаем», — сказали наши, и я понял, что в этот момент решается судьба выставки. Если Советский Союз будет ее участником, значит, ей суждены успех и известность. Ваш павильон разместился на 6000 метров. И каждый из них использован с вдохновением и вкусом. Я знал многие международные выставки, но такого чуда, как ваш павильон, еще не видел.

Мистер Коул прав.

Советский павильон ошеломляет. Центр его создан, как огромная модель биосферы. Золотые лучи солнца оживляют все окрест, ниспадают на твердь и воду, переливаются цветами радуги. Это не картина живописца, не скульптурное изображение, а комплекс объемной, многоярусной композиции, исполненной из легкого сверкающего металла, дерева и других материалов.

Нет, павильон не учебник естествознания. Он доказывает, что законы социального развития не безразличны и самой природе. Она не глуха к ней. Под стеклянной выпуклостью сияют два ленинских декрета — о мире и о земле. Едины эти два понятия. По существу, Декрет о мире заложил фундамент охраны экологической среды, придав этому делу государственный размах. Земля и ее недра стали достоянием народа, а он — их разумным защитником.

Солнце, воды, леса... Огромное панно живописует философскую дилемму человеческих раздумий: куда идти, в какую сторону — туда ли, где клокочет ад гибельных последствий эгоистической цивилизации, или по дороге, залитой светом и впервые увиденной взглядом великого мыслителя. Не иссякает толпа американцев возле этого прекрасного произведения.

В длинном зале — цепь диорам «Люди, земля, природа». Вот Антарктида. Специальным соглашением здесь запрещено строить военные объекты. В этих угрюмых вечных льдах ученые постигают тайны сурового континента.

Как вернуть живое дыхание земле, умерщвленной открытыми разработками полезных ископаемых? Мы видим карьер марганцевой руды таким, каким его оставили горняки. И вот явление рекультивации. На восстановленном слое земли разбит парк. Он спускается террасами вниз, к озеру, заполнившему чашу карьера. Пляж, песок и вечное солнце над играющими детьми.

У человечества много общих дел. Хорошо бы заменить гонку вооружений состязанием иного рода. Многие научно-исследовательские институты социалистических стран объединили усилия для решения проблем окружающей среды. Налаживается сотрудничество и с капиталистическими странами на двусторонней межгосударственной основе. Подписано несколько соглашений такого рода с США, Францией и другими.

«Факел жизни не удержать одному человеку, одному народу, одному государству, если все мы, кто живет на земле, кто нарек себя «гомо сапиенс» — человеком мыслящим, не будем его охранять. Биосфера — это мы. Это — росы на зеленом лугу. Это — улыбка моны Лизы. Это — любовь. Это — жизнь».

Проникновенные слова! Они звучали на английском языке. Их произносит диктор, сопровождая последние кадры нашего фильма, сделанного киевской студией и демонстрируемого в советском павильоне на выставке.

Полностью пересказать содержание советского павильона невозможно, подобно тому, как нельзя исчерпать впечатление от талантливого произведения искусства. Здесь нет обычных стендов, диаграмм, плакатов. Посетителя окружает мир образов, метафор, красноречивых понятий. Но и он, этот мир, так нов и необычен, он разговаривает с вами столь убедительно и задушевно, что американцы, покидая павильон, не разные леди восклицают одно и то же: «Вы тронули нас за живое».

Александр КРИВИЦКИЙ,
специальный корреспондент «Литературной газеты».
Геннадий ШИШКИН,
корреспондент ТАСС
СПОКАН. (По телеграфу)

ДЕЛОВЫЕ КОНТАКТЫ

ЗОНА СОГЛАСИЯ РАСШИРЯЕТСЯ

С тех пор, как в 1960 году в Дартмутском колледже состоялась первая встреча советских и американских общественных деятелей, конференции, получившие название Дартмутских, поочередно проводятся в СССР и в США. Недавно в Тбилиси прошла восьмая встреча. В ней участвовали депутаты Верховного Совета СССР, сенатор США, ученые, писатели, представители деловых кругов, редакторы и обозреватели газет и журналов.

Выступая на пресс-конференции, посвященной итогам встречи, ее советский сопредседатель Юрий ЖУКОВ сказал: «Мы можем и должны определять зону согласия между нашими странами, которая постоянно расширяется».

«Одна из отличительных черт этой встречи, — подчеркнул американский сопредседатель Норман КАЗИНС, — в том, что если в 1960 году мы говорили о ПРОБЛЕМАХ, стоящих перед нашими странами, то теперь мы обсуждаем ВОЗМОЖНОСТИ сотрудничества, которые у нас есть».

Сотрудничество в политической, экономической и научной областях, необходимость превращения советско-американских отношений в прочный фактор всеобщего мира — вот лейтмотив состоявшегося обмена мнениями.

Представители американской стороны на 8-й Дартмутской встрече отвечают на вопросы корреспондента «ЛГ» А. МАРТЫНОВОЙ.

Норман КАЗИНС,
редактор журнала «Сэтердей ревью уорлд»

ВОПРОС:

— Какова роль прессы, и в частности вашего журнала, в формировании общественного мнения по вопросу улучшения советско-американских отношений?

ОТВЕТ:

— Журнал, который я редактирую, публикует статьи по важнейшим вопросам политики и идеологии. Как вам, должно быть, известно, именно наш журнал был инициатором созыва Дартмутских конференций. Мы, их участники, не преувеличиваем своего значения и не пытаемся подменить действия правительств. Вместе с тем мы четко представляем себе огромную роль, которую может сыграть общественность наших стран в создании благоприятного политического климата для развития советско-американских отношений.

ВОПРОС:

— Как вы... представитель интеллектуальных кругов США, относитесь к деятельности политиков типа сенатора Джексона, выступающих против улучшения отношений между Советским Союзом и Соединенными Штатами Америки?

ОТВЕТ:

— Я не согласен с позицией сенатора Джексона.

Между нашими странами есть и будут разногласия в политической и идеологической областях. Но важно, чтобы эти разногласия не превратились в горючую смесь, не вышли из-под нашего контроля.

Томас МЭЛОУН,
профессор университета Бутлера

ВОПРОС:

— Что вы можете сказать о расширении советско-американского сотрудничества в области науки?

ОТВЕТ:

— Уже сейчас советские и американские ученые ведут совместные исследования в разных областях. В качестве одного из многочисленных примеров могу привести работу Международного института прикладного системного анализа, председатель совета которого — Д. М. Гвишиани (СССР), а директор — Г. Райффа (США).

Мне лично кажется, что одна из проблем, в решении которой советские и американские ученые могли бы внести большой вклад, — это проблема интенсификации производства сельскохозяйственных продуктов. Речь идет о том, что к концу XX века население нашей планеты увеличится примерно до пяти миллиардов и эти пять миллиардов людей надо прокормить. Здесь необходимы совместные усилия ученых разных стран, и прежде всего — СССР и США. Наши страны подписали соглашение о научно-техническом сотрудничестве, и, на мой взгляд, его перспективы весьма благоприятны.

КИТАЙ СЕГОДНЯ

КОМУ ОПАСНА «ПОЛУДОХЛАЯ ЛОШАДЬ»

Не так давно «Жэньминь жибао» опубликовала пространную рецензию некоего Чу Ланя на оперу «Три визита в Таофэн». Автор статьи обрушился на спектакль, который до недавнего времени ставился в театрах провинции Шаньси. Сюжет оперы предельно прост. Одна сельскохозяйственная бригада продала другой бригаде в селе Таофэн больную лошадь, выдав ее за здоровую. Обман вскоре обнаружился. Секретарь партячейки из уличенной в надувательстве бригады, узнав о неприятном происшествии, вынужден был трижды ходить в соседнюю бригаду Таофэн, чтобы уладить инцидент. Рецензент объявил незамысловатый спектакль «большой ядовитой травой, отрицающей великую пролетарскую культурную революцию и реабилитирующей контрреволюционную ревизионистскую линию».

Автор рецензии наносит удары и по не называемым прямо сторонникам оперы «Три визита в Таофэн»: «Некоторые заявляют, что эта пьеса хороша тем, что она не считается с рамками «образцовых спектаклей». Однако, проявляя враждебность к революционной линии председателя Мао в области литературы и искусства, к революционным «образцовым спектаклям», они лишь разоблачают свой реакционный облик».

Зарубежные обозреватели расценили опубликование рецензии Чу Ланя как «весьма важный поворот в нынешней идеологической кампании в Китае», который, по-видимому, знаменует собой разграничительную линию между общей критикой «реакционных позиций», наблюдавшейся до сих пор, и обличением отдельных лиц как «классовых врагов».

Газета «Санди таймс» сообщила, что с опубликованием статьи Чу Ланя «бурные политические события в Китае вступили в новую фазу, вылившись в широкую кампанию против таинственных заговорщиков. В причудливой, но типично китайской манере, — добавляет газета, — деятелей культуры хулят за постановку оперы, в которой, как утверждается, некоторые из планов председателя сравниваются с подыхающей лошадью».

«Нью-Йорк таймс» обращает внимание на имя, в скором псевдоним, которым подписана статья и который переводится как «первый вал» (при надвигающемся шторме). Статьи этого деятеля стали появляться недавно и были посвящены резким нападкам на музыку Бетховена, Баха, Шуберта, Моцарта за ее «буржуазный» характер.

Весьма примечательно также и то, что Чу Лань, критикуя оперу «Три визита в Таофэн», сопоставил ее с другой оперой — «Разжалование Хай Жуя», которая была написана в начале шестидесятых годов и раскритикована в 1965 году в статье Яо Вэньюаня за «скрытые нападки» Мао Цзэ-дуна. Прямо скажем, параллель весьма красноречивая, ибо именно статья Яо Вэнь-юаня, которая вначале появилась в шанхайской газете «Вэньхой бао», а потом была перепечатана также и в «Жэньминь жибао», явилась прелюдией кровопролитной «культурной революции».

В этой связи обращает на себя внимание сообщение агентства Рейтер о том, что попавшие в город Тайюань (административный центр провинции Шаньси) иностранцы видели дацзыбао, расклеенные по улицам города. Эти «газеты больших иероглифов» требовали смещения Се Чжэнь-хуа, первого секретаря провинциального комитета партии и командующего военным округом провинции, а также Цао Чжу-наня, заместителя политического комиссара военного округа. Содержание «преступлений», инкриминируемых этим деятелям, не раскрывается... Вскоре появилось аналогичное сообщение агентства Франс Пресс: дацзыбао, расклеенные в городе Ухани, центре провинции Хубэй, содержат нападки на бывшего командующего военным округом и на первого секретаря провинциального комитета партии Цзэн Си-юя.

Недавно газета «Вашингтон пост» рассказала, что в провинции Аньхой развернута критика бывшего первого секретаря провинциального комитета КПК и командующего Аньхойским военным округом Ли Дэ-шэна, переведенного в начале года в другой округ. Газета подчеркивает, что Ли Дэ-шэн — член Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК и начальник политуправления армии и, таким образом, является пока «самым высоким должностным лицом, которое подвергается критике в массовой политической кампании, раздуваемой ныне в Китае». Наконец, то же агентство Рейтер на днях сообщило, ссылаясь на прибывших с ярмарки в Гуанчжоу очевидцев, что в этом городе, как сообщалось в местных дацзыбао, казнено около 30 человек.

«Первый вал» катится дальше...

В. МИТЯЕВ

ПОСЛЕ ПЕРВОГО ТУРА

Франсуа МИТТЕРАН

Валери ЖИСКАР д'ЭСТЭН

В первом туре президентских выборов во Франции, ни известные, ни один из кандидатов не получил более 50 процентов голосов.

Министерство внутренних дел опубликовало 6 мая результаты голосования по всем департаментам собственно Франции (без заморских департаментов и территорий). Из 30 миллионов человек, внесенных в списки избирателей, в голосовании приняли участие около 23,5 миллиона человек, то есть примерно 85 процентов избирателей. Наибольшее число — около 11 миллионов, или свыше 43 процентов, голосов получил совместный кандидат левых сил Ф. Миттеран, лидер Национальной федерации независимых республиканцев В. Жискар д'Эстэн собрал 8,3 миллиона (около 33 процентов) голосов. За бывшего премьер-министра Ж. Шабан-Дельмаса, который пользовался официальной поддержкой ведущей партии правительственной коалиции ЮДР, подано 3,7 миллиона (менее 15 процентов) голосов.

19 мая состоится второй тур, в котором будут баллотироваться совместный кандидат левых сил Ф. Миттеран и министр экономики и финансов В. Жискар д'Эстэн, собравшие наибольшее количество голосов в первом туре. Для победы 19 мая достаточно простого большинства.

СООБЩАЕМ ПОДРОБНОСТИ

ИТАК, РАЗВОД ПО-ИТАЛЬЯНСКИ?

На всю газетную полосу — фотография-плакат призывает ко времени предстоящего 12 мая в Италии референдума о разводе голосовать за нерасторжимость брачных уз, какоаыми бы ни были при этом чувства супругов друг к другу. Другие плакаты «кантидиворцистов», как называют здесь противников развода, также не отличаются весокостью аргументации. «Развод хуже рака!» — пугает, например, один из призывов поборников сохранения средневековых норм.

История борьбы демократических сил Италии за обновление законодательства о браке и семье и за введение развода насчитывает не одно десятилетие. Первый законопроект об учреждении развода был внесен в парламент сразу же после объединения Италии в единое государство в 70-х годах XIX века. Он был отвергнут реакционно-клерикальным большинством. В последующие десятилетия законопроект о разводе ставился девять раз на голосование, и его постигала та же судьба.

В Италии с 1929 года существуют два типа брака, которые пользуются одинаковой юридической силой: гражданский, регистрируемый муниципальными органами, и религиозный, заключаемый в церкви. И в том, и в другом случае законодательство предусматривает формальную возможность не развода, а аннулирования брака. Дети в этом случае не могут рассчитывать на алименты со стороны того родителя, который оставляет семью. Следует добавить, что аннулировать гражданский брак практически невозможно.

По-иному обстоит дело с церковными расторжение его, особенно в последнее время, не встречало серьезных затруднений, если не считать весьма обременительных затрат на оплату судебных издержек. В силу этого в Италии фактически развод существовал давно, но только для состоятельных людей, которым ничего не стоило выбросить миллионы лир, чтобы освободиться от нежелательных брачных уз.

Тем же, кто не имел материальной возможности прибегнуть к посредничеству религиозного трибунала или состоял в гражданском браке, категорически запрещалось иметь новую семью.

Этому нетерпимому анахронизму в итальянском семейном законодательстве был положен конец только в 1970 году, когда был принят закон о разводе, который впервые вводил нормы о защите экономических интересов разведенных супругов и детей. Воинствующие клерикалы и силы крайней реакции во главе с неофашистами сразу же развернули против закона о разводе фронтальную атаку, угрожая прибегнуть к референдуму. В конце концов этим силам удалось собрать необходимое для назначения референдума число голосов. На повестку дня встал вопрос о народном волеизъявлении по проблеме, которая отнюдь не является главной в жизни миллионов итальянцев и которая, по замыслу его инициаторов, должна была столкнуть верующих, придерживающихся христианской догмы о нерасторжимости брака, и неверующих, выступающих против влияния клерикалов на жизнь страны, расколоть народное движение, добившееся в последние годы серьезных успехов в борьбе за обновление страны.

Какова же расстановка сил накануне референдума? В то время, как на правительственных скамьях правящая партия страны — христианские демократы — сидит рядом с социалистами, социал-демократами и республиканцами (последние поддерживают нынешнее левоцентристское правительство, не входя в его состав), а избирательной же кампании христианские демократы блокируются с неофашистами, ибо все остальные партии (как входящие в правительство, так и находящиеся в оппозиции) выступают за сохранение закона о разводе. Вот почему водораздел во время референдума будет проходить не только между сторонниками и противниками развода, а и между силами демократии и прогресса и силами клерикально-фашистской реакции.

12 мая итальянцам предстоит не только высказаться по вопросу о том, быть или не быть в стране разводу, но и дать отпор черным замыслам неофашизма и реакции.

И. ВОЧАРОВ,
корреспондент АПН — специально для «Литературной газеты»
РИМ. (По телефону)

Н. МАР, специальный корреспондент «Литературной газеты»

ПОСЛЕСЛОВИЕ К ПОДВИГУ

Еще раз о мужестве и отваге калужской комсомолки Фроси Андрюшиной и ее боевых друзей

Найдены документы подпольного колхоза «Ленинская искра»

1.

Мы снова с глубоким волнением возвращаемся к повествованию о действовавшем в 1941—1943 годах во временно оккупированной фашистами калужской деревне Зловодке подпольном колхозе «Ленинская искра» и его героическом председателе, комсомолке Ефросинье Дмитриевне Андрюшиной. Сейчас я вспомнил о том, что говорила своим боевым друзьям Фрося 8 декабря 1941 года в день создания колхоза:

— А теперь, товарищи члены правления, за работу. Возьмем не заметку, вернее, не память — никаких бумажек отныне никто, кроме меня, и то в исключительных случаях, писать не будет — то, что есть у нас, и принадлежит подпольному колхозу «Ленинская искра»...

Не мудрено, что Фросе сразу заговорила о конспирации. Можно лишь удивляться и порадоваться тому, как комсомолка, молодая, только вступившее в жизнь сельская учительница точно представила себе, с каким жестоким врагом, с каким злым зверьем предстоит сразиться...

Фрося строго-настрого запретила всем членам только что избранного правления колхоза что-либо писать и записывать, хранить при себе какие-либо колхозные бумаги. Только в нескольких случаях она допустила исключение и, как помнят ее здравствующие друзья, незаметно спрятала эти только что появившиеся перед нами документы.

Пока их долго и терпеливо искали, я спрашивал М. Д. Яшину, Ф. И. Тимошенкову и других членов подпольного колхоза: а существовали ли в природе эти бумаги? Например, протокол памятного заседания 8 декабря 1941 года, когда был создан колхоз? Спрашивал настойчиво, не раз. Настойчиво, ибо, я сожалению, мне довелось слышать и некоторые такие, мягко говоря, «суждения»:

— Подпольный колхоз! Мало ли что можно сочинить теперь, спустя тридцать с лишним лет... Ведь документов-то никаких и нет...

И все же организаторы подпольного колхоза твердо стояли на своем.

— Как это — не было документов, — возмущалась заместительница Фроси—Мария Дмитриевна Яшина, — если на первом заседании Фрося поручила мне вести протокол! Мы искали чистую бумагу — не нашли. Тогда Фрося вырвала из какой-то книги, которую читала, несколько страниц и сказала, чтобы я писала между строк. «Будет хорошо видно и нетрудно читать», — добавила она. Протокол был. И ведомости на оплату трудодней тоже были. И кое-какие другие документы существовали. Все это хранила Фрося. Не знаю только, куда она могла их спрятать тогда, тридцать с лишним лет назад...

И вот недавно неутомимая Фекла Ивановна Тимошенкова забралась на чердак своей избы. Здесь много накопилось вещей за тридцать лет... И вдруг откуда ни возьмись в уголочке обнаружился старый, потертый Фросин полушубок, в котором она ходила в ту первую военную зиму. Фекла Ивановна бережно провела рукой по нему и удивилась: что-то шуршит под мехом...

Спустя десять минут полушубок был внизу, в горнице, куда взволнованная хозяйка позвала своих соседей — учительницу Екатерину Дмитриевну Бендюрину и колхозницу Федосью Фроловну Мордых. Бережно они вспороли подкладку, достали старые бумаги, и словно в избу, как тогда, в декабре сорок первого, неслышным быстрым шагом вошла озабоченная Фрося...

2.

Вот они передо мной, словно выплывшие из глубин трех бесконечных десятилетий, эти безмолвные и неопровержимые свидетели грозных и славных событий, происшедших в Зловодке в 1941—1943 годах. Впрочем, почему «безмолвные»? Нет, они говорят. У них сильный, властный голос, и он теперь будет звучать всегда.

Пять документов нашла Фекла Ивановна на чердаке своей избы.

Документ первый. Перед нами — 63—66-я страницы из известной в довоенное время книги Н. Н. Попова «Очерк истории ВКП(б)», той самой книги, которую осенью 1941 года читала Фрося.

Как уже знает читатель, 8 декабря 1941 года в избе Феклы Ивановны тайно собрались друзья Фроси. Из Ременного леса пришел посланец командования партизанского отряда комсомолец Василий Тимошенков. Заседание началось в середине вьюжного дня. Председательствовала Фрося Андрюшина, секретарствовала Мария Яшина.

Читаем:

«Протокол № 1.

Собрание колхозников деревни Зловодка от 8 декабря 1941 года.

Присутствовали: Андрюшина Е. Д., Авдеева А. А., Дроздова А. М., Яшина М. Д., Сидоренкова Т. А., Филимонова Б. В. и другие. Представитель командования партизанского отряда т. Тимошенков В. Д.

Слушали: доклад представителя партизанского отряда комсомольца Тимошенкова В. Д., который рассказал о боевой обстановке и заданиях командира Аксенова В. Ф. организовать в деревне Зловодка подпольный колхоз. Зачитал проект примерного устава подпольного колхоза и клятву. Поставил конкретные задачи, которые надо решать правлению. Выступили Андрюшина Е. Д., Дроздова А. М., Яшина М. Д., Сидоренкова Т. А., Авдеева А. А., которые поддержали предложение создать подпольный колхоз».

Далее в протоколе сказано, что собрание избрало правление колхоза, председателем — Андрюшину Е. Д., заместителем председателя — Яшину М. Д., руководителем разведки утвердили Дроздову А. М.

Читаем дальше:

«Андрюшина Фрося внесла предложение назвать подпольный колхоз «Ленинской искрой».

Решили: присвоить название колхозу — «Ленинская искра». Считать его созданным 8 декабря 1941 года. Голосовали все единогласно.

Постановили: устав подпольного колхоза утвердить. Клятву принять всем и расписаться. Беспрекословно подчиняться Андрюшиной, вести индивидуальную работу с каждым жителем. Добро колхозное сохранять, землю не делить. Строго беречь жизнь каждого колхозника, уничтожать фашистов, всеми силами помогать партизанам.

Председатель — Андрюшина.

Секретарь — Яшина.

В декабре 1941 г.»

Документ второй. Полуобгоревший листок из школьной тетрадки в линейку — сохранились две трети листка. Чернильные записи нарядно выцвели, читаются с трудом:

«Ведомость на выдачу зерна на трудодни членам н-за «Ленинская искра» из расчета на один трудодень 2 кг зерна.

20 августа 1942 г.

Фамилия, имя отчество	Количество трудодней	Причитается получить	Роспись в получении
1. Авдеева Праск. Алек.	100	200 кг	Авдеева
2. Антишина Фек. Алек.	113	226 кг	Антишина
2. Модых Фед. Фрол.	80	160 кг	Модых
4. Иванцова А. Г.	110	220 кг	Иванцова
5. Иванцова Пел. Григ.	113	226 кг	Иванцова
6. Тимошенкова Фек. Ив.	108	216 кг	Тимошенкова
7. Тимошенкова Пр. Ив.	104	208 кг	Тимошенкова
8. Лукьянова Агаф. Мат.	98	196 кг	Лукьянова
9. Лукьянова Малан. Ив.	86	172 кг	обгорело
10. Савчук Ольга Мих.	98	196 кг	»
11. Савчук Екат. Ник.	120	обгорело	»
12. Савчук Вален. Пав.	130	»	»
13. Трусова Ел. Ефд.	112	»	»
14. Филимонова Ан. Аст.	88	»	»
15. Петракова Марф. Ал.	105	»	»
16. Дыева Пел. Клим.	113	»	»
17. Тимошенкова Аг. Петр.	79	»	»

— Кто составлял эту ведомость? — спрашиваю Марию Дмитриевну Яшину.

— Фрося и я... Таких ведомостей в колхозе было несколько. Составляли их в избе у Феклы Ивановны или в домашней бане — одним словом, подальше от немцев... Может быть, еще найдутся и другие наши ведомости...

Документы третий и четвертый. Странички из школьной тетради в линейку. Первое заявление написано карандашом, второе — чернилами:

«В комсомольскую организацию колхоза «Ленинская искра» от Дыева Ивана Алексеевича

Заявление

Прошу принять меня в члены ВЛКСМ и поручать мне все задания.

Прошу не отказать в просьбе.

Ив. Дыев».

«В комсомольскую организацию колхоза «Ленинская искра»

от Тимошенкова Ивана Андреевича

Заявление

Прошу принять меня в члены ВЛКСМ.

В просьбе прошу не отказать.

К сему Тимошенков

10. 1. 42 г.я.

Наконец, документ пятый. Написан чернилами, тоже на листке из школьной тетради в линейку:

«Протокол

комсомольского собрания подпольного колхоза «Ленинская искра» от 12 января 1942 г.

Присутствуют: Андрюшина Е. Д., Дроздова А. М., Авдеева А. А., Сидоренкова Т. А., Гришакова А. М., Ефимкин С. П., Яшина М. Д.

Повестка дня:

1. Прием в члены ВЛКСМ.

Разбор заявления. Докладывает т. Андрюшина.

Слушали: заявление Дыева Ивана Алексеевича в приеме в члены ВЛКСМ.

Дыев присутствует. Дыев рассказывает биографию. Вопрос к Дыеву:

— Кто может быть членом комсомола?

Ответ: членом комсомола может быть тот, кто предан своей Родине.

— Хочешь ли сражаться с немцами?

Ответ: да. Прошу принять меня в комсомол и направить в отряд.

Постановили: принять Дыева И. А. в члены ВЛКСМ. Направить Дыева в партизанский отряд.

Голосовали единогласно.

Слушали: заявление Лукьянова А. И.

Слушали: заявление Тимошенкова И. А.

Слушали: заявление Антишина И. Г.

Слушали: заявление Антишина А. Г.

Слушали: заявление Тимошенкова И. М.

Слушали: заявление Тимошенкова А. Д.

Постановили: принять в члены ВЛКСМ Лукьянова А. И., Тимошенкова И. А., Антишина И. Г., Антишина А. Г., Тимошенкова И. М., Тимошенкова А. Д. Голосовали единогласно.

Председатель собрания (подпись)

Секретарь (подпись)».

Итак, памятным январским днем 1942 года собрание приняло в комсомол семерых подростков, а вечером того же дня они направились в Ременный лес, в партизанский отряд, к Филиппу Васильевичу Аксенову.

Тогда только что принятому в комсомол партизану Ване Дыеву было пятнадцать лет. Он родился и вырос здесь, в колхозной семье. Хорошо учился в школе, а летом вместе с другими ребятами работал на колхозных полях... Придя в партизанский отряд, Ваня быстро обучился боевому делу, ходил на минирование железной дороги, участвовал и в других операциях, проявив при этом недюжинную храбрость.

Ване Тимошенкову было шестнадцать лет. Он тоже родился здесь, в колхозной семье. Большое влияние на мальчика имел его дядя — старый большевик Иван Андреевич Авдеев, который в довоенную пору собрал хорошую личную библиотеку и даже прослыл в здешних местах завзятым книгочием... Летом Ваня тоже работал в колхозе, помогал семье. Став партизаном, он участвовал и даже отличился в боях, уничтожив однажды снайперской стрельбой расчет фашистской пушки.

В июле 1942 года комсомольцы Ваня Дыев, Ваня Тимошенков, Саша Антишин, Сережа Ефимкин, Саша Лукьянов вместе с другими партизанами и колхозниками были внезапно схвачены фашистами. Рядом с Ваней Тимошенковым оказался его отец, Андрей Илларионович... Их терзали на допросах, но палачи ничего на добились. Когда стало ясно, что фашисты решили расстрелять ребят, Андрей Илларионович Тимошенков бросился к офицеру с просьбой убить его, а мальчишек оставить жить. Гитлеровец не пожелал слушать... Юных партизан и колхозников, комсомольцев Ивана Дыева, Ивана Тимошенкова, Александра Антишина, Александра Лукьянова, Сергея Ефимкина, гитлеровцы расстреляли и бросили в траншею, наполненную водой. Очевидцы этой страшной кровавой расправы утверждали, что юноши стойко встретили свой смертный час...

Как сложилась судьба других ребят, принятых тогда, 12 января 1942 года, в комсомол? Они воевали сначала в партизанском отряде, потом в рядах Советской Армии, честно и самоотверженно исполнили свой долг перед Родиной. Комсомольцы подпольного колхоза, те, кого Фрося ждала, в памятный январский день, напутствовала на путь борьбы сердечными словами, — не посрамили доверия своих боевых товарищей, своих матерей и отцов.

* * *

Таковы эти только что найденные, поистине бесценные реликвии подпольного колхоза «Ленинская искра», первые документы из «архива» Фроси. Поиски продолжаются: Фекла Ивановна и ее подруги ждут, пока согреется земля, чтобы кое-что еще поискать в памятных местах...

3.

Очерк «Фрося» вызвал взволнованную реакцию читателей «Литературной газеты». Настроение читателей с наибольшей полнотой, пожалуй, выразил Б. М. Бухсаев из Дагестана, который пишет нам в редакцию:

«Я читая, в «Литературной газете» статью «Фрося», в остальные о семье (супруга и пять сыновей, старший учится в восьмом классе, а младшему исполняется четыре года) слушали: семья молчала, и у всех на глазах навертывались слезы.

Мы живем в горном ауле Дагестана, по национальности—лезгины.

А Фрося жила в калужской деревне, русская...

Спасибо родной партии, вечное спасибо Ленину, ведь они сроднили нас.

Хотя мы не имеем права на то — и все же на своем семейном совете мы присвоили Фросе звание Героя Советского Союза. Присвоили, и все!

По поручению членов семьи

В. М. Бухсаев (отец).

ДАГЕСТАНСКАЯ АССР,
Ахтынский район».

Таково короткое послесловие к подвигу Фроси Андрюшиной и ее славных боевых товарищей по подпольному колхозу не калужской земле — «Ленинская искра». Но мы не ставим точку — изучение этой волнующей, прежде неведомой страницы Отечественной войны, страницы истории нашей Победы продолжается!

В редакцию «Литературной газеты»

Калужский обком КПСС сообщает, что очерк И. Мара «Фросе», опубликованный в «Литературной газете» 6 марта 1974 г., а также другие материалы о патриотической деятельности жителей деревни Зловодка Куйбышевского района в период немецко-фашистской оккупации, рассмотрены на бюро обкома партии.

В целях увековечения памяти героического подвига патриотки В. Д. Андрюшиной («Фросе») и ее боевых товарищей в борьбе с немецко-фашистскими оккупантами бюро обкома КПСС предложило Куйбышевскому райкому партии и исполкому районного Совета депутатов трудящихся решить вопрос о переименовании колхоза «Искра» в колхоз имени Фроси Андрюшиной.

Управлению культуры облисполкома, обкому ВЛКСМ поручено осветить героический подвиг В. Д. Андрюшиной и ее товарищей в экспозициях областного краеведческого музея, Музея комсомольской славы в гор. Людиново и музея «Безымянная высота» в Куйбышевском районе.

Обкому ВЛКСМ рекомендовано использовать опубликованные материалы о деятельности молодежи деревни Зловодка в период немецко-фашистской оккупации в военно-патриотическом воспитании комсомольцев и молодежи. Отделу пропаганды и агитации обкома КПСС и партийному архиву предложено продолжить работу по изучению патриотической деятельности населения Куйбышевского района в период немецко-фашистской оккупации.

А. КАНДРЕНКОВ,
первый секретарь Калужского обкома КПСС

КРЫЛЬЯ НАД ПОЛЕМ

НАЧНЕМ с цифр. Их сухой протокольный язык, может быть, лучше поэтических метафор выражает созидательный пафос труда авиаторов. 86,6 миллиона гектаров полей по стране обработано самолетами сельскохозяйственной авиации в прошлом, 1973 году и уже более 20 миллионов — в нынешнем! Это значит, что облегчен труд миллионов тружеников, что не потребовались тяжелые физические усилия людей, что освободилась громадная армия механизмов для других сельскохозяйственных работ.

«Без авиации нам нельзя», — так выразил общее мнение рабочих управляющий отделением подмосковного совхоза «Фрязево» Николай Гаврилович Иконников, где уже третий год на луга и культурные пастбища удобрения вносятся только с вертолетов.

Фронт воздушно-полевых работ сегодня широко захватил нечерноземные области Российской Федерации. Пятьдесят восемь самолетов сельскохозяйственной авиации ежедневно поднимаются над полями Рязанщины. Пятьдесят восемь скромных работяг «АН-2» розовыми стежками прошивают сыроватое весеннее небо. Первая и щедрая подкормка падает в озябшим росткам озимых.

Весна в нынешнем году холоднее. Летчикам приходится нелегко. Не успеешь взлететь, как настойчивый голос с главного диспетчерского пункта Рязани указывает: «Примите штормовое предупреждение...» И мокнут бипланы в поле, захлестнутые метелью, и ждут пилоты просвета, чтобы успеть подняться в воздух. При такой погоде нужно дежурить у самолета почти от зари до зари, чтобы улучить момент для взлета.

И в плохом есть порой светлые стороны. Снег сырой, быстро тает, и поля с влагой хорошо забирают в себя удобрения.

С самолета можно произвести весеннюю подкормку гораздо раньше, чем с трактора, и это обстоятельство оборачивается прибавкой урожая: на 3—5 лишних центнеров пшеницы с гектара. Происходит выигрыш и в технике: ведь для того, чтобы выполнить работу, проделанную за день одним самолетом, нужно пять тракторов, пятнадцать туковых сеялок и пять автосамосвалов! Вот почему авиация является мощным средством интенсификации сельского хозяйства, на что обратило внимание постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему развитию сельского хозяйства нечерноземной зоны РСФСР».

Не удивительно, что авиаторов всегда ждет в колхозах самый радушный прием. К их услугам и удобные жилище, и вкусный, горячий обед, привезенный прямо в поле, а в рязанском колхозе «Вперед» — и обширная библиотека. Комфорт для летчиков во время весенней страды имеет огромное значение: ведь полеты на высоте 10—20 метров — крайне напряженное дело, малейшая неточность может стать роковой. Хороший отдых после трудового дня — это зарядка энергией на следующий день.

Но пилотов волнуют не только условия отдыха.

— Взлетная полоса — вот что важно, — говорит командир Рязанского авиапредприятия Владимир Аркадьевич Кондратьев. — Авиация прочно вошла в сельскохозяйственное производство, поэтому бетонная дорожка должна быть теперь во всех крупных колхозах и совхозах. Как удобно работать в колхозе «Россия», где сделали бетонную полосу! Недаром все летчики туда стремятся.

А пока... больше приходится рассчитывать на собственное мастерство, чтобы посадить машину на раскисшую землю.

— Старт! — взмахивает флажком сигнальщик, и тяжело нагруженный самолет поднимается в воздух. За штурвалом — Петр Михайлович Федоров, потомственный крестьянин, уроженец Рязанщины. Он стал летчиком, но, скажем так, «не оторвался от земли». Он работает на тех же полях, которые пахали его дед и прадед. Он остался земледельцем, только вот... высота другая.

Прибыло в Рязань и воздушное подкрепление из Харькова. Авиаторы поднимаются на север всегда за линией таяния снегов. Вскоре рязанцам предстоит переброска в Казахстан, где ждет помощи целина.

Весной не кончается труд авиаторов. Удобрения сменяются средствами борьбы с насекомыми-вредителями и сорняками. А затем — вновь осенняя подкормка удобрениями. Летчики первыми появляются на полях и уходят с них последними.

М. МИШИН

На снимках: В небе и на земле. Пилоты сельскохозяйственной авиации в дни весенней страды.

Фото Ю. РЫВЧИНСКОГО

ДЕЛОВИТОСТЬ: ВСЕГДА, ВЕЗДЕ, ВО ВСЕМ!

Характер современного делового человека, современного хозяйственника, не случайно привлекает внимание писателей, литературы. Успех управления во многом зависит не только от знания производства, от компетентности руководителя или специалиста, но и от черт его характера, от его нравственного облика.

«Повышение ответственности, развитие инициативы, деловитости, социалистической предприимчивости, воспитание сознательной дисциплины и нетерпимости к недостаткам» — эти требования были особо подчеркнуты в речи Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева в Алма-Ате в связи с важнейшей задачей поднять всю систему нашего хозяйствования на новую ступень, отвечающую возросшим возможностям и потребностям страны.

На этой странице читатели «ЛГ» продолжают актуальный разговор о деловитости — одной из важнейших черт характера современного хозяйственника.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ И КОММЕНТАРИЙ УЧЕНОГО

Уважаемая редакция!

Совещания в наше время стали как бы обычным и даже обязательным видом деятельности. Если в каком-либо учреждении или на предприятии нет на месте руководящих работников, то в 99 случаях из 100 вы узнаете, что они «заседают».

Опираясь на свой личный опыт, я сделал вывод, что чрезвычайно много времени уходит впустую, тратится на разговоры. На совещания привлекается — а точнее, отвлекается от основных дел — множество людей.

Еще в начале 20-х годов Владимир Ильич положительно оценил острую критику В. Маяковским «прозаседавшихся». Как всем известно, поэт мечтал об «искоренении всех заседаний». Не должно ли нас встревожить то очевидное обстоятельство, что аудитория «прозаседавшихся» гигантски возросла?

А. АВРУНИН

ХАРЬКОВ

Б. ВОЛГИН,
доцент, кандидат технических наук

ОБ ОДНОЙ НЕСБЫВШЕЙСЯ МЕЧТЕ ПОЭТА

Почему «прозаседавшихся» стало больше? Этот вопрос задают многие читатели «ЛГ». Мы публикуем письмо из редакционной почты и комментарий автора книги «Деловые совещания» доцента Б. Н. Волгина.

Думается, каждый из нас был если не участником, то свидетелем подобного примерно диалога:

— Ты куда?

— В министерство.

— Но через полчаса шеф собирает совещание.

— Ты меня не видел. Договорились?..

Не стоит, мне кажется, делать поспешные выводы, что, мол, всему виной незаинтересованность, безразличие, лень... Нет. Стремление правдами и неправдами уклониться от некоторых заседаний, по моим наблюдениям, проявляется у людей вполне добросовестных и трудолюбивых.

Скажем, инженеры одного из ленинградских предприятий на анкетный вопрос, как часто, по их мнению, следовало бы проводить служебные совещания, ответили: «Раз в месяц вполне достаточно...», «Раз в квартал за глаза хватит...», «Раз в полгода — вот было бы здорово!»...

На Кондопожском целлюлозно-бумажном комбинате 46 процентов опрошенных убеждены, что многие совещания почти не влияют на ход производства и совершенно не эффективны.

Справедливы ли такие суждения?

Читатель «ЛГ» А. Аврунин иронизирует: «Совещания в наше время стали обычным и даже как бы обязательным видом деятельности».

Но почему — «стали», почему — «в наше время»?

Даже у древних племен были советы старейшин. А новгородское вече. Боярские «великие сидения» по лавкам в шапках и шубах!.. Можно сколько угодно перечислять разновидности деловых совещаний в разные эпохи.

Поэтому не будем торопиться. Рассмотрим, что нового привнесла научно-техническая революция в проблему деловых совещаний.

Может быть, они устарели, эти метод управления, пора сдавать их в архив!..

В сфере управления все больше высокообразованных, грамотных людей. Внедряется новейшая электронная техника, к концу пятилетки в стране будет действовать 1600 автоматизированных систем управления. И вместе с тем руководить становится все труднее. Недаром психологи, специализирующиеся на проблеме творческого мышления, к традиционным в этом смысле профессиям ученого, писателя, деятеля искусства добавляют теперь профессию руководителя. Для выработки оптимальных решений ему необходимо прибегать к коллективному разуму, «подключать» десять, двадцать, тридцать голов. С этих позиций и надо подходить к совещаниям, по этой мерке их оценивать. Их цель — коллективный поиск решения. Критерий тут прост: «Дайте мне решение, и я скажу вам, стоило ли заседать». В тех случаях, когда участники не находят решения, дело чаще всего кончается неопределенными словами руководителя: «Вопрос спорный. По ходу дела сориентируемся. А пока...» И, к сожалению, на этих «пока» — не на оптимальных управленческих решениях, а на грубо приближенных — иной раз живут неделями, а то и месяцами, кое-где, пожалуй, и годами.

Разумеется, в наше время заседать — это не обязательно собираться всем вместе в одном помещении. Есть селекторная связь, промышленное телевидение. Можно раздать нужные материалы сотрудникам, собрать отзывы и, осмыслив их, принять решение самому. Можно, наконец, обсудить насущную проблему персонально с каждым из ведущих сотрудников. Да мало ли!.. Качество управления зависит не только от степени разумности принимаемых решений, но и от их оперативности, своевременности. Вот в чем потенциальный плюс делового совещания как способа привлечения коллективного разума.

Чем же тогда объяснить неприязнь к некоторым заседаниям, нередко выражаемую совершенно открыто? Почему порой люди радуются, если происходит, как говорят, «накладка» и на двух заседаниях из трех одновременно назначенных им не удается присутствовать? Не следствие ли это пустопорожних совещаний? Читатель, наверное, удивится, но автору известны случаи обсуждения таких вещей, как выбор места в коридоре для вывешивания приказов, распределение карандашей между сотрудниками и т. п. И вот число заседаний плодится, множится, а количество — строго по законам диалектики — переходит в качество. Пустое количество — в дурное качество.

Иной раз, сидя на долгих и бесполезных совещаниях, мы «от нечего делать» прикидываем: во сколько же обходятся они государству? Такие потери учитываем, так сказать, неофициально, шутки ради, вроде бы время ничего не стоит. Не из нашего, мол, кармана оплачиваются расходы, есть устроители, ответственные лица — с них спрос, и так далее, и тому подобное. Но что стоит один такой факт: директору предприятия удается выкроить на чтение новой технической литературы в среднем лишь двадцать минут в неделю, главному инженеру — тридцать минут. Это было установлено социологами, и опять знакомая причина: время «съедают» заседания.

Число рабочих и служащих в народном хозяйстве страны приближается к 100 миллионам. Численность аппарата управления — более 14 миллионов. И если треть времени, как показывают исследования, управленцы заседают, то это означает около 700 часов в год на каждого или — что то же самое — почти 5 миллионов сотрудников аппарата управления сидят на совещаниях непрерывно круглый год. Почти 5 миллионов из 14 только заседают! В то же время от 30 до 40 процентов совещаний, что тоже подтверждают исследования, вообще не нужны. Когда на Горьковском заводе «Двигатель революции» это учли, то обнаружили: каждый итээровец экономит до 300 часов в год. Лишний рабочий час ежедневно!

Что же делать? Естественно — упорядочить практику использования деловых совещаний как метода управления.

Разве разумно поступили в одном из горисполкомов, пригласив для обсуждения вопроса о повышении безаварийности работы городского автотранспорта директоров предприятий? Директора, затратили рабочее время, вернувшись к себе, вызвали руководителей транспортных служб, пересказали им ход совещания и принятые решения, вторично расходуя свое время. Подобный пересказ неизбежно напоминает детскую игру в «испорченный телефон» — что-то упущено, что-то перепутано. Исполнитель начинает прогнозировать ситуацию, прикидывать свои будущие действия и в результате самостоятельно связывается с тем же самым транспортным отделом горисполкома. Словом, человек еще не начал выполнять решение, а уже, как нарочно, все сделано для того, чтобы создать ему побольше помех. Спрашивается: как директор может внедрить принципы научного управления на своем предприятии, если он не хозяин своего собственного времени?

Беда многих совещаний — чрезмерная длительность. Дело не только в прямой потере времени, но и в том, что участники устают, теряют желание высказываться и отстаивать свои точки зрения, готовы к исходу поднять руку чуть ли не за любое решение, лишь бы наконец разойтись.

Кажется, пустяк — объявить срок окончания заседания, а между тем этот несложный прием способствует (по психологическим причинам) существенному сокращению времени. Участникам обычно объявляют заранее лишь повестку дня, но полезнее заблаговременно получить все нужные материалы, чтобы, обдумав их, составить предварительное мнение.

Иной раз в докладе упоминается очень много цифр, их не то что сравнивать, анализировать, но и попросту запомнить невозможно. А стульев не хватает, кто-то сидит на подоконнике, держась рукой за поясницу, чтобы не просквозило. Тут уж не до озарений и оригинальных идей...

Плохая вентиляция — и «интеллектуальный уровень» заседания снижен на десять процентов. Накурено — еще больше. Внешние шумы (производственные или уличные), свисты и хрипы микрофонно-усилительных установок, чрезмерно громкие речи — все это немалые помехи, так же, как слабое освещение, отсутствие минимальных удобств, вынуждающие писать на колене, согнувшись в три погибели.

Автор смело берется провести негативный управленческий эксперимент по «завалу» делового совещания с самыми толковыми участниками путем продуманно неразумной организации работы. Смелость объясняется просто: мне пришлось принимать участие в бесчисленном количестве подобных «экспериментов», поставленных самой жизнью. Заканчивались они всегда одинаково.

Зададимся вопросом: что мешает нам исправлять устоявшийся стиль деловых совещаний? Главное, на мой взгляд, — психологическая инерция. Привыкли мы заседать обильно, обстоятельно. Притерпелись.

В принципе совещание — ценный инструмент управления. Но довольно дорогостоящий. И все же убыточны лишь неэффективные совещания. Не надо искоренять «все заседания» по совету поэта, — достаточно искоренить не приносящие пользы.

МНЕНИЯ

Деловитость как самостоятельная проблема, по-моему, надумана. Деловитость — понятие довольно расплывчатое. Бывает она полезная, вредная и т. д. Куда, например, вы отнесете толкача, который всякими правдами и неправдами добивается от заводов-поставщиков внеочередного получения оборудования, материалов и прочего? Деловитый он или нет? Или каким вы сочтете руководство, которое считает для себя обязательным в буквальном смысле слова доводить лично до всех цехов, чтобы узнать положение дел? Деловит, но какая от этого польза! Или директор, которому удается получить заниженный план. Деловит? При четкой работе всех звеньев, когда все толком знают нужды производства на данный момент, при правильной расстановке квалифицированных кадров деловитость как самостоятельная проблема не существует.

М. ГЕНКИН

ЛЕНИНГРАД

■

Руководитель руководителю рознь, и служебное время они тоже расходуют по-разному. Бывают и такие, что внешне заняты кипучей деятельностью, ни минутки у них не попадает. А если разобраться, у иного человека вся «деловитость» сводится к «спихотехнике», приспособленчеству, служению не делу, а благополучию своему. Видимо, прежде всего надо повысить ответственность, предъявлять более строгие требования при назначении руководителей. Замещение должностей по конкурсу широко принято в науке. Почему бы в порядке опыта не проверить эту систему и в различных сферах экономики? Тогда скорее можно было бы привлечь к руководству энергичных, одаренных и по-настоящему деловых людей.

П. МИХАЛЬЧЕНКО

Сахалинская область

■

Совершенствовать управление, научное планирование и стимулирование труда, повышать ответственность работников руководящих звеньев... Слов нет, все это хорошо. Но ведь и сопротивление новому, более совершенному, немалое! С психологической точки зрения, люди вообще боятся перемен. Одни сопротивляются, потому что уверены — при новых «порядках» не заработают того, что получают, другие не уверены, что получат то, что заработают (или могли бы заработать). Полное единство! Вот тут и добивайся деловитости...

А. ТЕР-АКОПЯН,
инженер

гор. ЖУКОВСКИЙ
Московской области

■

Мне кажется, в конечном счете вся проблема деловитости сводится к дисциплине. И рядовых работников, и руководителей. Последних даже в первую очередь. Я имею в виду не только дисциплину в расходовании служебного времени, но и точность в исполнении законов, инструкций, постановлений, приказов, наконец, дисциплинированность в выполнении собственных обязательств, обещаний, распоряжений. Недисциплинированность руководителей (сочетание этих слов, согласен, звучит несколько необычно, но зато точно в отношении некоторых администраторов и организаторов) во всех звеньях управления служит первопричиной многих хозяйственных недостатков и неурядиц, в том числе и растранжиривания служебного времени большим числом работников.

С. ДЕНИСОВ

ТАШКЕНТ

МНЕНИЯ

Передо мной документ-задание на выполнение темы по проектированию машины. Человек расписался под грифом «утвердил». Тем самым он взял на себя ответственность за качество задания. Разработчик темы тоже расписался, но под грифом «согласовано» — взял ответственность за качественное и своевременное выполнение работы. До этого места все ясно. Но затем появилось еще пять согласующих подписей, три утверждающих и два десятка так называемых виз. Кто из их авторов и за что именно после своей подписи несет ответственность (конкретную)? Как правило, это не ясно.

Мы предприняли попытки узнать юридическое толкование терминов «утвердил», «согласовано» и «завизировано». Но тщетно, успеха не имели. Между тем именно здесь для «симуляции деятельности» открывается широкое поле. Даже пресловутая заседательская суетня, нам думается, не отнимает столько времени, как бесконечные согласования и утверждения, особенно когда за это берутся любители прятаться за чужую спину.

Б. ПРОЦЕРОВ,
инженер-конструктор,
лауреат Государственной премии

МОСКВА

■

Не только руководители, но и специалисты (инженеры, технологи, экономисты и т. д.) теряют у нас массу времени зря. Инженер может полдня сидеть у телефона и согласовывать какой-то вопрос или же в течение недели бегать по разным инстанциям, «выколачивая» деталь, прибор или инструмент. Зачастую не достанешь чертежного карандаша нужной марки. Снабженцы заявляют: «Не все ли равно тебе, каким карандашом рисовать?». Я хочу сказать, что время высококвалифицированных специалистов надо уважать и беречь. Затраты на технических помощников, которые могли бы выполнять всю второстепенную организационную работу, не требующую специальных знаний, окупились бы безусловно.

Г. БЕЗСАЛОВ

МОСКВА

■

Я инженер, работаю на строительстве Рижской ГЭС. Впервые в жизни пишу письмо в газету, так что заранее прошу снисхождения.

По существу дискуссии о деловитости у меня такое мнение. Тема давно наболевшая, но объяснять отсутствие у нас настоящей деловитости ошибками планирования, нечетким разграничением функциональных обязанностей, низкой дисциплиной, формализмом в соревновании, излишней отчетностью, мелочной опекой над хозяйственником, неумением обращаться с информацией, нежеланием искать виновных и т. д. и т. п., как это делают некоторые авторы, на мой взгляд, нельзя. Явления эти, по-моему, сами (по меньшей мере на 90 процентов) являются следствием. А главную причину надо искать в области морального и материального стимулирования труда работников.

А. ПОКРОВСКИЙ

пос. САЛАСПИЛС
Латвийской ССР

■

На совещании у начальников управлений, в кабинетах управляющих трестами, директоров заводов иной раз встретишь множество людей, которые практически не имеют никакого отношения (или очень косвенное, формальное) к обсуждаемому вопросу. Как же прекратить эту растрату времени деловых людей? Обидно, невероятно: люди, призванные управлять, организовывать, действовать, часами «преют» на совещаниях. Прямо-таки болезнь какая-то!..

Г. ОЛИТСКИЙ

КАЛУГА

КАК СТИМУЛИРОВАТЬ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ?

Ю. НЕЙМЕР,
кандидат философских наук, старший научный сотрудник социологической лаборатории Харьковского университета

Знает ли хозяйственный руководитель свои обязанности? Стимулирует ли действующий экономический механизм его ответственность? Основываясь на результатах исследований, харьковский социолог отвечает: «Далеко не каждый, далеко не всегда».

В статье «Симуляция деятельности» («ЛГ», № 47, 1973) А. Левиков привел данные, полученные нашей лабораторией: многие руководители постоянно задерживаются после окончания рабочего дня, который часто растянут у них до двенадцати часов. Объяснять это обстоятельство только лишь множеством дел, не связанных с прямыми служебными обязанностями, или участием в большом количестве совещаний было бы неправильно. Здесь мы встречаемся скорее со следствием, чем с причиной. Мне хотелось бы заострить вопрос: не является ли чрезмерная продолжительность рабочего дня руководителя одним из показателей его квалификации в области управления?

Могу себе представить первую реакцию уважаемых хозяйственников на высказанную мысль. Помилуйте, скажут они, круг забот руководителя необычайно широк, трудно втиснуться в рамки рабочего дня! Я соглашусь, но добавлю, что именно в этом вижу первое доказательство справедливости такой постановки вопроса.

Прежде всего, оправдано ли такое обилие забот? Не объясняется ли оно зачастую тем, что руководитель выполняет отнюдь не только свои обязанности?

П. Волин в статье «ВАЗ — это стиль!» («ЛГ», № 27, 1973) приводит меткую фразу одного из специалистов автозавода в Тольятти: «Каждый должен везти только свой чемодан». Хорошо сказано! Кстати, социалистическая взаимопомощь в процессе труда состоит отнюдь не в том, чтобы выполнять работу за другого. «Неси свой чемодан» ради общей цели всего коллектива и общества! Когда специалист или руководитель выполняет функции, не предусмотренные «расписанием должности» — случайные, посторонние, отвлекающие от прямых дел, — это свидетельствует об ошибках в проектировании организации.

Исследования, проведенные социологами Харьковского университета, показали, что именно такие ошибки очень часто способствуют «симуляции деятельности», дезорганизации и безответственности.

Приведу такой пример. На предприятиях, как мы убедились в ходе своего обследования, в положениях о мастере и старшем мастере записано одно и то же: «Является полноправным руководителем и непосредственным организатором производства и труда. Все его указания обязательны для работающих на участке». А как же принцип единоначалия? Он отрицает возможность существования в одном и том же трудовом коллективе двух «полноправных руководителей и непосредственных организаторов». Там, где их двое, начинается неразбериха, при которой подчиненный не знает, чьи приказы выполнять. Более того, возникает возможность вообще не выполнять приказов. Я убежден: закладывать такое в должностную инструкцию руководителя — значит планировать неподчинение. Такой параллелизм вызывает разлад и в самом руководстве: обязаны двое, а кто будет делать?

Скажут: инструкции, положения — все это сильно отдает душком формализма... Нет, формализм — когда пренебрегают обязанностями, составляют «конституцию должностей» не для дела, а для «галочки», показухи ради. Тогда важные документы мертвым грузом оседают в лабораториях НОТ и канцелярских шкафах. Иной раз не только рядовые работники, но и руководители подразделений не знают об их существовании и действуют по интуиции, исходя из возникающих ситуаций и личного опыта.

Впрочем, распределение обязанностей, даже если оно оптимально, само по себе не приведет к эффективной организации. Оно должно быть подкреплено делегированием (передачей сверху вниз) полномочий и ответственности. Это две стороны медали: не может быть и речи об ответственности руководителя, если он не имеет полномочий, необходимых для руководства своим участком.

К сожалению, приходится констатировать: и это правило часто не проводится в жизнь. Доктор экономических наук В. Чернявский прав, отмечая, что некоторые руководители чрезмерно суживают рамки полномочий и ответственности своих подчиненных («ЛГ», № 52, 1973). Трудно даже представить, какой это наносит экономический и социальный урон. Руководитель тогда погрязает в мелочах, а подчиненные заражаются бездумной исполнительностью, безразличием к делу предприятия и безответственностью.

Так же плох, впрочем, и противоположный, попустительский стиль руководства, при котором управленец стремится все вопросы своей компетенции вынести «на обсуждение», «на согласование» и т. п. Нарушается основной принцип управления при социализме — принцип демократического централизма, провозглашенный В. И. Лениным и настойчиво проводимый в жизнь нашей партией. В первом случае подчиненные, во втором и подчиненные, и руководители получают возможность уйти от личной ответственности за порученное дело.

В. Чернявский считает, что было бы полезным разработать специальный хозяйственный кодекс. Думается, однако, что речь должна идти не просто о новом юридическом документе, а об изменении системы материального стимулирования за качество работы не только руководителей, но и инженерно-технических работников и служащих.

Давайте попробуем заглянуть в психологический подтекст этой системы.

Когда человека назначают на должность, ему как бы говорят: «Если ты будешь хорошо работать, получишь премию. А при работе неважной, плохой... только оклад». Мне думается, уже сама такая постановка вопроса свидетельствует о весьма приниженном уровне требований. Не кажется ли вам парадоксальной ситуация, когда человек работает так себе, а государство продолжает платить ему оклад полностью? Почему на всю массу инженерно-технических работников и руководителей производства не распространяется общее правило — как поработал, так и получил? Только потому, что качество «управленческой» продукции труднее учесть? Но ведь «труднее» — это еще не значит «невозможно». И в этой связи мне хочется напомнить мысль, высказанную Л. И. Брежневым в речи на XV съезде профсоюзов: «Заработная плата должна повсюду быть заработанной, каждый работник должен чувствовать ее прямую зависимость от своего вклада в производственные успехи коллектива». Подчеркну важные слова: повсюду... каждый...

Каждый работник должен быть поставлен в такое положение, когда необходимо быть деловитым, когда человек просто не может быть иным.

Сегодня чертеж — завтра машина

Фото Л. НИСНЕВИЧА

ЖИТЬ ВЕЧНО.
ВОЗМОЖНО ЛИ? ЦЕЛЕСООБРАЗНО ЛИ?

ИНСТИТУТ ЧЕЛОВЕКА

Георгий ГУРЕВИЧ—

ДИАЛОГ

Игорь БЕСТУЖЕВ-АДА

Тема сегодняшнего диалога доктора исторических наук И. Бестужева-Лады и писателя-фантаста Г. Гуревича — еще одно свидетельство удивительных успехов научно-технической революции и социального прогресса. Речь идет о практических подходах к проблеме... бессмертия каждого человека. Тема, казалось бы, сказочная, ставится в повестку дня науки. Итак, жить вечно: возможно ли! Целесообразно ли!

И. БЕСТУЖЕВ-ЛАДА. Кажется, Георгий Иосифович, по первому пункту наши позиции не расходятся...

Г. ГУРЕВИЧ. Ну, моя точка зрения, Игорь Васильевич, предельно проста: умирать, безусловно, вредно. Вредно для здоровья...

И. БЕСТУЖЕВ-ЛАДА. Личного. Да и то, когда оно еще есть. Но полезно ли личное бессмертие для здоровья человечества?

Г. ГУРЕВИЧ. Может, сначала уточним, что понимать под расплывчатым словом «бессмертие»? Конечно, не творческое бессмертие: не бессмертие человеческих творений в памяти потомков. Мы говорим о биологическом бессмертии.

И. БЕСТУЖЕВ-ЛАДА. Имеется в виду возможность продления жизни индивидуума на неопределенно долгий срок. Чтобы не повторять это длинное определение, будем пользоваться словом «бессмертие». И прежде всего вынесем за скобки так называемое абсолютное бессмертие, не о нем сегодня разговор. Все, что рождается, обязательно должно умереть. Логика накладывает вето на все мечтания об абсолютном бессмертии. У нас речь пойдет о бессмертии практическом, о продлении жизни на неопределенно долгий срок, за которым все равно последует неизбежный конец.

Г. ГУРЕВИЧ. Но неопределенно долгий срок может быть и очень долгим: сто лет, сотни лет, тысячи...

И. БЕСТУЖЕВ-ЛАДА. Стоит ли говорить о тысячах?

Г. ГУРЕВИЧ. Есть животные, которые живут сотни лет, есть деревья, которые живут тысячи. Так что ничего сверхъестественного и в этом нет. Почему люди живут меньше? На то есть какая-то причина. И надежда на практическое бессмертие опирается на очень простое рассуждение: если есть конкретная причина смерти, устрани ее — не умрешь. Если есть конкретная причина старости, устрани ее — не будет старости. Спор о причинах идет давно, сейчас набралось уже несколько сот теорий старения. Все их разобрать нет возможности, но для простоты можно разделить на три группы.

Первая. Я бы назвал сторонников этих теорий резервистами. Они считают, что у человека есть еще много резервов: ума, памяти, физических сил, неиспользовавшихся талантов, неоткрытых еще чувств. Ну и резервы долголетия. Мы сами, живя неразумно, укорачиваем, дескать, себе срок жизни, надо беречь себя лучше, тогда доживешь до естественного предела. Этакий пассивный оптимизм.

И. БЕСТУЖЕВ-ЛАДА. Вы противник этой точки зрения?

Г. ГУРЕВИЧ. Знаете ли, природа склонна экономить материал. Едва ли она, скажем, поместит в голову 98 процентов нервных клеток, которые никак не используются. Если и есть резервы долголетия, они скромны. И я вижу, как резервисты все время сокращают «естественный предел». Когда-то называли 150 лет, потом — 120, сейчас чаще говорят о 90 годах. Не слишком много.

Больше обещают сторонники второй группы. Я долго подыскивал название для них, но так и не смог найти лучше, чем «тонкисты», от пословицы: «Где тонко, там и рвется». Предполагается, что есть в организме какое-то «тонкое» место, слабое звено: сердце, нервы, та или иная железа или какая-нибудь неурядица на клеточном, молекулярном, генном уровне. Устрани неурядицу, укрепи тонкое место, и жизнь продлится... до таинственного «естественного предела». Или же будет практическое бессмертие.

И, наконец, самое молодое и радикальное крыло — программисты, пожалуй, так их можно назвать. К ним относятся почти все генетики: они считают, что весь организм запрограммирован в генах, стало быть, и срок его жизни записан там же. И этот срок можно удлинять, переставив или заменив какие-то гены, на которых написано «срок жизни» или «причина старости».

Я сам тоже принадлежу к программистам, но несколько иного толка. В свое время я выступил с собственной точкой зрения и изложил ее в статье «Сколько мы будем жить?», с которой, кстати, пошло наше с вами, Игорь Васильевич, знакомство. Она опубликована пятнадцать лет назад. В ту пору обсуждалась даже в Киевском институте геронтологии.

И. БЕСТУЖЕВ-ЛАДА. Но тогда вы писали, что смена поколений полезна для жизни вида в целом...

Г. ГУРЕВИЧ. Да, в животном мире полезна, помогает виду победить в борьбе за существование. Я исходил из дарвиновского положения, что путем естественного отбора у животных сохраняются только целесообразные признаки. Если смена поколений так широко распространена в природе, значит, она полезна. А если полезна и нужна, должны быть какие-то органы, некий механизм, обеспечивающий «устранение» старшего поколения, выключатель молодости, включатель старости. Так что старость — это как бы биологическое «самоубийство» организма.

Должен сказать: когда я додумался до этого, сам был поражен, долго не верил. Сам на себя смотрел с опаской: где там заложена во мне эта мина замедленного действия? Однако природа приготовила сколько угодно иллюстраций «самовыключения». Например, бамбук. Растет, растет, потом цветет и сразу умирает. Кета и горбуша: раз в жизни мечут икру и тут же умирают. Бабочки соснового шелкопряда, поденки... даже наша родная рожь и пшеница. Они засыхают задолго до зимы. Еще солнце светит, еще тепло, можно бы зеленеть, но следующему поколению невыгодно, чтобы из земли высасывались питательные вещества для бесполезного роста родителей. И следует выключение.

И. БЕСТУЖЕВ-ЛАДА. У человека ведь иначе...

Г. ГУРЕВИЧ. У человека выключение растянуто на много лет, превращено в затяжную старость. Ведь человеку, как и зверям и птицам, нужно вырастить следующее поколение. Выключаются из жизни быстро только те виды, которые не заботятся о потомстве. Икру мечут, я больше не нужны.

Но так или иначе некий механизм существует, и, если умешаться в его работу, можно задержать выключение на долгий «неопределенно долгий срок», то есть достичь бессмертия.

Это не только моя точка зрения. Я мог бы сослаться на многих ученых прошлых эпох, мог бы назвать многих современников — биологов и медиков в Москве, Ленинграде, Киеве, Минске и за рубежом, которые писали о возможности радикальных открытий в ближайшее время. Одни из них принадлежат к числу программистов, другие — «тонкисты», но и те, и другие верят в практическое бессмертие. Кое-кто выступал и на страницах «Литературной газеты». Если не ошибаюсь, то и футурологи — за бессмертие.

И. БЕСТУЖЕВ-ЛАДА. «Бессмертие», или «полное управление процессами старения», или «регулирование всей деятельности центральной нервной системы», или «управление развитием физического и психического облика человека» числятся в списке открытий, сроки которых прогнозисты стараются определить. Обычно их относят к первой четверти XXI века. Возможность продления жизни минимум на 50 лет ожидается в среднем к 2023 году. Фантаст Клерк оказался осторожнее: он в своем списке будущих открытий отнес такую возможность к 2090 году. Конечно, все эти даты ориентировочны, они выведены из совокупности прогнозных оценок крупных ученых. Но, во всяком случае, такого рода научные открытия — на повестке дня. Ведутся и исследования. Научные прогнозы говорят о том, что на протяжении ближайшего полувека мы можем намного повысить среднюю продолжительность жизни...

Г. ГУРЕВИЧ. Хотя бы удвоить для начала. 150 лет — уже неплохо.

И. БЕСТУЖЕВ-ЛАДА. Факты говорят о тенденциях роста средней продолжительности жизни в течение всей истории человечества.

Возьмем первобытнообщинный строй. Средняя продолжительность — примерно 20 лет. Почему? Потому что подавляющее большинство людей умирает в детском возрасте, подавляющее большинство оставшихся гибнет от болезней, голода или в зубах у хищников или от других напастей.

Затем, когда люди осваивают земледелие, животноводство, поселяются в городах, средняя продолжительность жизни несколько увеличивается, но не превышает 30, максимум 40 лет...

Ныне положение изменилось. Теперь гибель ребенка в грудном возрасте — это ЧП в экономически развитых странах. Мы одержали историческую победу на фронте борьбы с инфекционными болезнями — чумой, тифом, туберкулезом, пневмонией, родовой горячкой. Результат: средняя продолжительность жизни возросла примерно до 70 лет.

Дальше нас не пускает следующий эшелон болезней, самые упорные враги сейчас — сердечно-сосудистые и онкологические заболевания. Однако большинство медиков-экспертов считает, что к 90-м годам оба эти врага будут сокрушены. Это означает годы и годы прибавки к нынешним «средним» 70 годам.

Затем медики ждут следующего этапа — регулирования процесса старения с помощью химических препаратов. В качестве срока энтузиасты называют 90-е годы нашего столетия, скептики — 20-е годы XXI века. Это даст еще десятки-другой лет, и тогда столетие будут таким же обычным явлением, как сейчас 70-летие.

Но это еще не все. Во второй четверти XXI века ожидается открытие способов целенаправленного регулирования обмена веществ, регулирования деятельности центральной нервной системы и т. д. Это может дать еще несколько десятилетий, а может быть, и столетий жизни. Таковы объективные тенденции к достижению практического бессмертия. И это уже не фантастика, а «обычная» научная проблема, которая решается сегодня.

Г. ГУРЕВИЧ. Значит, в основном мы согласны: практическое бессмертие возможно.

И. БЕСТУЖЕВ-ЛАДА. Да, возможно. Но тут встает следующий вопрос: целесообразно ли?

Г. ГУРЕВИЧ. Простите, я вас перебью. Для кого целесообразно? Для человечества в целом или для человека — для отдельной личности?

И. БЕСТУЖЕВ-ЛАДА. И то, и другое вызывает сомнение.

Г. ГУРЕВИЧ. По-моему, насчет личности сомнений нет. Личности умирать нецелесообразно.

И. БЕСТУЖЕВ-ЛАДА. Давайте разберемся сначала, что представляет собой та личность, которую мы собираемся сделать бессмертной. Ведь личность не раз навсегда задана: за свою жизнь человек проходит по крайней мере четыре фазы развития.

Первая: становление личности. Это учение, освоение и осмысление всего достигнутого до тебя, становление характера, формирование мировоззрения, первые попытки творчества. Детство, отрочество, юность.

Вторая: развертывание личности, творческая молодость.

Третья: стабилизация. Творчество продолжается, появляется опыт, позволяющий критически осмысливать сделанное. Зрелость.

Наконец, четвертая стадия: угасание, старость.

Г. ГУРЕВИЧ. Я бы делил иначе: период роста, зрелость, старость... Ваши вторая и третья фазы, с точки зрения биологической, — нечто единое. Между ними нет резкой границы.

И. БЕСТУЖЕВ-ЛАДА. Пусть так. Но психологически они все же различаются. И именно сочетание дерзновенного порыва молодежи с мудрой осмотрительностью зрелости позволяет обществу развиваться нормально. Вот почему и науковеды утверждают, что оптимальный научный коллектив должен иметь определенное соотношение возрастов. Равнодействующая здесь — научный прогресс.

А теперь рассмотрим варианты бессмертия личности. Какие фазы развития личности вы предлагаете сделать вечными? Видимо, нецелесообразно, чтобы детство или старость длились, скажем, по сто лет. Кому нужен столетний ребенок? Для чего старость, растянутая на сто лет?

Можно, конечно, разделить общество на бессмертные касты — детей, молодых, стариков. Но тогда обесчеловечатся все: дети останутся вечными недорослями, молодежь не взрослеет, старики обречены на вечную старость. Ломается тот психологический механизм, который обеспечивает нормальную жизнедеятельность человеческого организма. Эти квазилюди не будут отличаться от кукол-роботов. Какие-то актеры на одну роль.

Г. ГУРЕВИЧ. Зачем перебирать ненужные варианты? Продлевать надо лучшую фазу — фазу зрелости. Через каждые 25—30 лет — омоложение. Получается не юноша и не старик, а что-то среднее — человек зрелого ума, но с темпераментом и силами молодого. Есть грустная поговорка: «Если бы юность умела, если бы старость могла!» Тут будет и то, и другое.

И. БЕСТУЖЕВ-ЛАДА. Значит, будет бессмертие с «повторными циклами»? И при каждом омоложении все начнется сначала? Хорошо ли будет молодому человеку с памятью старика? Наверное, не лучше, чем старику с психикой ребенка. Не проще ли тогда сменять поколения, как это происходит сейчас?

Г. ГУРЕВИЧ. Конечно, проще. Но на все ваши сомнения я буду отвечать словами Маяковского:

В этой жизни
помирать
не трудно.
Сделать жизнь
значительно трудней.

Если умирать не хочется, надо преодолевать сложности.

И. БЕСТУЖЕВ-ЛАДА. В сотнях исследований выявлено, что пик творчества — самый плодотворный период деятельности — приходится в разных специальностях на время от 20 и максимум до 45 лет. И где гарантия, что ваши циклы омоложения вновь и вновь приведут человека на вершины творческой зрелости? Не будут ли они постоянно отдалять нас от наиболее творческого периода?

Г. ГУРЕВИЧ. Еще нет ясности, от чего зависит спадение пика — от возраста или от физического ослабления. Даже у шахматистов, на что умственный спорт, после 40 лет начинается спад. Опыт набирается все еще, а физических сил не хватает, трудно высиживать за доской пять часов в напряжении. А если вернуть им силы юности?

Вообще только после того, как мы омолодим людей, станет ясно, что у них останется в психологии от возраста и что возникнет от омоложенной физиологии. Возможно, опять возникнет творческий подъем — от возвращенного избытка сил, от молодого темперамента.

Вот вы все время пугаете меня какими-то таинственными минусами, а я вижу явные плюсы. Например, с пенсионерами. Вместо пенсионеров, которым надо выплачивать пенсию, общество получит опытных работников, пусть несколько консервативных даже, но знающих, умелых.

И. БЕСТУЖЕВ-ЛАДА. Тут все гораздо сложнее. Уже сейчас трудоспособному пенсионеру найти работу не всегда легко. К тому же сегодня знания стареют каждые пять—десять лет. Социологи подсчитали, что каждый молодой человек до 2000 года фактически три или четыре раза как бы сменит профессию, настолько резко будет меняться техника. И чем старше человек, тем труднее ему приспособиться ко все новым переменам обстановки.

Г. ГУРЕВИЧ. Ну и хорошо, бессмертные тоже будут переучиваться. Знаете, наверное, даже скучно с одной профессией прожить пятьсот лет. Я думаю, профессию практически будут менять при каждом омоложении.

И. БЕСТУЖЕВ-ЛАДА. При каждом омоложении меняются профессия, вкусы, привычки, отношение к детям... Перефразируя известный анекдот о педанте, который утверждал, что «Одиссею» создал не Гомер, а другой человек с тем же именем, не проще ли сменить все же «омоложенного Гомера» другим человеком с тем же именем? Тогда не произойдет обесчеловечивания личности.

Г. ГУРЕВИЧ. Ну, а когда личность кладут в гроб, она не обесчеловечивается? Вы все время упускаете из виду самое важное. Стоит один и тот же вопрос: либо приспосабливайся к новым условиям жизни, либо умирай. Я за то, чтобы была возможность каждому решать его за себя, а не за других.

Как вы отнесетесь к человеку, который, видя тонущего, стоит на берегу и рассуждает: «Будет ли он счастлив, если его вытащить? Не полезнее ли, чтобы он утонул?»

И. БЕСТУЖЕВ-ЛАДА. Не изображайте меня бесчеловечным. Как и вы, я инстинктивно боюсь смерти. Но инстинкты — инстинктами, а разум — разумом. Меня интересует, как будут выглядеть бессмертные в быстро меняющихся условиях жизни. Как это скажется на психологии? Не будет ли для них бессмертие пыткой?

Ведь важно, чтобы омоложенные люди не оказались в положении героя Маяковского, которого разморозили через много лет. Моему собственному прадеду привычнее были бы условия Киевской Руси, чем середина XX века. Сжечь все, чему поклонялся, способен далеко не каждый. Ведь что такое личность? Это не только физиология и психика, даже не просто поведение. Это еще и память — наследственная, социальная, индивидуальная. Человек — не магнитофонная лента. Сотрите память — сотрете личность. А для бессмертного память либо без пользы, либо в тягость, либо во вред.

Представьте себе, что неграмотный русский крестьянин прошлого века оказался в современной Москве. Это была бы для него настоящая трагедия. Все, чему он прежде поклонялся, здесь не имеет никакой цены. Совсем другие лешии задирают людей вечерами на улице, совсем другие русалки сидят у прудов. Бога, оказывается, нет вообще. Какую же роль будет играть его память о деревне, когда он станет не москвичом, а марсианином XXI века?! Вот уж поистине: «Воспоминания! как острый нож оне». Это мука мученическая, и природа устраняет ее просто и естественно — сменой поколений.

Словом, я за то, чтобы людей десятками лет не снедала тоска по своим лучшим годам, когда они оформировались как личность. Дело не в количестве прожитых лет, а в том, как они прожиты.

Г. ГУРЕВИЧ. Вы много раз повторяли слово «обесчеловечивание». Что подразумевается, собственно говоря, под этим? Изменение человека? Да, человек менялся, меняется и будет меняться.

Всю свою историю человек менялся. Когда крестьянин переселялся в город, он «обескрестьянился». До этого охотник «обезохотился», когда отложил лук и стрелы и начал пахать землю. И обезьяна, извините за напоминание, «разобезьянилась», когда слезла с дерева и стала человеком. Ничего не поделаешь: развитие — это перемены.

И ив все ужасы, которыми вы пугаете меня, я отвечу одно: «Не так страшен черт, как его малюют». Да, привычки приходится менять. Да, бывает, что люди получают квартиру на шестом этаже и вздыхают: «Ах, в деревне было лучше! Как жалко, снесли мой домишко, сплик, огородик!» Может и жалко. Но не бросаются из окна шестого этажа: поохают — и привыкают. Видимо, на кладбище все-таки хуже, чем на шестом этаже.

И. БЕСТУЖЕВ-ЛАДА. Дело не только в том, что «хуже-лучше» для вас лично. Дело еще и в том, какую цену заплатит человечество за бессмертие прежних поколений.

Г. ГУРЕВИЧ. Это мы уже перешли и другой теме: целесообразно ли для человечества?

И. БЕСТУЖЕВ-ЛАДА. Темы эти связаны воедино. Вселенная, конечно, беспредельна, и теоретически когда-нибудь станет возможной жизнь на любой планете и любом астероиде. Но, по сегодняшним прогнозам, мы достигнем бессмертия раньше, чем получим возможность посылать людей во все уголки Вселенной. Следовательно, за считанные столетия будут заняты все возможные «ячейки» сначала на Земле, потом в Солнечной системе и так далее. Мы неизбежно придем, уже сейчас приходим, к необходимости регулировать численность населения на Земле. Что же, по-вашему, матерям будет запрещено иметь детей, пока не умрут бессмертные? Личное бессмертие обернется личной трагедией? Не говоря уже о том, что оно будет куплено ценой, так сказать, тотального отказа от будущих «Платонов и Невтонов». Одно лишь сознание того, что ты живешь за счет будущих нерожденных талантов, способно деморализовать и разрушить личность.

Г. ГУРЕВИЧ. Когда я слушаю такие речи, мне, грешным делом, вспоминается пушкинский Варлам из «Бориса Годунова». Он разучился читать, но когда услышал: «Изловить и повесить», — припомнил грамоту и решил сам прочесть.

Дайте-ка я сам подсчитаю.

Я твердо помню, что видиу, человеческому в частности, нужно, чтобы каждое поколение оставляло не менее двух потомков, иначе вид вымрет. Итак, двое детей у каждой семьи (по статистике, 2,65 с учетом бездетных, холостых и погибли от несчастных случаев). Двое детей в 70-летней жизни, или в столетней, или в тысячелетней но не больше двоих. Иметь двух детей — это уже не трагедия. Многие матери охотно ограничиваются и одним ребенком. Конечно, какое-то количество «Платонов и Невтонов» не родится, но бессмертие тут ни при чем.

И. БЕСТУЖЕВ-ЛАДА. Как «ни при чем»? Если заняты две ячейки, то либо уходят родители и им на смену встают два потомка, либо родители продолжают жить, отбирая место под солнцем у своих правнуков.

Г. ГУРЕВИЧ. Не надо вадить на бессмертие все на свете заботы. Бессмертием пока еще не пахнет, а демографический взрыв уже есть на нашей планете. Взрыв за счет высокой рождаемости. Так что проблема сокращения рождаемости уже существует в ряде стран Азии, Африки и Латинской Америки. Бессмертие обострило бы эту проблему, но только обострило бы, а не породило. Пришлось бы ограничиться двумя детьми в долгой-долгой жизни. Или, если не хочется ограничиться, создавай новые ячейки для жизни. Ведь количество ячеек — тоже условность. Это состояние техники на сегодняшний день. Конечно, рост продолжительности жизни потребует прогресса, так же как и всякий рост — рост населения, рост потребностей...

И. БЕСТУЖЕВ-ЛАДА. Вот видите: потребуется прогресс. А где же механизм смены поколений, который обеспечивает устойчивый научно-технический и социальный прогресс? Сможем ли мы придать ему другую форму? В этом, мне представляется, коренной вопрос практического бессмертия. И здесь я хотел бы привести высказывание академика Н. П. Дубинина: «...Не надо забывать, что и общественный прогресс сопровождается непрерывным изменением социальных и культурных условий. А это требует творческой работы все новых и новых поколений. Личное бессмертие человека — преграда на пути его духовного развития».

Так можно ли механизму смены поколений придать другую форму? На этот вопрос пока нет положительного ответа, другой, столь же аффективной формы пока нет. Даже одно только замедление темпа смены поколений чревато торможением общественного прогресса.

Г. ГУРЕВИЧ. Наверное, именно тут проходит грань между животным миром и разумным человеком. Да, в биологии темп смены поколений играл и играет роль, но, видимо, это сказывается на больших числах — на тысячах поколений. А на темпе прогресса в человеческой истории что-то не видно роли смены поколений. Смена поколений шла примерно в одинаковом темпе и у первобытного человека, и в средние века, в наше время даже замедляется, а прогресс-то идет по нарастающей кривой, по экспоненте. По-видимому, для прогресса важнее другие факторы: социальный строй, сумма технических знаний, количество рук, а также и нужда — необходимость в прогрессивном развитии. Нужда в подъеме.

Я очень люблю повторять всем известную цитату из Энгельса о Возрождении, о том, что это время требовало титанов и породило титанов. Будущее тоже потребует титанов — и породит их. Будущее потребует стремительного прогресса. Нужда заставит. И бессмертие усугубит нужду в прогрессе. Появится огромное количество проблем, и это заставит людей будущего пошевеливать мозгами. Изобретать такое, что нам и не снилось.

И. БЕСТУЖЕВ-ЛАДА. Вот именно: «и не снилось». Вам говорят о действительных, реальных трудностях, а вы отвечаете: будет некий выход, гадательный.

Г. ГУРЕВИЧ. А разве кладбище — это выход? Люди умирают, люди тонут, их надо спасать. По-моему, так. Чтобы обеспечить прогресс, природа ничего не придумала, кроме поголовного уничтожения целых поколений. Я надеюсь, что разумные и ученые люди способны предложить что-нибудь более гуманное.

И. БЕСТУЖЕВ-ЛАДА. Надо надеяться... Но, кстати, нашу короткую жизнь каждый может сделать много длиннее уже сейчас. И это, пожалуй, самое гуманное из всего, что можно пока практически предложить.

Когда у человека бог знает сколько времени впереди, можно сто лет прожить Обломовым, сто лет буйствовать, как Ноздрев, и т. д. Но когда знаешь, что проживешь 70 лет, начинаешь ценить время.

Помню, меня поразил подсчет одного французского социолога, из чего состоит жизнь человека. Из семидесяти лет мы спим лет 20—25, 2—3 года жуем, 2—3 года умываемся, причесываемся, прихорашиваемся, одеваемся, раздеваемся, 2—3 года болтаем...

Г. ГУРЕВИЧ. Судя по сегодняшнему дню, гораздо больше.

И. БЕСТУЖЕВ-ЛАДА. Будем думать, что сегодняшний день не характерен. И пять лет мы просто убиваем время, когда нам скучно. Иные ухитряются отобрать у себя только этим способом 10—15 лет жизни. Что тут можно сделать, я поясню на одном примере.

Сейчас народ перебирается в города, это объективная тенденция. Но как мы спим свои восемь часов в городе? Ворочаемся от духоты в прокуренной комнате, просыпаемся от грохота машин за окном, от радиолы соседа, лязганья скребка дворника... Безобразно спим. Так вот, как минимум прокуренный воздух, грохот машин, радиолу соседа и скребок дворника можно «отключить». Можно средствами социальной санитарии и гигиены «ввести» семь полноценных часов сна вместо восьми неполноценных. Такие опыты проводятся. Но лишний час бодрствования в сутки прибавит как бы три года к семидесятилетней жизни.

Так что «продлить жизнь» просто. Это доступно каждому.

Г. ГУРЕВИЧ. Это другая сторона проблемы. Мы говорили о реконструкции человеческого организма, сейчас вы свернули на рационализацию. Но в большом хозяйстве нужно и то, и другое: и реконструкция, и рационализация. Один человек может сказать: «Лучше синица в руках, чем журавль в небе». У большой науки много рук и много глаз. Пусть один институт крепко держит в руках синицу гигиены, но кто-то должен и «пристреливаться» к журавлю бессмертия.

И. БЕСТУЖЕВ-ЛАДА. «Пристреливаться»? Может, сначала получше разглядеть мишень?..

Запись диалога и фото Григория ЦИТРИНЯКА

СПАСТИ ЧЕЛОВЕКА!..

Как известно, 14 марта советский пограничный вертолет с тремя членами экипажа, вылетев в район южнее Белеши (Алтайский край) за тяжело больным военнослужащим для срочной доставки его в больницу, попал в тяжелые метеорологические условия, потерял ориентировку и, израсходовав запас горючего, совершил вынужденную посадку вблизи границы на территории КНР. Министерство иностранных дел СССР сообщило китайским властям обстоятельства вынужденной посадки и просило принять меры к возвращению экипажа и вертолета. Однако китайская сторона вопреки сложившейся практике урегулирования такого рода вопросов продолжает задерживать вертолет.

Конечно, на границе могут произойти разные непредвиденные случайности. Но они никогда не рассматривались как чрезвычайное происшествие — при наличии доброй воли и нормальных отношений подобные недоразумения улаживаются в течение нескольких минут или нескольких часов.

Однако такая добрая воля как раз и не была проявлена властями КНР. Вынужденная посадка пограничного вертолета как видно используется для дальнейшего раздувания антисоветской истерии, шпиономании.

Советское правительство настаивает на незамедлительном возвращении экипажа и самого вертолета. В обращениях советской стороны указывалось на недопустимость задержания вертолета и его экипажа и подчеркивалось, что китайская сторона берет на себя всю полноту ответственности за неизбежные последствия такой провокационной позиции.

Мы публикуем сообщения наших специальных корреспондентов, побывавших недавно на месте событий.

Командир вертолета «МИ-4» Александр Курбатов

Фото В. ХОЛОШНЮКА

Полет вертолета № 24: подлинные факты и документы

МЫ ПЕРЕДАЕМ эти строки из пограничного отряда, откуда на рассвете четырнадцатого марта улетел советский вертолет «МИ-4» — улетел на соседнюю заставу, чтобы спасти тяжело заболевшего солдата. Вертолет не вернулся на родную землю. Он вошел в густые тучи, потерял ориентацию и совершил вынужденную посадку на территории Китая. Он не вернулся до сих пор...

Вот как это произошло.

Вечером 13 марта начальнику войск Краснознаменного Восточного пограничного округа генерал-лейтенанту Меркулову доложили, что заболевшему пограничнику нужна срочная операция. С другой стороны гор на заставу пытались пробиться вертолеты, но ушли обратно — долины, ущелья, лога были залиты сырым туманом, а вершины закрыты сплошными тучами. Машина с врачом застряла на одном из перевалов — ранней весной горные дороги почти непроходимы.

Генерал приказал подготовить к полету пограничный вертолет с опытным экипажем.

Он понимал, как будет трудно пробиться на заставу. Матвей Кузьмич Меркулов сражался на Курской дуге, форсировал Днепр, на Висле командовал батальоном и получил звание Героя Советского Союза. Он видел смерть. И он знает цену человеческой жизни. Нет ничего выше и священнее, чем человек, чем жизнь человека...

Вскоре из отряда сообщили, что на выполнение задания полетит экипаж капитана Александра Курбатова. Летчик-штурман — лейтенант Александр Усков, бортмеханик — младший лейтенант Владимир Бучельников. Вертолет — бортовой номер 24.

В 21 час капитан Курбатов доложил командиру части о ходе подготовки.

— Полет будет проходить в горах, — сказал командир. — Особенно внимательно изучите метеообстановку, произведите тщательный расчет полета по данному маршруту. При ухудшении погоды, — прибавил он, — будь осторожен...

— Справимся, — ответил Курбатов.

— И все же смотри повнимательнее, — напутствовал командир.

РАССКАЗЫВАЮТ ТЕ, КТО ОТПРАВЛЯЛ ЭКИПАЖ В ПОЛЕТ.

Капитан Александр Иванович Мельников:

— Курбатов должен был нести службу по охране государственной границы, но неожиданно задание было отменено и получено новое — вывезти больного. Курбатов попросил, чтобы наготове был бензозаправщик. Я при нем же поднял трубку и отдал такой приказ. Уходя, я видел, как они сидели с штурманом над картой. Я попрощался, пожелал счастливого полета.

Ефрейтор Валерий Попков, повар:

— Я кормил их ужином в тот вечер. Отличные, общительные, веселые парни! Как близко к сердцу приняли они беду пограничника, как волновались за его состояние! Такие уж они люди — чуткие к чужому горю, с щедрой и доброй душой

Заместитель командира эскадрильи, капитан Владимир Евгеньевич Чаклов:

— Курбатов перед вылетом попросил меня помочь жене — она ждала ребенка — и отвезти ее в больницу, если понадобится. Это отличный пилот, налетавший 1850 часов, причем 45 из них приходятся на полеты в сложнейших условиях. Мне не раз приходилось летать вместе с ним и в облаках, и при ограниченной видимости. Я знал, что он подготовлен прекрасно. Утром я проводил его к вертолету, пожал руку, пожелал экипажу чистого неба и пошел на стартовый командный пункт.

Экипаж вместе с механиком Вячеславом Варнавиным еще раз осмотрел свою зеленую «стрекозу», опробовал машину, заправил ее горючим.

Механик Вячеслав Варнавин:

— Еще мгновение — и они улетят. Я думаю о том, чтобы в небе у них ничего не случилось, — там, на далекой заставе, умирает человек. Они помолчали, и вот уже, шумя винтом, вертолет ушел на восток.

Диспетчер Виктор Григорьевич Грунский:

— В четыре часа утра экипаж вертолета заказал прогноз по срочному сан заданию. Я запросил погоду и дал разрешение на вылет. Руководитель полета вышел на связь и передал, что прогнозом по маршруту обеспечен.

В 5 часов 15 минут диспетчер передал на борт вертолета сводку погоды: «Полет по южной части периферии циклона. Минимальное давление — 1039 миллибар. Дымка, слабый снег, видимость 6—10 километров. Умеренная болтанка, горы частично в осадках при низкой облачности. На конечном участке маршрута ориентировочно слабый снег, ветер пять метров в секунду, порывы до двенадцати»...

В 5 часов 27 минут на борт было передано новое сообщение: «Штормовое предупреждение. 2—5 баллов, слоисто-кучевая, 200—300 метров ниже наивысшей точки рельефа с увеличением до 4—7 баллов. Снег, дымка, умеренная болтанка, в облаках обледенение». Это означало: погода резко ухудшается. Лететь практически нельзя. Ветер свистел в кронах деревьев, черные облака почти касались земли.

— Стояла самая ненадежная, самая обманчивая погода, — рассказывает первый секретарь Маркакольского райкома партии Мурат Дауленович Дауленов. — Туман, ветры, снег. Так всегда бывает в эту пору, которую казахи называют наурыз — начало весны. Сходит снег, погода меняется. В тот день у чабана Кенеса Жениспаева отбилось тридцать овец. Нашли их только на седьмые сутки. Это крайне опасное время — кажется, вся земля, как зыбка, качается...

Вертолет попал в ловушку. Внизу, на земле, туман как молоко, сверху тучи. Курбатов начал спор со стихией. Все диспетчеры гражданских аэропортов встали на тревожную вахту. Но прервалась связь с Алексеевной, скалы не пропускали радиосигналы вертолета. Напрасно начальник аэропорта Евгений Иванович Ракитин пытался связаться с вертолетом. Позывной 15 102 молчал

Наконец, земля запеленговала их передатчик, но луч на экране обрывался, и определить точно, где они находятся, наземные станции не могли. А значит, не могли и рассчитать точный курс вертолета. Вот переговоры вертолета с землей, записанные на магнитофонную ленту:

— Земля, земля, вы можете дать наш прямой, прямой?

— Он у вас не полный, дайте нажатие!

— Земля, я пятнадцать сто второй. Дайте мне прямой. Прямой дайте!

— Ваш импульс не полный. Ваш прямой примерно 60 градусов.

Ответа не последовало.

— Пятнадцать сто второй. Я земля...

— Отвечаю...

— Прямой ваш 60 градусов. Но вы забрались куда-то далеко в горы...

— Вас понял. Прямой шестьдесят.

— Выходите на привод. На привод выходите...

— Вас понял, земля. Я пятнадцать сто второй. Пятнадцать сто второй. Горючего осталось на пределе. Не знаю, дойду до вас или нет. Я пятнадцать сто второй, я пятнадцать сто второй. Горючего осталось очень мало. Очень мало осталось горючего.

— Вас понял. Готовить заправку?

— Да, да, готовьте заправку!

— Пятнадцать сто второй, расчетное время прибытия?

Борт не ответил. Навстречу машине, вынырнувшей из укутанного туманом каменного мешка, метнулись чистое небо и гладкая равнина. Позади оставались снег, туман, головокружительные виражи...

(**Комментирует диспетчер гражданского аэропорта «Буран» Владимир Андреевич Баранов:**

— Все средства, способные запеленговать пятнадцать сто второй, были включены. К сожалению, наш пеленг ничего не показывал.)

— ...Земля, я пятнадцать сто второй!

— Пятнадцать сто второй, отвечаю. Я земля!

— Произвожу посадку. Произвожу посадку. Горючего больше нет. Лететь не могу.

— Ваше местонахождение?

— Пока не знаю.

— Пятнадцать сто второй, ваше местонахождение?

— Не могу точно сказать. Не могу точно сказать.

— Хотя бы приблизительно. Хотя бы приблизительно.

— Не знаю. Я потерял ориентировку.

На этом связь с вертолетом прервалась. Курбатов сделал все, что мог. Самые опытные пилоты нам говорили — он совершил невозможное: спас экипаж и машину...

Но он и его товарищи не знали, не могли предполагать, что благородная цель их полета может быть истолкована как-то иначе. Что уйдя от непогоды, они окажутся в другой ловушке. Что их ждет не помощь в выполнении самой святой, самой гуманной миссии — спасении жизни человека, а провокация, арест, глумление...

Курбатов и его товарищи не раз летали над Джунгарскими воротами, видели железную дорогу, не так давно проложенную, но уже заросшую бурьяном. Ее строили, чтобы соединить две соседние страны. И назвали Дорогой дружбы. Но рельсы проложены только с советской стороны. Не мы виноваты в том, что Дорога дружбы прервалась.

Что случилось с экипажем вертолета? Где ныне Курбатов и его товарищи? Какой фарс собираются разыграть пекинские правители? Судьба членов экипажа не может не волновать советский народ, всех людей на земле, кто чтит такие понятия, как гуманность и человечность.

И последнее. Тяжело больной пограничник был все же доставлен в больницу города Кузнецка санитарным самолетом гражданской авиации. Мы позвонили в больницу. Врачи сказали: к сожалению, помощь опоздала...

Юрий ШАПОРЕВ,
специальный корреспондент «Литературной газеты»
Краснознаменный Восточный пограничный округ.

(По телефону).

ЖЕНА КОМАНДИРА

Галина Курбатова с детьми

Фото Ю. КЕЛЬДИНА

Я НЕ ЗНАЮ, где сейчас находится командир советского вертолета Александр Курбатов, какие меры «воздействия» применяют маоисты, пытаясь сломить его. Но уверен: в эти самые тяжелые дни и ночи встает перед ним лицо жены — любящей, ждущей. И страдающей...

— Жду его день за днем. Когда же кончится этот кошмар?..

Галина Курбатова одной рукой прижимает шестилетнюю белокурую дочь, так похожую на отца. Другой качает коляску, в которой спит новорожденная, появившаяся на свет в те дни, когда вертолет, шедший на спасение больного, был вероломно захвачен китайскими властями. Дочери все еще не дают имени. Ждут, что отец, вернувшись, наречет ее сам.

В то утро Галина, как обычно, уложила в маленький дорожный чемодан мужа теплый свитер, учебник и тетради с конспектами — капитан Курбатов готовился осенью поступать в авиационный институт, каждую свободную минуту отдавал занятиям.

Она вспоминает: пришел замполит и, стараясь не испугать ее, ждущую ребенка, сказал — вертолет мужа произвел вынужденную посадку на китайской территории; наверное, их скоро вернут. Но проходили недели, а Александр не возвращался.

Она просыпалась по ночам. Чудился стук двери, слышались шаги мужа. Зажигала свет, открывала дверь — никого. Она присаживалась к спящей дочери, смотрела на нарядную чашку, из которой муж любил пить чай, и вспоминала, как дарили им эту чашку на свадьбу, желали: пусть жизнь будет полной чашей. Смотрела на книжку сказок, раскрытую там, где в последний вечер Александр Курбатов прервал свое чтение дочери, сказал: «Дочитаем завтра». И теперь дочь не позволяет, чтобы ей дочитали сказку, — ждет отца.

Еще вспоминала, как праздновали Новый год, когда муж привез горные заиндевелые елки, раздарил офицерским семьям; как мечтали в мае, уже вчетвером, отправиться в Саратов, на родину мужа, проплыть на теплоходе по Волге.

...Должно быть, это непрестанное нервное напряжение сделало ее роды такими трудными. Она до последней секунды перед тем, как впасть в забытье, терзалась мыслью о муже...

Мы беседуем, а перед нами — горячая приграничная степь, раскаленные камни и песок.

Все эти годы у пограничников, охраняющих семь с половиной тысяч километров границы Советского Союза с Китаем, была одна задача: соблюдая высшую бдительность, одновременно сохранять спокойствие, выдержку, не поддаваться на провокации, делать все, чтобы на границе не было конфликтов, чтобы все вопросы разрешались мирно, по-добрососедски. Мы не подчеркивали демонстративные и тайные нарушения китайской стороной нашей порубежной черты, не предавали их широкой огласке.

Все это отнюдь не проявление слабости, но акты доброй воли, направленные на сглаживание трений. А каким актом можно назвать захват потерпевшего бедствие экипажа?

Я думаю об этом, глядя на измученное ожиданием женское лицо, в полные слез глаза.

Почти каждый вечер они встречались, все трое, жены летчиков. Сходились, гадали, надеялись, вспоминали.

Галина Бучельникова рассказывала, как ее муж Владимир до призыва в армию водил свой вертолет по тюменским таежным трассам, над Сургутом и Нижневартовском, над нефтепроводами, обскими разливами, караванами судов. Она приносила с собой аккордеон мужа, нажимала на кнопки и возвращала себе прошлое...

А Надя Ускова, поджидая своего Александра, каждый день пекла пироги и накрывала стол. А потом выносила уже остывшие пироги на улицу и раздавала детям. А назавтра снова пекла. Ей предлагали: «Пока мужа нет, поезжай к родным, отдохни. На тебе лица нет!» Она отвечала: «Здесь его провожала, здесь и встречу!»

Галина Курбатова — старшая из трех. И, сама изводясь в сомнениях, она старается поднять дух у подруг: «Милые, держите себя в руках. Мы ко всему должны быть готовы. Мы же офицерские жены...».

Родные мужа прислали с Волги письмо. Прочитали ноту в газете — советский вертолет захвачен маоистами. И тревожатся — не там ли их Александр? Не знают еще, а предчувствуют.

Сколько горя сразу возникло, завихрилось с тех пор, как машина с иссякшими баками, посылая последние радиограммы, опустилась на землю к вооруженные китайские солдаты окружили вертолет! В судьбы жен, матерей ворвалась беда, стала расходиться кругами, захватывая все новые судьбы.

...Я смотрю в окно на далекие хребты. Я помню хребты, солончаки и колючие джунгарские ветры, со свистом летящие из Китая, пять лет назад. Помню заснеженные сопки в рыжих неопавших дубах, лед Уссури и убитых пограничников. Женщины колотились лбами о тесовые доски, падали лицами на лица мертвых сыновей, орошали их гимнастерки слезами:

— Коля, Коленька, надежда моя первая и последняя! Да какой же у тебя красивый был чуб, а теперь он у тебя весь в крови! Да дай же я тебе поцелую все твои раны! Почему ты не встанешь, мамочке слова не скажешь! Да что они там с тобой понаделали, искололи твои белые ручки, твои синие глазки!

Эти слезы до сих пор у меня перед глазами...

— Мне нельзя падать духом, — говорит Галина Курбатова. — Моя маленькая все уже чувствует... Я стараюсь думать, что все хорошо окончится. Я не одна. Со мной однополчане мужа. Мои друзья, мои близкие. Я знаю — все наши люди, весь народ волнуется, переживает, ждет возвращения летчиков. Правительство прилагает все усилия, чтобы наши мужья вернулись. Я верю: Саша скоро будет с нами. Мы поедем на Волгу. Недавно он подарил мне отрез на платье. Я сошью себе платье такое, как он хотел. Мы сфотографируемся, теперь уже все вчетвером, и он станет брать эту карточку в свои полеты. Ведь правда, все это будет? Ну скажите, ведь правда — будет?..

Я слушаю ее, верю вместе с ней, что будет именно так. Что победит справедливость. Экипаж советского вертолета возвратится на Родину, к товарищам, женам, детям.

Родина борется за вас, летчики! Мы — с вами!

Мужества вам!

Александр ПРОХАНОВ,
специальный корреспондент «Литературной газеты»

ДОКУМЕНТЫ, ЛЮДИ, ВРЕМЯ

«КОНТРАКТУЮ СЕБЯ...»

Б. СИВАК,
заместитель министра тракторного и сельскохозяйственного машиностроения СССР

...Я ПЕРЕБИРАЮ фотографии и документы, присланные харьковскими тракторостроителями. Многие из них рассказывают о том, как строился завод, как создавался на Украине первый трактор — еще на железном ходу, громоздкий и по нынешним представлениям малосильный... Кое-какие из этих старых фотографий хорошо памятны мне. Другие, те, что сделаны в последние годы, я вижу впервые, хотя и очень хорошо знаком с событиями, запечатленными на них. Дело в том, что вся моя трудовая жизнь связана с отечественным тракторостроением. И сейчас я с особым волнением вспоминаю те далекие тридцатые годы, когда я после окончания профтехшколы пришел на строительство Харьковского тракторного.

...1931 год. Ударница Маруся Бугаева садится за руль первого трактора с маркой ХТЗ. Как мы гордились тогда им, своим пятнадцатисильным красавцем! 1 октября 1931 года Центральный Комитет нашей партии направил коллективу завода приветственное письмо. Были в нем такие строки: «Строительство Харьковского тракторного завода, вступающего в семью тракторных заводов, останется в истории социалистической индустрии нашей страны образцом подлинных большевистских темпов».

В тот день на заводе состоялся торжественный митинг. На нем присутствовали генеральный секретарь ЦК КП(б)У С. В. Косиор, председатель ЦИК СССР и ВУЦИК Г. И. Петровский. И вдруг над головами собравшихся появляется самолет. Его пилотирует Михаил Водопьянов. Вниз летят листовки с приветствием «Правды» и стихами Александра Безыменского. А 20 января 1967 года страна поздравила харьковских тракторостроителей с миллионной машиной.

Смотрю на фотографию юбиляра и невольно прикидываю: 36 лет потребовалось харьковским тракторостроителям для того, чтобы выпустить миллионную машину. И только 7 лет, чтобы собрать полуторамиллионный трактор, — он покинул конвейер в конце прошлого года.

Я вспоминаю, какой славой пользовался в тридцатые годы бетонщик Тракторостроя Иван Сидоренко. 1 июля 1931 года «Правда» писала о нем: «...Герой и командир штурмового комсомольского батальона бетонщиков тов. Сидоренко вывел на строительство литейного цеха 66 лучших ударников-комсомольцев...»

Разместив в шахматном порядке своих ударников, Сидоренко отдал приказ начать работу. К концу рабочего дня по Тракторострою разнеслась радостная весть — батальон Сидоренко дал свыше 800 замесов

Чуть позже Иван Сидоренко поставил новый мировой рекорд — 937 замесов! А ведь незадолго до этого специально приехавший в Харьков австрийский профессор-специалист Зайлигер утверждал, что бетономешалка такого типа не может дать больше 240 замесов.

Значит, смогли.

Недавно мне довелось посмотреть рабочую книжку Ивана Сидоренко. В ней рукою прославленного бетонщика написано: «Контрактую себя до конца пятилетки на ХТЗ».

Я не случайно так подробно рассказываю об Иване Сидоренко. Совсем нет. Просто мне хотелось подчеркнуть очень важный, на мой взгляд, момент: на Харьковском тракторном трудится немало людей, которые по праву считают себя наследниками славных традиций ударников первой пятилетки. Я бы даже сказал — они не просто наследники, но и творческие продолжатели этих традиций.

Трактор девятой пятилетки

◄ Маруся Бугаева за рулем первого трактора ХТЗ

Берлин. У памятника советскому солдату в Трептов-парке

Фоторепортаж специального корреспондента «Литературной газеты» Михаила ТРАХМАНА

Александр КРИВИЦКИЙ

БИТАЯ КАРТА

1.

Экспресс мчит в Берлин. Зашторенное купе освещено синим, неджным огоньком, словно маскировочным светом военного времени. Одиноко курю. В сознании проплывают и возвращаются две строчки: «А нынче нам нужна одна победа. Одна на всех. Мы за ценой не постоим» — слова из песни ветеранов в кинохронике «Белорусский вокзал».

Но у каждого на пути к победе был свой вокзал, откуда человек отправлялся на фронт, свои дорожные столбы, свои карты-двухверстки. Биографии людей вплетались в судьбу народную. Родился я в Курске, жил, рос и в мыслях, конечно, не держал тогда, что случится мне побывать в Берлине. На горизонте страны вспыхивали зарницы первой пятилетки. В городе вновь стали поговаривать о железных рудах Курской магнитной аномалии. Берлин был далеко-далеко...

Только однажды, уже в Москве, когда к нам, комсомольцам фабрики имени Парижской коммуны, приехала группа спартаковцев в юнгштурмовках, портупеях, в фуражечках, а на них значки с изображением Эрнста Тельмана, ввинченные в околыши, я подумал: а чем черт не шутит, может, и я когда-нибудь вот так же поеду к берлинцам в гости с фабричными ребятами — повезем подарки. Было это в 1931 году.

Через десять лет началась война, и я твердо знал: если не убьют, дойду до Берлина, не так, как привиделось однажды, не с подарками и улыбкой, а с оружием в руках. И дошли. И слились для меня воедино Курск с его магнитной аномалией, город детства, где я никогда не думал о Берлине, и Берлин, где я всегда и неизменно помню о Курске.

И все-таки в Берлин я ехал теперь без особого волнения. На его улицах и площадях испытал я торжество победы и чувство это унес с собой в Москву, ни разу после этого не побывав там, откуда вынеслась фурия войны и куда мы последним пинком загнали ее подыхать. Для того, кто воевал, географическое название, каким бы новым смыслом оно ни наполнялось, навсегда останется прежде всего боевым рубежом. Тут уж ничего не изменишь! А все-таки время делало свое. Берлин превратился в столицу ГДР и мало-помалу уже перестал вязаться в моем сознании только с последними днями войны в Европе.

Сумерки. Экспресс останавливается у широкой платформы Восточного вокзала. Я почему-то медлю. Выхожу в коридор. Вагон уже пуст. В тамбуре мелькает последний чемодан. Иду и я к выходу. И вот уже товарищ Берлин протягивает мне руку.

Много воды утекло и в Москве-реке, и в Шпрее, прежде чем мы смогли так дружески обратиться к этому городу — товарищ! И когда ходишь по его широким проспектам, всматриваешься в лица его жителей, то как будто наглядно ощущаешь эти перемены времени и вновь следишь за этой, унесенной течением и ветром водой, то черно-непроницаемой, как фашистская ночь, то зловеще-багряной, как окровавленное поле битвы, то белесо-мерцающей, как ледоход в затуманенном утре, то широко катящей свои литые волны под солнцем нового дня.

Нелегко давалась нам, да и самому Берлину, «эта его новая жизнь». В книге маршала Г. К. Жукова «Воспоминания и размышления» я с огромным интересом прочел страницы, где речь идет о начале нашего наступления. Там есть подробность, ранее неизвестная читателям, за исключением военных специалистов и тех, кто сам воевал на этом фронте: «Я взглянул на часы: было ровно пять утра... В воздух взвились тысячи разноцветных ракет. По этому сигналу вспыхнули сто сорок прожекторов, расположенных через каждые 200 метров. Более ста миллиардов свечей освещали поле боя, ослепляя противника и выхватывая из темноты объекты для наших танков и пехоты. Это была картина огромной впечатляющей силы, и, пожалуй, за всю свою жизнь не помню подобного ощущения... Гитлеровские войска были потоплены в сплошном море огня и металла». (Теперь иностранные военные журналы пишут о подсветке поля боя как о новинке последнего времени. Мы знаем, где эта новинка была применена впервые как блестящий оперативно-тактический прием.)

Какие усилия Советской страны и какое умение нашей армии понадобились, чтобы сокрушить сильного и опасного противника, завершить войну, открыть путь к созданию германского социалистического государства, превратить Берлин из врага в товарища!

Иду по улицам этого города. Вижу, чувствую, понимаю: он давно перечеркнул свое фашистское прошлое. Его взоры обращены теперь к тем бессмертным чертам собственной биографии, что близки и дороги трудящимся.

Что в этом здании? Библиотека. В 1895 году в эту библиотеку записался молодой русский по имени Владимир Ульянов... Площадь Маркса и Энгельса, улица Ленина — это адреса сегодняшнего Берлина. Иду дальше. Вот решетчатый балкон, сейчас пустынный. 9 ноября 1918 года с этого балкона Карл Либкнехт провозгласил социалистическую республику Германию — и первый отклик пришел из России, от Ленина. Бесновалась немецкая реакция. Либкнехт был убит. Накануне гибели он писал: «Побежденные сегодня станут победителями завтра». Он глядел в будущее.

Слова Коммунистического манифеста «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» были впервые написаны и произнесены на немецком языке, но нужны были Октябрь семнадцатого и Май сорок пятого, чтобы они победно прозвучали в Германии. Нужны были подвиг и великие жертвы советского народа, борьба немецких коммунистов. И вот движутся колонны демонстрантов по широким проспектам преображенного Берлина. Стоят на трибуне руководители ГДР — сподвижники Вильгельма Пика, наследники Эрнста Тельмана.

Давным давно, еще комсомольцем, я слушал в Москве антифашистские песни молодого, худощавого, одетого в защитного цвета юнгштурмовку Эрнста Буша. Помню его сжатые кулаки, твердый, упрямый подбородок, сильный, тревожный голос — это «поющее сердце рабочего класса». И в душе, как эхо двадцатых годов, гремит его песня: «Марш левой, два, три, марш левой, два, три. Встань в ряды, товарищ, к нам. Ты войдешь в наш единый рабочий фронт, потому что рабочий ты сам». Как давно это было!

И снова теперь уже грузный седой человек поет этот старый марш, и сердце сжимается, когда думаешь, сколько всего — и горя, и мужества, а главное веры — за плечами у этой боевой песни немецкого рабочего класса. Сердце сжимается, но на губах у тебя блуждает смутная улыбка, в которой смешались и старая боль, и память о борцах, погибших за общее дело, и чувство торжества.

Нет, недаром прошли годы, отделяющие молодого Эрнста Буша от этого ветерана, рубящего ритм старого мотива взмахами тяжелой руки.

Осматриваю Берлин. Александер-плац — одна из красивейших площадей Европы. Я видел в ГДР многое. Новое строительство, удивляющее размахом и качеством исполнения. Промышленность, математически точный и одухотворенный труд. Научные лаборатории, где «сумрачный немецкий гений» утратил прежнюю угрюмость, ибо творит не ради имперских вожделений усатого кайзера или бредней демонического фюрера, а в пользу социализма и мира.

Берлинцы отдыхают, и праздничный веселый гомон на улицах рушит стародавнее представление о филистерской чинности немецкого характера. Шумит, играет народный карнавал. Заводы и институты соревнуются в злободневной выдумке. Среди персонажей прошлого — сапожник Вильгельм Фойгт, знаменитый «капитан из Кепеника». Мы видим его среди карнавальных масок. В начале века, переодевшись в офицерскую форму, он хитроумно поверг в смятение почтенного бургомистра, ловко конфисковав городскую кассу, и навсегда вошел в хрестоматию веселых берлинских анекдотов.

Карл Маркс-аллее заполнена малышами, увлеченно рисующими на асфальте цветными мелками — это традиционный в Берлине конкурс детского рисунка на улице. Можно рассмотреть готовые работы: вот солдаты мира у Бранденбургских ворот. А вот пушистое солнце, нарисованное девочкой. Так я их и вижу вместе — огромное красное солнце и крохотную немецкую девчурку.

2.

На второй день после приезда в Берлин, как нетрудно догадаться, я отправился в Карлсхорст. Тогда, в мае 1945 года, этот район был, пожалуй, самым оживленным в огромном разрушенном городе. Здесь сновали во все стороны зеленые «виллисы», маршировали по мостовой солдаты, носились на мотоциклах связисты. Здесь слышалась многоязычная речь, сверкали серебряные нити в аксельбантах чужеземных мундиров, гудели клаксоны трофейных «майбахов» и «хорьхов».

Сейчас я увидел перед собой тихие улочки, затененные пышными кронами старых лип и кленов, редких прохожих на ухоженных тротуарах. Здание военно-инженерного училища показалось мне таким неказистым, что я сначала проехал мимо него и, только скользнув глазами по ограде и воротам, у которых в тот майский день сорок пятого стояли наши часовые в полной походной форме, закричал своему спутнику: «Да вот же он, этот дом, вот он в глубине двора, смотрите!»

Здание, где происходила церемония капитуляции гитлеровской армии, теперь музей. Я долго стоял в зале, где фельдмаршал Кейтель в последний раз валял дурака, выделывая экзерсисы со своим жезлом, где прозвучал голос Георгия Константиновича Жукова, Героя-маршала Советского Союза, когда он поднял с места фашистскую делегацию, заставив ее пройти дорогой позора к столу, за которым ее глава и подписал акт о капитуляции. Я закрыл на мгновение глаза и внутренним зрением увидел в мельчайших подробностях картину того долгого дня. Все задвигалось, заговорило, наполнилось движением...

В комнатах, соседних с главным залом, стены с экспонатами вели рассказ о последних днях фашистского Берлина. Здесь все мне хорошо знакомо еще с тех времен. И красное знамя над рейхстагом, и последние разрывы гранат, и полузатопленное берлинское метро, искаженные волчьи глаза эсэсовцев. Я видел все это не на фотографиях. Образцы трофейного и отечественного вооружения, захваченные в бою знамена жестокого и злобного противника, и вдруг — в дальнем углу — большая карта, испещренная разноцветными знаками. Откуда она? Иду к ней, пересекая большую комнату по отлакированному паркету.

Карта немецкая. Вчитываюсь в названия, разглаживаю направления отметок и понимаю, что она отражает динамику завершающего сражения. В углу карты что-то написано по-русски. Переписываю этот текст в алфавитную книжку — другой не было:

«Карта взята мною на столе Гитлера и его кабинете в бункере имперской канцелярии в 6.00 ч. 2 мая 1945 года и передана в 12 часов этого же дня 1945 года члену Военного Совета 5-й Ударной Армии генерал-лейтенанту Ф. Бокову.

Командир батальона охраны имперской канцелярии — вр. 4 сб. 1050 сп, 301 сд, 9 стр. кор. 3 Ударной Армии Ф. Шаповалов».

(Объясняю: сб — стрелковый батальон, сп — стрелковый полк, сд — стрелковая дивизия. — А. К.).

А еще ниже крупными буквами подтверждение:

«Карта из кабинета Гитлера.

Ф. Боков

2 мая 1945».

Первый раз вижу эту карту. Даже не подозревал о ее существовании. И нигде о ней не читал — может быть, пропустил.

Записал я этот текст, как уже говорил, в алфавитную книжку, а вечером, перелистывая ее, чтобы позвонить моему доброму знакомому Леониду Алексеевичу Чикину, сотруднику нашего посольства, ошибся буквой и открыл страничку на «ш». И машинально пробежал глазами фамилии: Шумейко Григорий (это известный социолог), Шутой Веньямин (политработник в армии генерала Жадова, участник встречи с американцами на Эльбе — давно его не видел), Шевцов Василий (директор Музея Ленинские Горки, давний приятель), Шугал Марк (опытный международник, старый работник ТАСС).

Но что это? Шаповалов Ф. Телефон не указан, только адрес: Севастополь и т. д...

Так с этим Шаповаловым я давно в переписке, хотя и весьма лаконичной. Поздравляем друг друга с праздниками, военными датами. Кажется, я с ним познакомился уже после войны, а впрочем... Нет, не помню. Шаповалов, да еще Ф. А что если именно этот Шаповалов и есть тот самый советский офицер, что взял карту со стола Гитлера?

3.

Вернулся в Москву, написал ему: так, мол, и так, сообщите. Вскоре из Севастополя пришел и ответ. Привожу его здесь целиком:

«Дорогой Александр Юрьевич! Сообщаю Вам о том, как и при каких обстоятельствах попала в мои руки оперативная карта Адольфа Гитлера.

Естественно, что в момент боев за овладение правительственными зданиями: дом гестапо, здание Министерства авиации, Имперская канцелярия и ряд других, ни у меня, ни у моих боевых товарищей не было даже мысли о какой-то оперативной карте. Каждый, в том числе и я, мечтал захватить в плен Гитлера.

В те минуты каждый из нас был неописуемым фантазером. Мне и моим боевым соратникам рисовались картины самых сложных ситуаций пленения фюрера. Реальная обстановка ожесточенного сражения не оставляла простора для мечтаний. Впрочем, как все это было. Вы хорошо знаете из личных наблюдений того времени.

Во время боя внутри Имперской канцелярии, когда дрались за каждую комнату, каждый этаж, воины моего батальона во главе с офицерами Алимовым, Гайнулиным, Гарагулей, сержантом Федорченко, младшим сержантом Залыгиным пленили майора немца. Имени пленного я теперь не помню, но у меня есть его фотография (посылаю ее Вам). Бой закончился, а этот майор-немец, говоривший чуть-чуть по-русски, превратился в нашего гида. Когда мы осматривали подземные апартаменты Гитлера, то и обнаружили на его столе карту. Майор-немец сказал нам, что генерал Кребс последний раз докладывал по ней Гитлеру боевую обстановку в 8.00 30 апреля 1945 года. Сказать по правде, трофей этот меня не взволновал. Фашисты были разгромлены, и карта эта, на мой взгляд, не представляла уже никакой военной ценности. Я даже хотел изорвать ее в клочья и бросить в ворох различной макулатуры, которой там было в предостаточном количестве.

Но бывший комсорг батальона Салиджан Алимов и направленец из штаба 5-й Ударной Армии капитан Насыр Гайнулин предложили сличить обстановку, нанесенную на карте Гитлера, с расположением частей на наших оперативных картах. Вскоре в Имперскую канцелярию прибыли командир 1050 сп гв. подполковник И. Гумеров, командир 301-й Сталинской стрелковой дивизии полковник В. Антонов, начальник штаба этой дивизии полковник М. Сафонов, командир 9-го Краснознаменного стрелкового корпуса Герой Советского Союза генерал-лейтенант И. Рослый, начальник штаба этого корпуса полковник Е. Шикин. Вместе с ними был капитан Советской Армии Артур Вильгельмовнч Пик — сын ныне покойного президента Вильгельма Пика.

Вот тогда-то мы и приступили к сличению карт. Мы удивились одной особенности оперативной карты Гитлера: расположение наших войск было обозначено на ней значительно ближе к атакуемым объектам, чем это было сделано на наших картах. Капитан Гайнулин разгадал, в чем тут дело: фашистские штабисты наносили положение наших войск по самым ближним точкам, выдвинутым к их позициям. В наших же штабах линия боевого соприкосновения обозначалась местоположением командных пунктов батальонов или рот.

Около 12 часов дня 2 мая 1945 года в Имперскую канцелярию прибыл Военный Совет 5-й Ударной Армии. Генералы Н. Берзарин, Ф. Боков, А. Кушев, П. Косенко и другие. Они осматривали наземные и подземные сооружения, где размещалась Ставка гитлеровских войск и гражданские правительственные учреждения. На многие вопросы давал пояснения Артур Пик.

Командарм Н. Берзарин и член Военного Совета Ф. Боков, осматривая здание Имперской канцелярии и бункер Гитлера, дали мне указания, связанные с охраной объекта. Кто-то из них спросил: «Что же вы не поймали Гитлера?» Я ответил, что Гитлера пока не обнаружили, а оперативную карту его захватили. В этот момент я и отдал генералу Ф. Бокову карту фюрера, предварительно учинив на ней памятную надпись.

Такова краткая история с этой картой.

Бывший командир 2 сб, 1050 сп, 301 сд, 9 МСК 3-й УА майор запаса Ф. ШАПОВАЛОВ.

5.IX 73 г.»

Получил и это письмо, порадовался, вот, думаю, какие загадки загадывает да и разгадывает жизнь. И снова подумал об этой карте. Что же в ней особенного? Ну, прежде всего до нее надо было дойти. Карта лежала на столе у Гитлера. Да, до нее нужно было дойти. И сколько преград громоздилось на этом пути! Огонь бушевал, гремело железо, гибли люди, грудью прокладывая дорогу живым. И вот красный флаг над рейхстагом. Советский солдат в новой Имперской канцелярии. Офицер Федор Шаповалов берет карту со стола фюрера, глотнувшего крысиного яда.

Не раз я видел немецкие военные карты. «Отработанные» нашими штабистами, они уже пылились среди трофейного имущества, но стоило нам развернуть любую из них, как в глаза прыгали, бросались зловещие стрелы — обозначения фронтальных ударов, обходов, охватов. Ах, как любили гитлеровские генералы «бои на уничтожение живой силы противника», как обожали они «клещи» и как стремились захлопнуть крышки «котлов» — действительных или воображаемых. Стрелы на тех картах не только отражали свойства гитлеровской стратегии и тактики — разлад между желаниями и возможностями, злобное упрямство, пристрастие к шаблону, но и фиксировали общие черты характера генералов со свастикой — высокомерие, чванливость, убежденность в собственной исключительности.

И вот карта со стола фюрера. Это карта конца. Она лишена угрожающих стрел наступления и фланговых ударов. Мы видим плацдарм, сжатый до пятачка, и нервически нанесенные на сетку дорог полукружья — последние очаги сопротивления преторианцев фашистского императора. Даже флажков, обозначающих линии боевого соприкосновения, нет на этой карте. Осталась только пестрядь крохотных дырочек да наверху, во дворе канцелярии, выбоина в бетоне на том месте, где провалился в преисподнюю полусожженный Гитлер.

Да, это карта конца, битая карта!

Недавно, перечитывая прекрасные мемуары Маршала Г. Жукова, наткнулся на знакомую фамилию. Георгий Константинович пишет: «В составе одной из штурмовых групп 1050-го стрелкового полка предельно смело действовала инструктор политотдела 9-го стрелкового корпуса майор Анна Владимировна Никулина. Вместе с офицерами Н. Давыдовым и Ф. Шаповаловым она водрузила Красное Знамя над Имперской канцелярией».

После войны Федор Кузьмич Шаповалов пошел служить в морской флот. Долгое время плавал первым помощником капитана в Северном бассейне. Сейчас — на Черноморье. В 1971 году награжден орденом Октябрьской Революции.

4.

Деда привели меня в Западный Берлин. Сплошная цепочка роскошных витрин на Курфюрстендам, алюминиевое сверкание зданий международных банков и отелей — фасад Западного Берлина, стоящего на границе двух миров, отделан весьма тщательно.

Но за ним, за этим рекламным блеском, таятся мучительные проблемы, и не только те, что коренятся в генах буржуазного общества. Городу была предназначена роль мины замедленного действия в Центральной Европе. Процесс разрядки напряженности, казалось бы, ее обезвредил.

Но есть же еще охотники вновь зарядить эту мину, воткнуть в нее взрыватель: тот же Штраус и тот же Шпрингер со всеми его газетами и журналами. Шумный лидер оппозиции в бундестаге Карстенс заявил: «Нам необходимо упорно добиваться перенесения в Берлин различных учреждений федерации». Но ведь подобные акции означали бы нарушение четырехстороннего соглашения об этом городе.

Реваншисты не утратили желания снова навязать ФРГ реакционный курс. Подтверждений тому — сколько хотите. Вот боннский генерал Штайнхоф. До недавнего времени он занимал пост председателя военного комитета НАТО. И он встретил в штыки предложение дополнить политическую разрядку военной. А известное решение Федерального конституционного суда в Карлсруэ — высшего судебного органа страны? Как было дело? Партия ХДС и Штраус «обжаловали» в этой инстанции договор об основах отношений между ФРГ и ГДР. Суд посчитался с реальностью и признал договор законным. Но позволил себе интерпретировать его в том смысле, что, мол, Германская империя не погибла 8 мая 1945 года, а следовательно, рубеж между ГДР и ФРГ не есть граница суверенных государств.

По этому поводу видный деятель Германской коммунистической партии Курт Бахман задал два остроумных вопроса: «Что же тогда погибло и кто капитулировал? Поскольку фашистский государственный аппарат империи был полностью разгромлен и перестал существовать, а уцелела только одна организация — верховное командование вермахта, — под документом о безоговорочной капитуляции гитлеровской Германии стоят подписи фельдмаршала Кейтеля, генерала Штумпфа и адмирала фон Фридебурга. Уж не хотят ли судьи в Карлсруэ объявить сии подписи недействительными?»

Эти вопросы содержат в себе и непререкаемые ответы. Победоносная борьба Советского Союза, антигитлеровской коалиции освободила народы от фашистского ига. Вместе с Гитлером рухнула и мечта о «великогерманском рейхе». Все это — железные факты истории. На их основе и строится здание мира и европейской безопасности.

А что касается Кейтеля, Штумпфа и фон Фридебурга, то я сам видел их подписи на акте капитуляции, а Федор Кузьмич Шаповалов на шесть дней раньше добрался до личной карты Гитлера, и все мы — миллионы советских людей — кровью своей скрепили листы бумаги, подписанные 9 мая в Карлсхорсте.

Отрывок из очерка «Размышления на пути в Берлин». Полностью печатается в № 5 журнала «Знамя».

8 мая немецкий народ отмечает День освобождения Германии от гитлеровского фашизма.

9 мая — Национальный праздник народов Чехословакии, День освобождения Чехословакии от фашистских захватчиков.

Мы публикуем стихи поэтов ГДР Луиса Фюрнберга и Макса Циммеринга, чешского поэта Йозефа Кайнара и словацкого поэта Владимира Райсела.

Луис ФЮРНБЕРГ

(ГДР)

Каждая мечта

Каждая мечта, что не сбывалась,
Каждый бой, в котором не везло, —
Все в конечном счете оправдалось
Бедам и несчастиям назло.
Горечь сердце обдавала жаром,
От обид жестоких взгляд потух.
Но ничто не проходило даром,
Лишь сильнее закаляло дух.
Что смиренно ожидать удела!
Ты один вершишь свою судьбу.
Поднимайся на святое дело
И вставай на правую борьбу!
Одолев утраты и страданья,
Победив сомненье и страх,
Отдал людям я свое призванье,
Их мечты воспел в своих стихах.

Макс ЦИММЕРИНГ

Праздник освобождения

К 8 МАЯ

Они везде, куда ни взгляни, —
Идут по улицам советские солдаты.
Мы вышли к ним, волненьем объяты.
Что впереди!
Последний взрыв встряхнет земную твердь.
И флаги красные взметнутся к небосводу,
Провозглашая радость и свободу
Да сгинет смерть!
Нам долго темень застилала взор.
Под лютым страхом наши спины гнулись.
Но мы воспряли и от сна очнулись,
Чтоб смыть позор.
Растерзанная, мертвая земля,
В тебя мы зерна первые бросаем.
И заново отчизну обретаем,
Ей жить веля!
Чтоб никогда не вспыхнула война
И над землею ночь не воцарилась,
Окрепла, возмужала, закалилась
Моя страна.
И вот опять весна у нас в краю.
Цветут поля. Под солнцем блещут реки...
...Мы с братьями советскими навеки
В одном строю.

Перевела с немецкого Ирина ГРИЦКОВА

Йозеф КАЙНАР

(ЧССР)

После войны

Сколько армий прошло, прошагало по нашим полям —
не упомнишь.
Лишь мундиры сменяли мундиры
и звучали
разные, но одинаково чуждые речи.
Солнце в Моравии светит жарко и щедро,
у виноградарей в бочках бурлит молодое вино.
Добрая воля людей
и электроцентрали
излучают благодатные токи,
чтобы с приходом ночи —
ручного и черного звездоглазого зверя —
не угасали огни
в городах и селах.
И вечерами
в моравских жилищах
только одну армию вспоминают с любовью.
И в сердце моем
до сих пор
счастья мгновенье, когда я увидел
первый танк со звездой,
тяжелый, как радостный гром,
ворчащий в моравских долинах.
Надписи на могилах красных солдат
в придорожных скверах
и на городских площадях
будут самою первой азбукой,
по которой я буду учить сына.

Перевел с чешского Бронислав ХОЛОПОВ

Владимир РАЙСЕА

Освободители

Больше четверти века назад — да правда ли это! —
как у нас в заваленном доме мы вместе сумерничали
с инженером кудрявым — мечтательным одесситом.
Он следил за какою-то божьей коровкой на ромашковом
венчике...
Где теперь он! Мечтает! Живет!
Или спит вечным сном, под словацким каштаном зарытый!
Больше четверти века назад — да правда ли это!
Время неотвратимо проступает на лицах у нас.
И дитя, первым криком тогда о себе заявившее свету,
демонстрирует нынче густой и уверенный бас.
Больше четверти века назад — да правда ли это!
Возраст, мой и его, — за полувековым указателем.
Он со мною сидел, но глядел как-то дальше и выше...
Что тогда говорил он! Да, помню:
потягивал кофе остывший
и, вздыхая, рассказывал об Одессе, о матери.
Ну, а мать! Как жила! Ожидала! Надеялась! Верила!
Вместе с нами, живыми, она или в мире ином!
Довелось ли обнять ей курчавого инженера
или плачет она, больше четверти века плачет о нем!

Перевел со словацкого Бронислав ХОЛОПОВ

«Требование времени заключается в том, чтобы абсолютно новое направление было открыто в отношениях между народами Индии, Бангладеш и Пакистана», — писал известный пенджабский поэт Пиара Сингх Сахраи. На ташкентской встрече, состоявшейся в сентябре прошлого года, в которой приняли участие писатели Бангладеш, Индии, Пакистана и Советского Союза, в выступлениях участников звучала твердая решимость бороться вместе со всеми прогрессивными силами Индостанского полуострова за превращение Азии в континент мира, всемерное развитие добрососедских отношений и всестороннего сотрудничества.

Великий Рабиндранат Тагор писал: «В слове «литература» [«сахит» — «вместе», «сообща»]... содержится понятие общности. Это не только единение мысли и языка; в литературе прежде всего проявляется единение человека с человеком, прошлого с настоящим, далекого с близким». Сегодня, в преддверии встречи деятелей литературы Бангладеш, Индии, Пакистана и Советского Союза, мы публикуем очерки писателя Ануара Алимжанова и критика Евгения Сидорова, посвященные встречам с писателями Бангладеш и Пакистана, а также статью доктора филологических наук Е. Челышева, в которой автор рассказывает о современной индийской литературе.

Ануар АЛИМЖАНОВ

НАСЛЕДНИКИ ТАГОРА

Еще не успела сойти дневная жара, когда по улицам, укрытым черным покрывалом наступающей южной ночи, пошли многочисленные нестройные колонны. Полыхали факелы, высоко поднятые над головами.

Шел босой люд, шел молча. Все больше и больше становилось факелов, все теснее на улицах. Бесконечные людские потоки в молчании направлялись туда, где находился памятник жертвам борьбы за свободу.

Шли босиком, оставив свою обувь дома, чтобы не осквернять святыню: такова древняя традиция мусульман. В траурном молчании народ шел к памятнику борцам за самое священное для каждого бенгальца — за свободу родного языка, за расцвет своей культуры, за то, чтобы иметь право в студенческих аудиториях, колледжах и школах говорить на своем языке, петь родные песни, читать стихи Тагора и Назрула Ислама.

Не только жители Дакки — столицы Народной Республики Бангладеш — шли в эту ночь, чтобы отдать дань уважения памяти борцов. С цветами и венками со всех окрестных деревень в столицу стекались пахари и рыбаки...

Оставив обувь в номере гостиницы, мы, гости Первого съезда писателей Бангладеш, присоединились к ночной процессии.

От заката и до восхода солнца длилась она.

Труден и долог был путь к свободе, к дню, когда стало возможным выполнить священный гражданский долг — проявить любовь и уважение к памяти тех, чье «безумство храбрых» торило дорогу в будущее родины.

Но когда же началась эта борьба, эта трудная дорога навстречу заре свободы?

Быть может, еще в те далекие времена, когда зарождалась литература бангла? Ведь бенгальская литература во все века славилась революционными традициями. А может, она началась у истоков нашего трудного, стремительного и прекрасного века? Но может быть, свет этой могучей зари прорвался сквозь тучи, когда победой разума закончилась вторая мировая война?

Или же она началась в 1947 году, когда Восточная Бенгалия — нынешняя Бангладеш — стала отдельным краем?..

...Как советский литератор я был гостем первого съезда писателей Бангладеш, длившегося целую неделю.

Поэтам и прозаикам молодой республики было о чем поговорить и поспорить. Каждый оратор, будь то делегат или гость, в своих доводах и размышлениях опирался на историю народа и его культуры. И все говорили о важной для бенгальцев дате — 21 февраля. Этот день назван Днем жертв, днем памяти борцов за свободу.

— 21 февраля 1952 года на залитых кровью улицах Дакки родилось наше движение, — так говорил глава государства шейх Муджибур Рахман об истории борьбы страны за свою свободу, за свободу родной культуры и призвал всех писателей молодой республики всегда быть вместе с народом и всегда защищать его интересы.

«Моя золотая Бенгалия» — так назвал этот край в своих стихах, которые стали гимном молодой республики, великий Тагор.

Поэтичен язык народа, поэтичны названия его городов и полей, прекрасны песни бесстрашных рыбаков Бенгалии, в утлых лодчонках бросающих вызов океану.

Стихи здесь не читают, а поют, как в древности, заучивая на слух, потому что 85 процентов населения неграмотно.

Три года независимости — срок небольшой. Но даже за это время сделано немало — национализированы крупнейшие джутовые предприятия, банки. С помощью советских специалистов в кратчайший срок очищен и восстановлен порт Читтагонг — морские ворота страны, жизненно необходимые для ускорения строительства нового общества. Но чтобы завоевать полную экономическую независимость, надо многое сделать.

Мне приходилось встречаться с многими писателями, государственными и политическими деятелями молодой республики, выступать перед студентами Даккского университета, прославленного своими революционными традициями. И я знаю, что среди них много наших друзей, так же как и друзей Бангладеш в нашей стране. И с кем бы мы ни беседовали — с государственным служащим, поэтом или рабочим, мы слышали слова любви и дружбы к великой Стране Советов, странам социализма. И каждый из них подчеркивал, что культура и литература народов Индостанского субконтинента имеют древние традиционные связи, что литературы Бангладеш, Индии и Пакистана взаимосвязаны. И теперь, когда страна стала свободной, она будет бороться за развитие этих традиций потому что, как говорит молодой поэт-коммунист Матиур Рахман:

«Социализм провозглашен одним из основных государственных принципов страны, и желаемые результаты не смогут быть достигнуты, если изолировать наше культурное движение от общего национально-освободительного движения народов».

Об этом писатели Бангладеш говорили на V конференции литераторов Азии и Африки осенью минувшего года, эту же мысль они подчеркивали и на первой встрече писателей Индии, Пакистана и Бангладеш в Ташкенте, которая состоялась по инициативе Советского комитета по связям с писателями стран Азии и Африки после конференции.

Я уверен, что эта же идея станет главенствующей в дни предстоящей второй встречи деятелей литературы Индии, Пакистана, Бангладеш и Советского Союза.

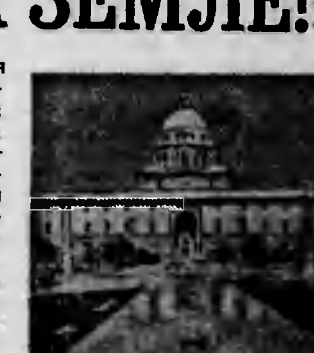
Доброй работы вам, братья из Индии, Пакистана и Бангладеш! Мы с вами, наследники Тагора, Премчанда, Мухаммеда Икбала, талант и разум которых по-новому осветили культуру и литературу народов Индостана в начале нашего неспокойного, трудного, но прекрасного двадцатого века.

АЛМА-АТА

Е. ЧЕЛЫШЕВ,

доктор филологических наук

«БЕЗМЕРНОЕ СЧАСТЬЕ— МИР НА ЗЕМЛЕ!»



«Писатели сегодня находятся в авангарде борьбы за прогресс, — говорил на ташкентской встрече Абдула аль-Мути Шарафуддин. — Наши писатели занимают ключевые позиции во всех демократических движениях страны». Эти слова литератора из Бангладеш в полной мере можно отнести и к индийским писателям, живущим тревогами и чаяниями своей родины.

Страстное утверждение мира и созидания, протест против войны и разрушения, призыв к счастью и освобождению человека являются лейтмотивом всего индийского культурного наследия, оказывающего огромное воздействие на культурную и духовную жизнь народов, населяющих страны Индостанского субконтинента. «Безмерное счастье — мир на земле, нет большего блага на свете», — говорится в Ведах, древнейших памятниках индийской литературы. «Пусть вражда и ненависть исчезнут, пусть будет только мир, мир, мир!» — провозглашается в Упанишадах, древнеиндийских философских трактатах.

Современные писатели Индии, Бангладеш и Пакистана сохраняют и развивают эти гуманистические традиции классического наследия, наполняют их новым, конкретным содержанием. Известный кашмирский поэт Надим пишет: «О мой дом, моя отчизна, мой волнующийся сад, будь свободным и цветущим, мирной радостью объят».

* * *

В течение почти двух столетий народы Индостанского субконтинента вели упорную борьбу против колониального рабства за национальную независимость. Эта борьба сплачивала все патриотические силы страны в единый антиколониальный, антиимпериалистический лагерь, способствовала сближению литератур народов Индии, наполняла их патриотическим содержанием, духом протеста против колониальной зависимости.

Поэтому борьба с колониализмом во всех его формах и проявлениях продолжает оставаться ведущей темой творчества прогрессивных писателей как Индии, так и других стран Азии. «Куда бы ни проникал колониализм, — пишет Кришан Чандр, — он проникал, как яд, в души людей... превращая их судьбу в сеть несчастий, болезней, эпидемий, войн. Колониализм — это тяжкая болезнь человечества».

Тамильский писатель П. В. Ахиландан привез с собой в Алма-Ату на V Конференцию писателей стран Азии и Африки свой новый, только что вышедший в свет роман, озаглавленный «Куда мы идем». Это остро-разоблачительное произведение, направленное против продажных литераторов, заботящихся не о процветании родины, а лишь о собственном благополучии. Им в романе противопоставляется журналист Чидамбарам, решительно вступающий в единоборство с владельцами реакционных газет. Проблема долга литератора перед своим народом, его роль в борьбе прогрессивных сил страны против внутренней и внешней реакции находят отражение в творчестве многих современных писателей Индии. Она поднимается и в романе «Нектар и яд» известного прозаика хинди Амритлала Нагара, недавно изданного у нас в издательстве «Прогресс», и в романе «Растерянное поколение» известного пакистанского прозаика Абдулы Хусейна.

В последние годы в индийской литературе появляются художественные произведения, разоблачающие действия маоистов. Эта тема особенно актуальна в Индии, испытавшей в свое время китайскую агрессию, постоянно подвергающейся угрозам и шантажу со стороны маоистов. Один из героев романа известного писателя Бхабани Бхаттачария «Тень Ладакха» говорит: «Не так уж трудно понять, господин Мао, ваше стремление установить свою гегемонию в Азии и Африке».

* * *

Одним из наиболее болезненных пережитков колониального прошлого народа Индостанского субконтинента продолжают оставаться религиозно-общинные предрассудки, индусско-мусульманская рознь, превращающиеся порой в национальное бедствие.

Индусско-мусульманская рознь, искусственно разжигаемая как в Индии, так и в Пакистане, и вылившаяся в бессмысленные военные конфликты, которые дорого обошлись молодым развивающимся странам, вызывает острую критику многих прогрессивных писателей стран Индостанского субконтинента. Роман «Мгла» прозаика хинди Бхишама Сахни — злободневная политическая книга, возвращающая читателя к событиям 1947 года, к разделу Индии и спровоцированным индусско-мусульманским столкновениям.

Общие цели национально-освободительной борьбы, дух солидарности с афро-азиатскими народами, борющимися против империализма и неоколониализма, все больше сплачивают народные массы Индии.

Недавно нам стало известно, что в Бомбее было образовано Индийско-пакистанское культурное общество и одним из инициаторов его создания являлся Балрадж Сахни и другие его соратники и коллеги, среди которых есть индусы и мусульмане.

Все это — ростки нового, плоды тех позитивных изменений, которые происходят в современном мире в результате разрядки международной напряженности. В своем известном антивоенном рассказе «Я буду ждать» Кришан Чандр писал: «Нет такого острого меча, который мог бы разрубить дружбу народов Азии». Эти слова сегодня звучат символично.

Евгений СИДОРОВ,

специальный корреспондент «Литературной газеты»

ЗВЕЗДЫ НАДЕЖДЫ

Сначала было небо. Черное тропическое небо с молодым месяцем, опрокинутым на спину. Знакомые звезды тоже располагались иначе, и ковш Большой Медведицы, как и месяц, был перевернут и приближался к земле, задевая краем темно-синюю даль горизонта.

Стояла весенняя полночь, тридцатиградусная по Цельсию, и поэтому звезды над Карачи казались влажными и горячими...

Навстречу, к трапу самолета шагнул коренастый, седой человек с лицом, потемневшим от времени и солнца, первый гражданин Пакистана, приветствовавший нас, делегацию советских писателей, на своей земле. Это — Фаиз Ахмад Фаиз, всемирно известный поэт.

...Влажные горячие звезды, пряный запах роз и магнолий, огромный город на берегу Аравийского моря, красочно иллюминированный в честь национального праздника — восемнадцатой годовщины со дня провозглашения Республики.

* * *

Наша делегация — первая из числа тех, которые предусмотрены новым соглашением о культурном обмене между Пакистаном и СССР. С приходом к власти в декабре 1971 года гражданской администрации в политическом климате Пакистана наметились позитивные сдвиги, направленные на установление добрососедских отношений с Бангладеш и Индией, со странами социалистического содружества.

Нас принимает правительственный Национальный совет по делам искусств. Мы встречаемся с творческой интеллигенцией Карачи, Лахора, Мултана, Пешавара, Равалпинди, беседуем с писателями и министрами, студентами и профессорами университетов, выступаем на митингах, организованных обществом дружбы «Пакистан — СССР».

Интерес к Советскому Союзу, к его многонациональной литературе огромен. Все крупнейшие пакистанские газеты ежедневно освещают наш визит. Имя руководителя делегации — Героя Социалистического Труда, лауреата Ленинской премии Михаила Стельмаха в короткий срок становится популярным.

Другой член делегации, таджикская поэтесса Гюльчехра Сулейманова читает свои стихи на родном языке. Ее понимают без переводчика — в Пакистане знают фарси, любят и ценят культуру народов Советской Средней Азии. Переводчик делегации, журналист Исаак Голубев жил в Пакистане, и у него здесь много друзей. Рядом с нами — первый секретарь

посольства СССР в Пакистане Роллан Джикия, директор советского Дома дружбы в Карачи Пармен Шеншин, самый молодой сотрудник посольства стажер Юрий Власкин.

Называю всех поименно, ибо требует этого не простой долг вежливости, а чувство искренней благодарности товарищам, с которыми мы дружно работали три жаркие пакистанские недели.

* * *

Что происходит в Пакистане? Какие социально-экономические, политические, культурные процессы определяют сегодня лицо страны? Разумеется, исчерпывающе ответить на эти вопросы я не берусь, но некоторыми наблюдениями хотелось бы поделиться.

Правительству З. А. Бхутто досталось тяжелое наследие от прошлых военных режимов.

Новый кабинат принимает меры для постепенной ликвидации многовековой экономической и культурной отсталости. Пакистан превращается в большую стройку, и слово «реформа», без преувеличения, самое популярное слово в стране. Правительство установило контроль над рядом крупных предприятий в важнейших отраслях промышленности, национализировало частные банки. Одна из главных задач промышленной реформы — повысить роль государственного сектора и тем самым уменьшить традиционную зависимость пакистанской экономики от импорта. В стране создаются новые отрасли отечественной промышленности, ведется разведка полезных ископаемых, строится большая гидроэлектростанция на Инде. Важным шагом явилась земельная реформа. Пакистан — страна аграрная, подавляющее большинство населения занято здесь сельским трудом. Сегодня уже миллионы крестьян получили в пользование небольшие земельные участки.

В соответствии с правительственной программой народного образования национализированы 99 процентов школ и все колледжи, введено бесплатное среднее образование, создаются единые стабильные учебники. Отпускаются большие средства на ликвидацию неграмотности и строительство новых учебных заведений. Министр культуры Синда доктор И. А. Аллана сказал нам, что треть годового бюджета провинции выделена в этом году на нужды просвещения.

* * *

Пробуждение нации ощущается и в ярком, богатом древними традициями искусстве Пакистана.

Не буду описывать архитектурные памятники Лахора, улицы Мултана, по которым бродили солдаты Александра Македонского, сокровища греко-буддийской скульптуры, собранные в музеях страны.

Обо всем этом можно прочесть в книгах и справочниках. Но в них не всегда можно прочесть о том бережном, любовном отношении к красоте камня, цветка, узора, орнамента, которое в крови у каждого пакистанца. Искусство здесь естественно разлито повсюду, оно присутствует в одежде, в предметах домашнего обихода, даже в удивительной походке стройных, изящных пакистанских женщин. Искусство как бы обнажает огромные эстетические и нравственные потенции народа, которые до недавнего времени сдерживались железными тисками экономического и социального гнета.

Современное искусство Пакистана начинает осваивать темы, которые ранее были под запретом. На одной киностудии Лахора я смотрел фильм «Куклы из земли» режиссера Ихтешама, главную роль в котором исполняет популярный киноактер Надим. Это первая пакистанская картина, посвященная рабочему классу. В ней, на мой взгляд, еще немало наивного и компромиссного, но вместе с тем это серьезная попытка раскрыть тяжелые условия жизни рабочих, защитить их право на классовую борьбу. В фильм вошли документальные кадры, снятые на рабочих окраинах Лахора, они-то и запомнились больше всего.

Выйдя на другой день после просмотра на центральную лахорскую площадь, я увидел перед зданием Ассамблеи провинции рабочую демонстрацию. Она несла лозунги: «Да здравствует рабочий класс!», «Да здравствуют профсоюзы!». Так кадры из фильма и сцена из жизни мгновенно совместились в одно изображение.

* * *

В Пакистане мы постоянно чувствовали живое внимание к нашей стране. Растет интерес к изучению русского языка. Уже организованы курсы в Карачи и некоторых других городах Пакистана. Во время наших поездок по стране к нам подходили школьники, самостоятельно изучающие русский язык, и просили русские книги.

Активизировалась работа Общества пакистано-советской дружбы. Недавно было принято решение о создании его единого центра и руководства. Во главе этого движения стоят видные журналисты, писатели и общественные деятели Пакистана — С. Хасан, М. А. Хан, Х. Ахтар, П. Х. Рашиди, И. А. Рахман, Н. Ахмад, старые и верные друзья нашей страны.

Не следует, однако, думать, что в Пакистане нет политических сил, которым не по душе курс нового правительства на мирное сотрудничество со странами Индостанского полуострова, со странами социализма. В Мултане, где существуют левоэкстремистские, маоистские группировки, мы прочли на стенах домов: «Нет Бангладеш!», «Не обольщайтесь итогами лахорской встречи руководителей мусульманских стран!» В том же Мултане на встрече с молодой интеллигенцией нам пришлось выдержать настоящий бой, отбивая крикливые атаки так называемых левых марксистов, черпающих сведения о Советском Союзе из пекинских источников.

* * *

За последние годы в литературу Пакистана пришли новые авторы, отстаивающие в своих произведениях идеи революционного преобразования действительности. Рядом с признанными мастерами поэтом Фаиз Ахмад Фаизом, прозаиком и поэтом Ахмадом Надимом Касми, поэтом Захиром Кашмири, чьи имена хорошо известны в нашей стране, успешно работают писатели молодого поколения, пишущие на урду, — доктор Анвар Садджат, драматург и новеллист, председатель Лахорского совета по делам искусств, поэты Анис Наги, Фамида Риаз, Надилам Хуссейн Саед. Развиваются синдхская, пенджабская и пуштунская поэзия и проза. В Пешаваре, центре Северо-Западной провинции, мы присутствовали на ежегодном вручении литературных премий; среди лауреатов были и молодые писатели.

В творчестве нового поколения пакистанских литераторов сильны ноты протеста против классового угнетения. Их герои нередко вспоминают В. И. Ленина, опыт Великой Октябрьской социалистической революции. Печататься молодым трудно. В сегодняшнем Пакистане по сути дела нет литературных журналов, которые бы пропагандировали прогрессивные произведения.

Беседуя с писателями, мы убедились, что в Пакистане необычайно популярны книги Достоевского и Горького, Чехова и Шолохова. Что же касается нашей текущей прозы и поэзии, она, к сожалению, здесь почти не переводится и потому еще мало известна. Развитие дружеских связей между нашими культурами, которые имеют давние и прочные корни, вступает сегодня в новую фазу, и надо надеяться, что и советские, и пакистанские читатели скоро получат более четкое представление о процессах, происходящих в литературах Пакистана и СССР.

Сложную, пеструю картину представляет собой писательское движение. Официально существующая Гильдия писателей Пакистана не пользуется в стране большим авторитетом. Это скорее профсоюзное, нежели творческое объединение. В последние годы в Карачи и Лахоре сложились новые группы молодых прогрессивных писателей. Впрочем, пока эти организации разобщены и не имеют четкой творческой и политической программы.

На повестке дня — съезд пакистанских писателей, который должен положить начало новому национальному писательскому союзу.

* * *

Пакистан переживает пору трудного, но перспективного развития. Переоцениваются ценности, отбрасываются предубеждения, нация готова к длительной борьбе за независимую и процветающую республику. Нас просили передать сердечные приветы советским людям и рассказать правду о том, что происходит в Пакистане.

Это я и попытался сделать в своих заметках, написанных по горячим следам, сразу по приезде домой. Впечатлений много, они противоречивы, но мне хотелось бы, чтобы они оказались верными.

Над Пакистаном горят сегодня звезды надежды.

КАРАЧИ—МОСКВА

Григорий КРОШИН

ПАНИКА

РАССКАЗ

КАК У НАС панике легко поддаются, удивительно.

Смотрю, несет один товарищ арбуз, хотя их нигде нету. «Значит, — думаю, — где-то дают арбузы»

— Где, — спрашиваю, — арбузы дают?

— Их не дают, — отвечает нехотя, — я лично купил за углом.

Подумайте, какой гордый. Их нигде нету, а ему достался, вот и отвечает уже сквозь зубы. Что ж, я арбуз не достану, что ли? Позвоню Юлии Петровне, она через Автандила что угодно из-под земли мне достанет. Иду за угол — нет, конечно, ничего подобного. Надул меня этот тип. Всегда я прихожу к шапочному разбору. Ни одного человека вокруг, не у кого про арбуз спросить. Смотрю — магазин «Овощи». Захожу — пусто. Продавщица стоит скучная, огурец доедает. Гнилой, наверное. Из брака.

— Скажите, — спрашиваю, — а что, арбузы кончились?

— У нас кончились, — говорит, а сама уже грушу трескает — из отходов, видимо.

Вот ведь народец, думаю. Шел с арбузом, не мог сказать, что они кончились, чтоб солидный человек зря не мотался взад-вперед. Чтоб тебе арбуз белый попался! Что же делать?..

Смотрю, еще один с арбузом тащится. Наглое такое лицо, а сам — еле-еле душа в теле, прямо хоть подпорки ставь. Ему этот арбуз и даром не нужен, а все-таки купил, раз такая паника. «Чтоб тебя перекосило», — думаю, а вслух спрашиваю:

— Где это арбузик отхватили?

— Да вон за углом в палатке.

— С утра записывались? — уточняю.

— Да нет там никого. Подходи и выбирай.

«Ну и фрукт, — думаю — Тоже хочет меня прогонять по жаре. Нет, чтобы поделиться с человеком» Побежал я на всякий случай скорей за угол, чтоб другие не опередили. А то многие, смотрю, в ту сторону бегут с авоськами. Прибегаю — действительно, палатка. У палатки — никого. Продавщица стоит скучает. Ломоть арбуза доедает — видать, бракованный, хотя и красный, а косточки черные. Рядом гора арбузов под проволочным каркасом.

— Есть, — интересуюсь, — арбузы-то?

— Разве не видите, — говорит. — Выбирайте.

— А-а-а... — говорю. — Понятно.

А сам размышляю: вот ведь паникеры. Арбузов-то, оказывается, завались И чего с ума сходить?! И пошел домой.

М. БЕРКОЛАЙКО, Гр. АРКАДЬЕВ

В ГНЕВЕ БЛЕДНЕЮ

Я БРИЛСЯ. В зеркале отражался греческий профиль, жесткие складки подчеркивали мужественность красиво очерченного рта и сбегали к резкому, волевому подбородку. Купальный халат не скрывал мощного торса, покоящегося на стройных, длинных ногах. Впрочем, ног в зеркале видно не было.

Итак, у меня греческий профиль, античное телосложение, но я никогда не стал бы воином Александра Македонского. Александр Македонский брал в свое войско только тех, кто в гневе краснеет.

Я же в гневе бледнею. Я становлюсь белым, как подвенечное платье Дездемоны. Это у меня с детства. Когда мы играли в индейцев, то все поочередно, даже самые заядлые маменькины сынки, становились вождями краснокожих. Я же неизменно оставался бледнолицым братом.

И только позже я понял, что Александр Македонский был глубоко прав в своем пристрастии к солдатам, чьи щеки в минуту схватки с полчищами Дария полыхали румянцем...

...На работе меня считают трусом. Несколько раз в году шеф делает мне два предложения. Во-первых, он предлагает мне закурить; во-вторых, он предлагает себя в качестве соавтора моей статьи. Несколько раз в году я наливаюсь гневом и заявляю, что, во-первых, я не курю, а второе противоречит моим принципам. Каждый раз он ласково смотрит на меня и говорит: «Неужели?». Я бледнею, а потом закуриваю и ставлю фамилию шефа впереди своей. И происходит это не потому, что я боюсь, но потому, что кровь отливает от лица и пропадает желание бороться, а хочется уйти домой, лечь и спрятать голову под подушку. Ибо таков исход гнева у тех, кто бледнеет.

...Дома меня считают тряпкой. Каждый год перед отпуском жена говорит мне, что мы поедем в Крым Каждый год перед отпуском я отвечаю, что мне надоел Крым. И тогда по ее некогда любимому лицу текут слезы, а в прошлом ласковые руки начинают бить сервиз. Я бледнею, а потом плетусь на вокзал заказывать билеты в Крым. И все это происходит не потому, что мне жаль сервиз, но потому, что кровь отливает от лица и пропадает желание спорить, а хочется уйти в другую комнату, лечь и спрятать голову под подушку...

Я вспоминал все это и чувствовал, что больше так продолжаться не может. Я презираю свой греческий профиль, мощный торс и стройные ноги, швыряю в выбритое лицо своего отражения обидные слова и вдруг вижу, что щеки мои багровеют. Я не поверил глазам, спрятал голову под подушку — и впервые вместо ощущения покоя появилась потребность действия.

Эта потребность была так велика, что я выбежал на улицу. Мчась к заветному дому, я заглядывал в витрины и с радостью убеждался, что на щеках все еще рдеет румянец гнева. Взлетев на девятый этаж, я обнял любимую женщину и сказал ей без обиняков, что люблю ее безумно, что не могу жить без нее, что приду к ней навсегда, если только жена еще раз вздумает повезти меня в Крым И что ответа я жду немедленно, ибо должен еще бежать к шефу.

— Я согласна! — прошептала она. — Но не волнуйся так, глупый. Посмотри, как ты побледнел!

...По улице, громыхая медью доспехов, тяжелой, мерной поступью уходило войско Александра Македонского. Уходило без меня.

ВОРОНЕЖ

ФОТОАТЕЛЬЕ

Что бы это значило?
Фото А. СОЛЯНКИНА (ПСКОВ)

ФРАЗЫ

● *Эволюция: был бездарностью, стал посредственностью.*

● *Ум — это не мозг и не голова. Ум — это ум.*

● *Чем проще биография, тем сложнее автобиография.*

М. ГЕНИН

● *Не верь приметам — они сбываются.*

● *Как трудно быть вежливым, когда ты прав!*

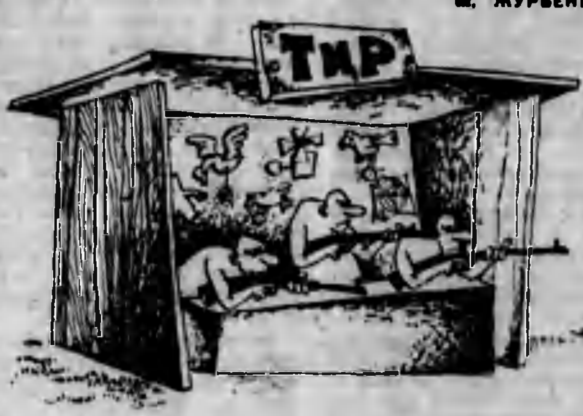
● *А выбрасывают все-таки цветы, а не вазу.*

А. ПЕТРИЛИН

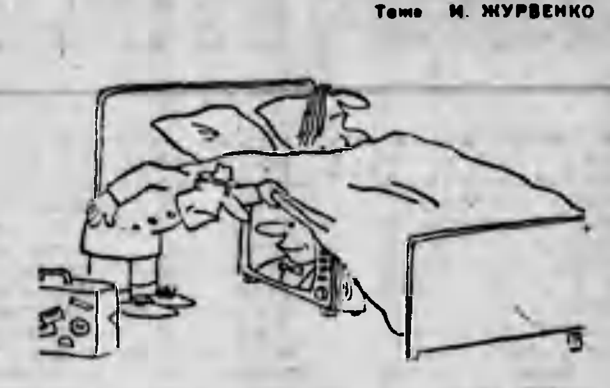
ЧУДАКИ

В. СОРОКИН

М. ЖУРБЕНКО



Тема М. ЖУРБЕНКО



В. ПЕСКОВ

Александр и Лев ШАРГОРОДСКИЕ

КАК РОМЕО И ДЖУЛЬЕТТА...

МНОГИЕ считают, что разводятся тогда, когда любовь кончается... Не знаю... Я, например, всех жен своих любил верно, крепко и преданно...

Как сейчас помню свою первую жену — ее звали Юленька. Красавица, богиня: когда она проходила по улице — оборачивалось почти все слои населения. Мы любили друг друга, как Ромео и Джульетта...

— Юленька, — просил я, — налей мне бокальчик «Муската».

— Одну минуточку, — отвечала она и приносила разбавленный «Кагор».

— Юленька, — говорил я, — сделай мне бифштекс.

— Мясо кончилось, — говорила она, хотя я знал, что в холодильнике его полно.

Как-то она подала мне протухший кусок конины, выдав его за цыпленка-табака...

Я стал заметно худеть, значительно ослаб, неизвестно откуда появились быстрая усталость и раздражительность.

Ничего не оставалось, как расстаться с Юленькой...

Только потом я узнал, что бедняя Юленька работала официанткой...

Чтобы как-то заглушить душевную боль, я пошел в Эрмитаж и там у скульптуры Венеры заметил ее... Она была выше Венеры и, я не побоюсь этого слова, красивее.

Звали ее Аннушка Кроткая, кистая, любившая балет и пастилу, она покорила меня, и мы полюбили друг друга, как Лейла и Меджнун, и в тот же день расписались.

Вечером я переехал к ней.

— К сожалению, свободных мест нет, — грустно сказала Аннушка, — придется тебе лечь на раскладушку.

— Милая Аннушка, — удивился я, — а эти два дивана, а тахта, а кушетка, я уж не говорю о софе!..

— Все занято, — ответила Аннушка, — а софа забронирована.

— Ну как же, родная... — начал я.

— Вот что, — сухо перебила Аннушка, — или ложись на раскладушку, или...

И она решительно указала рукой на дверь.

Я лег на раскладушку. Назавтра Аннушка положила меня на пол. А через день Аннушка сообщила мне:

— Сегодня приезжает гость из Люксембурга... Придется тебе переселиться к моей двоюродной сестре. Там у нее на комоде, по-моему, есть место...

Я стал плохо спать, снились кошмары... Ничего не оставалось, как расстаться с Аннушкой... Когда мы прощались — она плакала... Меня осуждали все ее коллеги — администраторы гостиницы «Интурист», но что я мог поделать...

Я шел расстроенный и убитый, как вдруг увидел очередь за бананами и, чтобы как-то совладать с болью, встал.

За мной заняла женщина, оказавшаяся моей будущей женой. Лбом и глазами она походила на итальянского физика Энрико Ферми, хотя ее звали Антонина Петровна. Она была гораздо старше меня, но зато и немного выше.

Мы полюбили друг друга, как Самсон и Далила, и, плюнув на бананы, поехали на ее машине в загс, а оттуда ко мне.

— С тебя семь шестьдесят, милый, — нежно сказала она, снимая фату.

На счетчике было рубль двадцать. Из радости я не стал спорить и дал ей десятку. После торжественного ужина Антонина Петровна развозила гостей по домам... Это были мои близкие друзья... Больше они со мной не здоровались.

Она возила меня на работу какими-то фантастическими маршрутами, пролегавшими почему-то через соседние города и села, а однажды высадила меня на далекой окраине, сказала, что едет в парк, посадила трех пассажиров и умчалась...

Вскоре у меня кончились деньги, и ничего не оставалось, как расстаться с Антониной Петровной...

Я так привык ездить в такси, что тут же остановил машину и плюхнулся на заднее сиденье. Рядом уже сидела она, женщина, оказавшаяся моей будущей женой...

Трепетная лань — это все, что я вам о ней скажу. Мы полюбили друг друга, как Абессалом и Этери... Ей оставалось всего несколько часов до восемнадцати лет, после чего мы расписались...

Она очень спешила на работу и, оставив свой телефон, убежала Родная, я больше не видел тебя!.. Вот уже четвертый год, как я набираю твой номер — «09», но тщетно...

Если я когда-нибудь дозвонюсь, мы поедем с тобой и разведемся...

И уж если я женюсь снова, то первое, что спрошу у своей будущей супруги:

— Простите, а вы, собственно, кем работаете?

ИРОНИЧЕСКАЯ ПОЭЗИЯ

Сулеймен МАЙМУЛОВ

Двое

Шел по улице я, а навстречу двое.
И не видел у них выраженья живое.
Был поэтом один, создавая он творенья лирические.
И об этом другой излагал свои знанья критические.
В общем и целом —
Оба заняты делом.
Тот, кто пишет стихи,
наблюдает, как жизнь расцветает.
Тот, кто пишет статьи,
наблюдает, как он наблюдает.
В общем и целом —
оба заняты делом.
Тот, кто пишет стихи,
не скрывает лукавой улыбки,
Тот, кто пишет статьи,
осуждает его за ошибки.
В общем и целом —
оба заняты делом.
Тот, кто пишет стихи, мне
сказал, уступая дорогу:
— Насадил я свой сад и
сберег, сколько мог понемногу.
Тот, кто пишет статьи, был
речами такими обижен:
— Надлежит, чтобы сад был
как можно ровнее
подстрижен!
Полагаю, что это изрядно б
улучшило кроны!
И сказал я: — Не спорьте!
Вы каждый по-своему правы!

Перевел с киргизского Игорь ВОЛГИН

Вадим ЛЕВИН

Весенние восьмистишия о природе вещей

КАЛОША

Апрель щебечет в синеве.
А под сосною старой
Лежит калоша на траве —
Забытая, без пары.
И я один. Вокруг весна.
И день такой хороший...
А где-то есть еще одна
Непарная калоша!

ВОДА

Я поливаю вешнюю траву.
А солнце жадно испаряет воду.
Туманом застилая синеву,
Пророча тучи, ветер, непогоду.
И вот из крыши
радостный поток
«Буль-буль» поет и что-то
в этом роде.
Протек в гостиной новый потолок —
Идет круговорот воды
в природе.

ТРАВЫ

Зимой природа сном объята.
Не ждут весну нетерпеливо
Термопсис. Подорожник. Мята.
Шалфей. Полынь. Тмьян. Крапива.
И вспоминается упорно
Поэзия начала века:
Дурман. Мордовник. Мак снотворный.
Ночь. Улица. Фонарь. Аптека.

МЕТАМОРФОЗЫ

Весна течет и изменяет.
Окраску изменяет пруд.
Автобус мимо проезжает,
Поскольку изменил маршрут.
Но раз, кто изменил жене,
В на внлюну в свои примеры.
Поставлю точку, ибо мне
Не изменяет чувство меры.

ХАРЬКОВ

Л. НОВОЖЕНОВ

ЗВОНОК

МИШУ, старшего техника, позвали к телефону. А идти нужно в другую комнату.

Вышел Миша в коридор — стоп! — на левом ботинке развязался шнурок. Уже давно замечено: на новой обуви очень часто развязываются шнурки. Справился Миша со шнурком, пошел дальше. Вдруг — бац! — на правом ботинке шнурок развязался. «Это уже слишком!» — подумал Миша и снова склонился над шнурком. А навстречу Леночка, секретарша:

— Поздравляю вас, Миша.

— Неужели?!

— Да, уже и приказ есть, — говорит Леночка. — Выходит дело, с повышением.

— Ой, Леночка, с меня шоколадка за новость.

— Не меньше, — говорит Леночка и дальше каблучками простучала.

Миша идет и думает: «Я теперь не просто старший техник, я — инженер. Это хорошо. Но куда же это я шел? Ах да, к телефону».

Только он так подумал, кто-то за рукав трогает. Обернулся — замглавного.

— Очень кстати я вас встретил. Зайдите ко мне. Дело есть.

В кабинете замглавного народ сидит.

— Дела, значит, обстоят так и так, — говорит замглавного. — Если учесть такие-то и такие-то обстоятельства, то будет то-то и то-то. А ваше какое мнение?

Миша наморщил лоб и ответил:

— Мое мнение положительное, если не считать отдельных отрицательных моментов.

— Мы здесь с товарищами посоветовались, — говорит замглавного, — и тоже так думаем. Ну, добро. Я доложу главному, что и вы и нашему мнению присоединяетесь.

Вышел Миша от замглавного.

«Однако, — думает, — я ведь куда-то шел. Кажется, к телефону. Ну, конечно, я шел к телефону».

А тут каблучки Леночкины стучат:

— А у меня для вас новость.

— Неужели меня...

— Именно.

— Вы, Леночка, добрый ангел. Коробка конфет за мной.

— Не меньше.

И они разошлись.

«Вот я уже и старший инженер, — думает Миша. — И это очень хорошо. Но помнится мне, куда-то меня вызывали, куда-то я шел. Не куда?»

Кто-то взял его за рукав: «Сюда, товарищ, сюда», — и Миша оказался в просторном зале, где сидело очень много людей. Кто-то что-то говорил с трибуны. А потом председательствующий сказал:

— Сейчас выступит наш старший инженер, товарищ Петров Михал Михалыч.

Миша взошел на трибуну, выпил воды:

— Здесь, товарищи, многое говорилось. Многое было правильно, кое-что неправильно. То, что правильно, надо поддержать. А то, что неправильно, поддерживать не надо. Время диктует нам делать то-то и то-то и не делать того-то и того-то, не останавливаясь перед тем-то и тем-то.

— Правильно, — раздалось с мест.

Миша сел, но тут его словно в бок толкнуло: «Мне же к телефону надо». И он пошел.

А навстречу Леночка, Елена Сергеевна, секретарша:

— Михал Михалыч, вам первому...

— Не может быть, Лена...

— Уже и приказ есть.

— Ты не меняешься, Лена...

— Что вы, Михал Михалыч!

— Ну, ладно, ладно, с меня «Арагви»...

«Итак, я уже начальник отдела, — думал на ходу Михал Михалыч. — В моем положении нужно одеваться получше. Вон ботинки как обносились. И чего это я все иду, иду куда-то? Как же это я мог забыть?!»

Михал Михалыч вошел в комнату, где стоял телефон.

— Алло, фу-фу! — подул он в трубку. — Петров слушает.

— Миша, это я. Ты к ужину будешь? — прозвучал в трубке далекий-далекий голос и как будто знакомый.

«Где же я его слышал?» — подумал Михал Михалыч. И тут его как осенило: — Нет, не буду. Не жди, ужинай без меня.

...А мы тут у себя в отделе с ног сбились. Михал Михалыча ищем. Все уже в полном сборе, вон и самовар тульский — каждому уходящему на пенсию такой дарим, а виновника торжества нет.

— Да его ж, братцы, к телефону позвали, — вспомнил кто-то из ветеранов отдела.

...Вот странно. У него же в кабинете три телефона стоят. Он у нас начальником был.

ПЕРЕВОДЫ ЦЕЬЕВОУРІ

Анатоль ПОТЕМКОВСКИЙ

ТОРЖЕСТВО

СПЕРВА мы подумали, что это свадьба, но потом нас охватило сомнение Было чересчур весело. Видимо, гуляли за государственный счет.

— Что там происходит? — спросили мы у пани Зоси, когда она принесла нам закуску и пол-литра.

— Не знаю, — сказала она, — какая-то компания из промтоварных сфер. Сидят здесь с обеда.

Товарищи из промтоварных сфер, одетые во все темное, оккупировали несколько составленных вместе столиков у окна. Настроение было приподнятое, беззаботное.

Довольно долго господствовал неразборчивый шум, и наконец кто-то постучал ножом по стакану.

— Тихо! — закричали товарищи из промтоварных сфер. — Тихо! Слово имеет пан директор!

— Тихо! — закричали другие на тех, что кричали первыми. — Дайте говорить! Тихо!

Из-за столика поднялся мужчина с ясным взором. В руке он держал сто граммов хлебной.

— Друзья! — начал он просто. — Мы собрались здесь, чтобы отметить сегодняшнее торжество.

— Браво! — закричали все сразу. — За здоровье директора Амброзяка!

— Спасибо! — сказал директор. — Спасибо. Сегодня праздник нашего предприятия, и это праздник для нас всех, потому что мы убедились: путь, по которому мы идем, — правильный.

— Здоровье дам! — вырвалось у кого-то.

— Спасибо! — сказал директор по привычке. — В течение долгих лет мы были объектом непродуманной критики, придирались к нам по каждому поводу и из-за каждой мелочи. Но недоброжелатели оказались неправы!

— Неправы! — поддержали за столиками.

— Мы отбросили непродуманные концепции, всевозможные новинки и фантазии, — продолжал директор. — Мы шли своим путем, и теперь, друзья, праздник на нашей улице. Годами нас критиковали, а кто вышел на заграничные рынки, я вас спрашиваю?

— Мы! — гаркнули товарищи из промтоварных сфер.

— Мы вышли!

— Вот именно — мы! — согласился директор.— Предприятие галантной одежды «Передовик». Особо отличившимся работникам предприятия будут выданы денежная премия и почетные дипломы. Я имею в виду в первую очередь заведующего складом товарища Лобанец, закройщика товарища Панасика, мастера отделки товарища Рокошаньского.

— Ура! — закричали собравшиеся.

— Вот именно, — сказал директор, — ура! Если бы не они, наш успех не был бы возможен. Но теперь каждый из нас имеет причины для радости. Общими усилиями мы открыли перед предприятием новые горизонты!

Надо сказать, что все это нас как-то немного даже взволновало, хотя мы и не имели понятия, о чем идет речь. Только на следующий день Беспальчик прочитал газетную заметку о том, что внешнеторговые организации заказали нашему предприятию большую партию одежды, популярной у западной молодежи, а именно: помятой, плохо сшитой, имеющей вид старого тряпья.

Может, это имеет какую-то связь с тем торжеством, свидетелями которого мы вчера были...

Перевел с польского Н. ЛАВКОВСКИЙ

СТЕНГАЗЕТА КЛУБА «РОГА И КОПЫТА»

● КАСКАД ДЕБЮТОВ

Новый художественный фильм снимается на Московской киностудии. Постановщик картины — известный в прошлом оператор Лебедев. Это его режиссерский дебют. Главную роль исполнит Раков, которого зрители знают как опытного режиссера. Музыку к фильму пишет популярный актер кино Щукин, впервые выступающий в роли композитора.

● ОБЪЯВЛЕНИЕ

Приучаю детей не бояться темноты

Петровна

● УКРЕПЛЯТЬ КАДРЫ

В один из ЖЭКов города Заборска назначен новый начальник, у которого шесть пядей во лбу Это на 2,3 пяди больше, чем у предыдущего начальника, снятого за развал работы.

ВЫХОДИТ ПО СРЕДАМ
Цена 15 коп.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

АДРЕС РЕДАКЦИИ: 103654 ГСП Москва Ц. Цветной бульвар 30 Телефон для справок 295-00-00 доб. 63

А. ЧАКОВСКИЙ (главный редактор).
Редакционная коллегия: Ч. АЙТМАТОВ, В. ГАЛАНОВ, В. ГОРБУНОВ (отв. секретарь), Г. ГУЛИА, В. КРИВИЦКИЙ (зам. главного редактора), Г. МАРКОВ, Г. МЕРКУЛОЧЕВ, С. НАРОВЧАТОВ, Л. НОВИЧЕНКО, О. ПРУДКОВ, В. СУББОТИН, В. СЫРОКОМСКИЙ (первый зам. главного редактора), А. ТЕРТЕРЯН (зам. главного редактора), А. УДАЛЬЦОВ (зам. главного редактора), А. ХАКИМОВ.

А—01034 Напечатано с матриц в типографии «Советская Сибирь», г. Новосибирск. Зак. 398 ИНДЕКС 50067